

«Роман Елены Вернер для тех, кто верит в
знаки судьбы и всепоглощающую любовь!»

Телеканал «Русский роман HD»

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

● САМОЕ ЯРКОЕ ОТКРЫТИЕ 2015 ГОДА ●

*Три Косточки
талисманда*

Annotation

На берегу теплого моря мужчина делает девушке предложение. Она влюблена, но отвечать согласием не спешит – ведь оба знают, что смертельная болезнь скоро удалит ее из списка живущих. Однако Павел настойчив. Что заставляет его не принимать в расчет грядущие проблемы? Всего день он дал на размышления своей Марине. И тогда она решает получить совет у тайской гадалки...

- [Елена Вернер](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
-

Елена Вернер

Три косточки тамаринда

- С чего начинается человек?
- С плача по умершему.

(Мераб Мамардашвили)

Даже за день до смерти не поздно начать жизнь с начала.

(Алексей Арбузов. «Мой бедный Марат»)

© Вернер Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Пролог

Бывают реки, что ровно текут от своего истока к устью и в положенном месте впадают в море. Но бывают и другие. Те, чувствуя морскую близость, ветвятся, будто упрямятся или медлят, и при этом влекутся к нему еще полнее, образуя сеть простертых рук. Тогда-то у реки и появляется дельта.

Часть первая

Ее не раз предупреждали, что рип – это серьезно. Когда она впервые услышала это слово, то не поняла его значения. Аббревиатуру RIP она знала лишь в одном ключе: «Rest in peace», что означает «Покойся с миром», и какое отношение эти скорбные слова имеют к одному из лучших пляжей мира, взять в толк никак не могла. Пока Денис, их гид, худой, гладко выбритый и совершенно свежий в этой невыносимой жаре (Марина видела – подмышки его форменной рубашки-поло сухие, или, может, это местный хваленый кристаллический дезодорант так справляется?), не пояснил:

– Рипом называют отбойное течение. Оно образуется из-за особенностей пляжа и нередко захватывает купающихся. Так что, пожалуйста, не заплывайте далеко от берега и не купайтесь ночью. Если поднимается волнение на море, лучше отправиться на соседний пляж, благо в транспорте тут нехватки не наблюдается. А теперь, друзья, давайте я расскажу вам о...

Уже потом, после экскурсии, Марина обратила внимание на щиты, установленные у каждого входа на пляж. На них изображалась крупная схема течения, уходящего прочь от берега и несущего с собой в открытое море пловца. Это было предупреждение – и все равно беда случалась здесь уже не единожды.

Отбойное течение. Во время отлива песчаная коса, скрытая под водой, мешает быстрому отходу воды от берега, и в месте, где невидимый лиман соединяется с остальным морем, образуется протока с очень большим водяным давлением. Вода затягивается морем, и вместе с нею там могут оказаться незадачливые купальщики. Не имеет значения, насколько хорош пловец – он может быть олимпийским чемпионом, плещущимся на мелководье ребенком или кумушкой, прыгающей по плечи в воде и обсуждающей с подругой личную жизнь соседки, – течение справится с любым. И неправда, что в море тонут только пьяные, – в море тонут обессиленные, а сопротивляться ему бессмысленно, человек всегда проиграет стихии. Выберется из течения лишь тот, кто знает выход: плыть не к берегу, а в сторону. Чем больше стараться противостоять рипу, тем вернее можно выбиться из сил и поддаться панике, а паника – это вообще последнее дело. Если же плыть параллельно берегу, то через несколько метров течение отпустит, и только так можно выбраться из его упрямого

потока... Это справедливо для тех, кто действительно хочет выплыть из рипа. Доплыть до берега, рухнуть на полотенце, рассказать ничего не подозревавшим спутникам, что только благодаря собственным знаниям ему удалось избежать гибели, а потом вечером поднимать стаканы за второе рождение. По истечении отпуска вернуться домой, в какую-нибудь холодную страну (ведь любая из стран по сравнению с этой – холодная), и зажить как прежде, лишь изредка припоминая, что, кажется, однажды был на волосок от смерти, но – пронесло.

Марина хотела попасть в рип и не выплыть.

Собственно, чего греха таить, не выплыла она уже давно. Просто выяснилось это только три недели назад. Так бывает, вроде ходит человек под Богом, жив-здоров, доволен собой и не знает, что про него уже всё решили...

Стоя у кромки отступившей воды, она постаралась было по привычке отмахнуться от этих навязчивых сожалений, как пыталась отмахнуться все последние дни, но вдруг почувствовала себя измотанной до предела. Все, это конец. Ничего дальше уже не будет. Сегодня последний день ее жизни. Эту мысль она попробовала на все лады, покрутила, повертела, ощутила горлом и кожей. Как будто в детстве, когда языком трогала прореху от выпавшего молочного зуба: неприятно, чуть больно, но удержаться нет никакой возможности. Она устала бороться, держаться, крепиться и не видела в этом ровно никакого смысла. Лучше закончить все прямо сейчас, чем ждать, когда... Все, хватит.

На твердой, влажной еще полосе песка осталось лежать ее махровое полотенце, рядом были аккуратно сложены шорты и майка с фиолетовыми пальмами, а плетенная из белой соломки шляпа придавлена полупустой бутылкой воды, чтобы ветер не утащил. Рядом сновали люди. Как же много людей – больших, маленьких, черных, белых, красных от ожогов, худых как жерди, пухлых... Два темнокожих француза перебрасывали друг другу мяч и гортанно переговаривались; молодой отец нес прочь от воды голопопного сына, тот отчаянно ревел и размазывал сопли по лицу. Китайка в черной шляпе с огромными полями пыталась сфотографировать саму себя, держа фотоаппарат на специальной палке... Как же она называется? А впрочем, уже неважно.

Марина зашла в воду. Песок под ступнями немного оползал. Сильная волна чуть не сбила с ног, и Марина решила, что плыть лучше, чем идти, даже несмотря на то, что во время отлива глубина тут на многие метры всего по пояс. Она погрузилась в воду, стараясь не признаваться самой

себе, что это приятно – вот так ощущать разгоряченной кожей теплую воду Андаманского моря, разгребать ее руками, отталкиваться ногами от упругой толщи. Солнце затянуло пепельной дымкой, и поблескивающая гладь моря стала металлической. Марина плыла среди расплавленного свинца. Все дальше и дальше.

Она искала рип. Ей бы хотелось быть подхваченной течением и отдаться на его волю, перестать решать. Ей так надоело решать! Пусть хоть раз ее захватит стихия, возьмет в плен и поступит так, как и полагается поступать стихии: разрушительно и жестоко. Перестав грести, она взглянула влево и вправо, на края вытянувшейся полумесяцем бухты. Нет, не было никакого непреодолимого движения, никакой тяги. Ну вот. Она даже утонуть толком не может... Марина принялась грести дальше. Черт с ним, с рипом. Если плыть от берега достаточно долго, пока не оставят силы, то потом выхода уже не будет... Может быть, ядовитая медуза или акула, в крайнем случае судороги. Ведь Вампилов, кажется, так умер? Впрочем, там был Байкал, а на Байкале холодно... Единственный, кто может помешать, – спасатели, но их за все две недели пребывания Марина не видела ни разу. Только катера, которые катают отдыхающих на парашютах и «бананах», да арендованные гидроциклы, один из которых чуть было не пронесся сейчас прямо у нее по голове. Мужчина гаркнул что-то, но слов Марина не разобрала.

А это даже поэтично. Течение, название которого велит покоиться с миром. Волны должны подхватить, унести, укрыть зеленоватым одеялом тропического моря, упокоить. Навсегда. Навсегда. Чтобы больше ни волнений, ни сожалений, ни утомительного в своей справедливости безысходного вопроса «почему это со мной»...

Вскоре Марина запыхалась. Она хотела остановиться и немного отдохнуть, лежа на спине, как делала всегда. Но сегодня не тот случай. Сегодня надо не перевести дух, а устать, устать до изнеможения, до полного неподчинения тела разуму.

Приближался катер. За ним на длинном тросе высоко-высоко над бухтой парил красный парашют с нарисованными на внутреннем куполе глазами и улыбочкой. Люди под парашютом превратились в две закорючки. Марина в который раз отметила про себя поразительную разношерстность земного мира. Она вот решила покончить с собой, потому что загнанных лошадей пристреливают, а кто-то прямо над ней летит на развеселом парашюте, и жизнь его в этот момент как никогда пикантна и наполнена ощущением пронзительно острого «здесь и сейчас». Все это до того абсурдно... Но идущий полным ходом катер вызывал ее беспокойство. Как

бы паренек, сидящий на носу, не заметил ее. Она не знала, что хуже – попасть под винт катера или быть спасенной и выуженной из воды его командой. Не желая решать даже этого, она просто поглубже нырнула. Мир искаженных таинственных звуков, где главный, все более усиливающийся – двигателя катера. Глаза здесь открыть невозможно, уж очень соленая вода. Марина плыла наугад, погружаясь все сильнее. Грохот достиг своего пика и пошел на спад, удалялся, катер явно промчался мимо. На уши давило, воздух в легких заканчивался. Надо же, какое нестерпимое желание вдохнуть. Можно помедлить еще секундочку, и еще, и вот посчитать до раз, два, три, четыре... Ее тело вопреки приказам изменило траекторию движения. Как человек, запутавшийся в паутине, стремится поскорее отряхнуть ее, отвести от лица и плеч, так и Марина заработала руками, отгребая воду от себя. В груди жгло огнем. Плотная толща воды покорно вытолкнула ее наверх, и Марина с хрипом втянула в себя воздух. Во рту горчило от морской соли, глаза слезились, сердце больно застревало в самом горле.

Она все-таки откинулась на спину.

За время ее заплыва небо успело зардеться. Дымка вокруг закатного солнца рассеялась. Теперь, когда в мыслях была гремящая пустота, Марина могла бы до скончания веков лежать вот так на спине, отдавшись на волю волн, и смотреть в розовый пепел опрокинутого неба. На какое-то время она отключилась, или ей это показалось. Полностью придя в себя, Марина подняла голову. Ее не существовало. В мышцах и затылке тяжело переливался тот же свинец, что был повсюду. Но что-то все же было не так. Марина пригляделась. Да. Движение. Неторопливое, но неуклонное движение от берега в море. Она нашла рип – или рип нашел ее. Покоиться с миром? Марина сделала несколько пробных гребков. Она не знала, что собирается делать, ею руководила растерянность, а она плохой советчик.

Нет-нет, напомнила Марина себе. Все кончено, все решено, ее смешные попытки остаться в мире живых лучше пресечь на корню. Марина откинулась на спину. Усталое оцепенение исчезло, на смену ему пришли тревога, беспокойство, так что живот свело, скрутило, и Марина на секунду скорчилась.

Ее относил все дальше. Берег затягивало влажным туманом. Еще несколько минут, и на набережной начнут вспыхивать огоньки. Марина почувствовала студенистую дрожь. Ей захотелось избавиться от этой воды вокруг нее, захотелось почувствовать под ногами твердую землю, идти, ощущая свое тело, твердость асфальта, сыпучесть песка, а не эту упругую гладкость соленой невесомости. Ей захотелось вернуться туда, в мир

живых, где пахнет едой с макашниц^[1], которые вот-вот уже приедут на главные улочки, где загорелая дородная аргентинка обмахивается расписным веером, а китайка придерживает шляпу с огромными полями. И может быть, в кафе с клубнично-розовыми стенами Марина украдкой еще взглянет на того скандинавского мужчину, что всегда сидит за крайним столиком... Здесь ли он еще, не уехал ли куда?.. Ей захотелось прожить сегодняшний вечер. Только сегодняшний.

Она резко заработала руками, стараясь превозмочь усталость. Плечи отяжелели, руки слушались с трудом. Несколько рывков на пределе сил – и Марина поняла, что никуда не движется. Ей не совладать с течением. Она почувствовала, что задыхается, накатила душный бестолковый страх. Господи, что же делать?.. Только не сейчас. Ей казалось, что ноги тянут ее на дно, и она впервые задумалась: а сколько же тут до дна? Десять метров? Больше? Она и понятия не имела, даже приблизительно, но поняла, что вся эта огромная масса воды тащит ее на своем теле, как кит прицепившегося к спине моллюска. Что делать? Что делать? Вдоль берега. Что – вдоль берега?

Плыть вдоль берега, вспомнила она наконец. Выбраться из рипа можно, не сопротивляясь ему, а направляясь параллельно берегу и перпендикулярно направлению течения. С трудом понимая смысл, Марина все же поплыла. Она гребла руками и ногами, суставы ныли, почти скрипели, будто она стала ржавой шарнирной куклой, ребра резали легкие. Она закашлялась и нахлебалась воды, безрассудно замолотила ладонями по воде, нырнула, всплыла, хватая ртом воздух. Марина боялась взглянуть на берег. Если он еще дальше... Тогда ей уже не выбраться.

Ее отнесло на камни, и, вылезая, Марина изранила ногу и сильно ушибла бок. Пальцы, не подчиняясь больше ничему, кроме инстинкта, так сильно схватились за каменную поверхность, покрытую слизью и коричневым водорослевым налетом, что несколько ногтей ободрались до мяса. Потекла кровь, защипало, и это немного отрезвило Марину. Она распласталась по бурому камню, чувствуя его горячую скользкую твердость щекой, ладонями, грудью, животом. Горячий. Устойчивый. Он не качается на волнах. Какая радость.

Однако у нее не было сил радоваться. У нее вообще не осталось сил. Марина хотела приподняться на локте и оглядеться, но вместо этого закрыла глаза. Через мгновение она уже спала.

Проснувшись в темноте, Марина испугалась и подскочила, тут же поскользнулась и чуть не улетела вниз тормашками в воду. Схватившись рукой за камень, она почувствовала резкую боль в пальцах, и в голове

окончательно прояснилось. Она вспомнила и свой заплыв, и неудавшееся утопление, и рип, и сорванные ногти. Оставалось только догадываться, насколько плачевно она выглядит и как долго провела в отключке: на здешних широтах ночь обрушивается стремительно и сразу после заката все заволакивает тьмой. Это так не похоже на долгие летние вечера средней полосы, когда сиреневые сумерки стоят по нескольку часов, постепенно густея, как черничный кисель.

С грехом пополам Марина доковыляла до песчаного берега, то прыгая по огромным валунам, очертания и размеры которых только предполагала, то забираясь на них почти ползком. На песке она немного передохнула, потом зашла по щиколотки в воду и стала тереть себя ладонями. Наверняка все ее тело покрыто пятнами слизи, которая выросла на валуны, полдня стоящие под водой во время прилива. Соль прожигала пораненную кожу, и Марина, ощутив разом, в скольких местах ей больно, пришла к выводу, что ее изрядно потрепало. И все же... Все же от этой боли ее охватило удовольствие. Она впервые за долгое время почувствовала хоть что-то, с этими вот саднящими коленями и кончиками пальцев, в которых жгуче пульсировал огонь.

Она медленно прошлась по опустевшему пляжу, лишь изредка встречая людей. Без света фонарей их лиц было не разобрать, одно только присутствие и бесплотность теней. Она так и не смогла найти свои вещи, в такой темноте ничего не стоит пройти в двух шагах и не заметить. А может, за это время для них нашелся другой хозяин.

Марина лихорадочно соображала. Идти по городу в одном купальнике неприлично. Кажется, у дорогого отеля, что стоит у левой оконечности пляжа, несколько бунгало выходят прямо к берегу. Что, если попросить у тамошних постояльцев помощи? Она быстро зашагала по песку. Под ее пятками он похрустывал, словно только что выпавший снег. Знаменитый поющий песок. Марина пнула его посильнее и услышала знакомое «пиуу», похожее на негромкое повизгивание или звон задетой струны. Она засмеялась, чувствуя себя немного пьяной.

Окна ближнего бунгало были темны. Пройдя через калитку, Марина уже хотела разыскивать главный корпус отеля, но тут заприметила рядом с мощеной дорожкой натянутую между пальмами веревку, на которой сушилась пара полотенец и чья-то пляжная туника. Недолго думая, Марина продралась через цветущую бугенвиллею, перегнулась через низенький заборчик и стянула тунику с веревки. Судя по всему, обитатели бунгало не скоро обнаружат пропажу, и, возможно, Марина даже успеет вернуть ее на место. Ей бы только добраться до дома.

Пляжная туника принадлежала Кристине Миттельбаум из Люнебурга, но на бельевой веревке во дворике бунгало оказалась совершенно случайно. Ведь ее хозяйка, сорокалетняя разведенная юристка, приехавшая на курорт с сыном-подростком, занимала номер в отеле «Сентара», а вовсе не здесь. Однако днем раньше, перебрасываясь фрисби со своим сыном, она случайно налетела на проходящую мимо пару. Помогая фрау подняться, рассыпаясь в извинениях с одной стороны и в любезностях – с другой, все четверо разговорились.

Все они владели немецким, что облегчило общение и даже вызвало глубинное взаимопонимание, возникающее лишь между согражданами вдалеке от дома. Сербы Златовичи – стоматолог Милош и его жена Сенка – познакомились в Берлине, где кареглазая фигуристая Сенка слушала лекции по биологии в Гумбольтовском университете, а Милош пломбировал кариес и лечил каналы в небольшой чистенькой клинике в Трептове. Он, сын эмигрантов, вырос в Германии, тогда как Сенка, дочь высокопоставленного сербского чиновника, только-только в то время начинала обживать на новом месте. На свадьбе в Белграде гости твердили наперебой, что более красивых и влюбленных молодоженов еще не видали, а два прежних воздыхателя Сенки подрались на заднем дворе ресторана, не имея возможности «начистить рыло» счастливчику Милошу.

Обо всем этом супруги поведали фрау Миттельбаум и ее сыну Курту за ужином, поглощая бургеры и жареную картошку, по которым и те, и другие уже успели соскучиться за недолгий отпуск. О чем они умолчали, так это о кипучей ревности Сенки.

Кроме балканского темперамента она располагала и другими, вполне реальными причинами ревновать: Милош был на редкость хорош собой. Большую часть его постоянных пациентов составляли женщины. Это они, лежа в стоматологическом кресле, затаив дыхание следили за его ласковыми глазами над медицинской повязкой.

– Какие у вас длинные ресницы, доктор.

– Это не так удобно, как вам кажется. Цепляются за стекла очков, – ответ был уже заготовлен. Но отбоя от воздыхательниц все равно не было. Пара особо настойчивых раздобыли его телефон и названивали домой, чем доводили Сенку до истерик. Милош мог сколько угодно отпираться и взывать к здравому смыслу жены, однако святым он отнюдь не был, и пару раз, пока Сенка гостила у родителей, умудрился оказаться в постели с собственной ассистенткой. В тот раз все сошло ему с рук, ассистентка вскоре перешла в другую клинику, а Сенка так ни о чем и не узнала.

Кристине Миттельбаум он приглянулся сразу же. Эти медлительные сливовые глаза, волнующая дорожка волос, спускающаяся от пупка вниз, под резинку синих купальных шорт, гортанный смех и легкий бархатистый обертон, слишком незначительный, чтобы быть акцентом, но все же заметный уху коренной немки. Все настраивало ее на опасный лад. Виновато было и море, и солнце, и коктейли, после которых все приобретало игриво-радужный окрас, и сам Милош. Он не дал понять, что категорически против продолжения. Когда пару раз Кристина и Милош встретились глазами, отпивая из бокалов терпкую жидкость, каждый из них со сладким удовольствием прочитал во взгляде другого согласие и почти преступный сговор.

Бдительность Сенки была усыплена, вероятно, наличием у фрау Миттельбаум сына Курта, которого, кстати, вот уже второй день занимала сама Сенка. В свои пятнадцать он впервые получил возможность так долго, близко и безнаказанно разглядывать женское тело, в купальнике или в легком платьице, смуглое, с высокой грудью и дерзко торчащими под мокрой синтетикой купального костюма сосками, крепкими округлыми коленками и подтянутыми ягодицами. К вечеру этого дня он мог уже с закрытыми глазами описать по памяти всю Сенку, и переплетение ее кос, и родимое пятнышко у правой ключицы, и темный пушок над верхней губой, где иногда выступали крохотные микроскопические капельки, от чего у Курта голова шла кругом.

На закате Златовичи и Миттельбаумы перекусили в кафе через дорогу от пляжа и распрощались. Милош проводил Сенку до четырехэтажного сияющего спа-салона у дорожного кольца, Кристина с Куртом отправились в отель. Но в дверях номера фрау Миттельбаум сообщила сыну, что надумала отправиться на массаж:

– Я максимум на полчаса.

Через семь минут Милош прижимал Кристину к прохладной стене бунгало, стремясь едва ли не съесть заживо. Еще через минуту они ввалились в темную комнату. Света так и не зажгли.

После первой ожесточенной схватки Кристина, впервые за долгое время чувствуя приятную ломоту во всем теле, зашла в ванную. Там, при свете, она заметила, что тунику, в которой она пришла и снять которую так и не успела, теперь нужно застирать.

Прополоскав тонкую ткань, она голышом проследовала мимо лежащего на кровати Милоша и во дворе перекинула ее через веревку.

– У нас есть еще несколько минут. Как раз моя туника подсохнет...

– О, Кристина... Неужели ты намекаешь... – промурлыкал Милош,

увлекая ее обратно на простыни. Она ответила приглушенным бесстыдным смехом.

Но когда через несколько минут пришла пора приводить себя в порядок, туники на прежнем месте не оказалось.

– Да не могли же ее украсть! – кипятилась фрау Миттельбаум вполголоса. – Кому нужна одежда, тут же жарко!

– Может быть, ветром сдуло? – Милош начинал нервничать: Сенка должна была воротиться вот-вот, а ведь еще поправлять постель и душ принимать. У жены нос, как у хорошо натасканной ищейки.

– Какой еще ветер? Нет никакого ветра!

– И тем не менее! – Мужчина потерял выдержку. Теперь, когда желание было сполна удовлетворено, это белесая и довольно невзрачная женщина стала вызывать у него раздражение. Он выудил из стопки полотенце одно, самое большое, и кинул его Кристине:

– На вот, обернись.

Поймав полотенце на лету, фрау Миттельбаум замерла. Смысл сказанного дошел не сразу.

– Что? Ты предлагаешь мне идти по городу? В этом?! – прошипела она. – Совсем рехнулся?!

– Тут всего две улицы! А что еще? У тебя есть другие идеи? Сенка сейчас вернется.

– Да плевать мне на твою Сенку! Меня тут обокрали!

Они бы еще долго препирались, если бы Милош не услышал пиликанье телефона жены метрах в тридцати от бунгало. Он сотню раз просил ее сделать мелодию потише и теперь возблагодарил небеса за ее упрямство. Сенка уже шла по дорожке, когда ответила на звонок, и до Милоша с Кристиной донесся ее веселый голос. Судя по всему, она решила поговорить на улице, дав любовникам спасительную фору. Не медля ни секунды, Милош вытолкнул Кристину Миттельбаум во дворик, а сам закрыл стеклянную дверь и принялся наводить спешный порядок. Он как раз успел застелить постель и побрызгать в ванной и в комнате освежителем для воздуха, когда Сенка отперла входную дверь.

– Это я. Мама звонила, передавала тебе привет.

– Да? – отозвался Милош как ни в чем не бывало. – Как у них дела?

– Все хорошо. Горан выиграл свой конкурс, представляешь?

– Ну и ну! Это здорово. Я в душ, не возражаешь? Что-то душно.

– Конечно, душно, глупенький. И без кондиционера, и дверь во двор закрыл зачем-то. Воров боишься?

Когда Сенка распахнула дверь во внутренний дворик, Милош замер.

Но напрасно.

В это время Кристина Миттельбаум, хозяйка исчезнувшей туники, уже гордо шествовала по пешеходной «зебре», единственной в этой части города, обернутая в белое банное полотенце. Ничего хорошего про мужчин в общем и уроженцев Балканского полуострова в частности она сейчас сказать не смогла бы при всем желании.

На освещенной набережной было довольно много народу, из пронсящихся мимо тук-туков^[2], больше похожих на бумбоксы с неоновым эквалайзером на колесах, гремела нехитрая музыка, недостаток мелодичности компенсируя оглушительной громкостью. Марина смотрела на все с жадностью и узнаванием, будто долго отсутствовала и вот наконец вернулась. Все ее изумляло: и спящая у водостока собака, и высокие каблуки работницы спа-салона на углу, и традиционный домик для духов, стоящий возле входа в отель «Golden Sand», как раз между двумя каменными драконами с потемневшими от времени лапами. Этим вечером все здесь было очень резким и ярким, но при этом каким-то ирреальным, будто в запредельно красочном сне или галлюцинации. Вывески искрились разноцветными огоньками, у лотка сувениров пахло мылом, на открытой витрине рыбного ресторана таял серый лед, на котором влажно поблескивали рыбы бока и плавники, тусклые глаза, фиолетовые щупальца, изумрудные раковины мидий и бледные клешни огромных голубых крабов. Глазами Марина различала крошечные подробности окружающей ее действительности, ушами улавливала звуки разных частот и громкостей и все равно не могла отделаться от ощущения, что все происходит во сне. У нее мелькнула шальная мысль: а что, если она умерла, захлебнулась там, в море, и этот мир тайской оживленной улочки – лишь мираж, бред ее угасающего от гипоксии мозга? Всерьез размышляя об этом, она свернула в темный проулок, поднялась по внешней каменной лестнице на второй этаж и остановилась возле своей двери. Только тут она поняла, что у нее нет ключа. Конечно, он остался в кармане шорт, аккуратно сложенных пополам... там, на пляже, пару часов назад.

Растерянно потоптавшись на балкончике, она спустилась вниз, во внутренний дворик, и отправилась на поиски госпожи Рунг.

Двери прачечной были настежь открыты, но самой хозяйки там не оказалось, только ее дочь Санни мурлыкала под нос песенку, наглаживая очередной пододеяльник. Как и всегда при виде Марины, на лице у Санни образовалась улыбка до ушей. Вкупе с бело-желтыми пятнами танакиса^[3], намазанной на лоб, нос и щеки, она выглядела как самый жизнерадостный

в мире мим. Девушка отставила утюг, сложила ладошки в «вай» и склонила голову, нежно мяукнув приветствие.

– Здравствуй, Санни, а где кхун Рунг?

Девушка выпорхнула из душной прачечной, Марина вышла следом и тут же увидела спешащую ей навстречу госпожу Рунг. Дородная, коренастая, она проворно передвигалась на ногах, вид которых сразу наводил на мысль о колесе. Хозяйка на ходу вытерла руки полотенцем, сунула его дочери и, ласково улыбаясь, защебетала что-то, ничуть не смущаясь тем, что Марина не понимает по-тайски.

– Кхун Рунг, я потеряла свой ключ. Ключ от комнаты. Простите, пожалуйста. Я упала на камнях и выронила... – удалось пробормотать Марине. Санни, нахмутив лоб, подумала с секунду и, радостно просияв, перевела матери с английского. Госпожа Рунг всплеснула руками, стала осматривать Марину с ног до головы, спрашивая, не сильно ли она ранена, и уверяя, что ключ – это ничего, не страшно, сейчас она откроет своим.

С госпожой Рунг, а точнее, с ее сыном Чоном Марина познакомилась в первую свою ночь на острове при весьма волнительных обстоятельствах.

Тогда она проснулась в гостиничном номере около трех часов ночи и никак не могла снова уснуть. Из-за долгого перелета и смены часовых поясов в голове образовалась сумятица и мысли путались, не додумываясь до конца. Ступням было жарко, и ей никак не удавалось высунуть ноги из-под одеяла – по привычке тайских отелей оно оказалось заправлено под матрас, образуя конверт. Понимая, что в ближайшее время она уже не уснет, Марина вылезла из постели, натянула сарафан и отправилась гулять. Ночной портье за стойкой встрепенулся и, проводив ее приветливым взглядом до дверей, снова впал в анабиотическое состояние с широко открытыми, но стеклянными от недосыпа глазами.

На улице оказалось пустынно и душно, даже ночь не принесла пролады. Голубоватым светом мерцал маленький сетевой супермаркет. Мимо промчался тук-тук, уже без музыки, но еще со своей елочной иллюминацией. Марина перешла на другую сторону и побрела мимо вереницы тесно припаркованных у обочины мотоциклов в сторону моря.

Сзади приближался звук работающего двигателя. Скутер. Марина покосилась через плечо. Только сейчас ей пришло в голову, что ночная прогулка по незнакомому городу небезопасна.

Скутер притормозил, поравнявшись с ней. Хмурого вида таец сделал характерный жест, будто втягивает в себя дым:

– Смоук?

Марина покачала головой. Таец сощурился, поддал газу и укатил.

У спуска с набережной она скинула босоножки и с удовольствием прошла босиком до кромки воды. Установился почти штиль, волны лениво набегали и откатывались одна за другой. За холмами только всходила луна. Так поздно, надо же, удивилась Марина. Она сделала еще шаг, споткнулась обо что-то большое вроде мешка и, пискнув от неожиданности, полетела вперед, едва успевая выставить руки. Чертыхнувшись, побарахталась в мокром песке, стараясь выпутаться из длинного подола сарафана, встала на колени и только потом снова оказалась на ногах. Она уже собиралась нащупать в сумочке телефон, чтобы посветить им и рассмотреть, обо что споткнулась, когда мешок у ее ног сдавленно застонал. Марина не на шутку перепугалась.

– Эй, вы в порядке? Что с вами? Что случилось? – спрашивала она по-английски, дрожащими пальцами отыскивая телефон. Наконец подсветка озарила лицо молодого паренька. Его веки подрагивали. Марина легонько встряхнула его за плечи и, не задумываясь, провела рукой по затылку. Ладонь окрасилась кровью.

Марина в ужасе отшатнулась, ее взгляд метнулся к пешеходной набережной, фонарям – если и искать помощь, то только там.

– Я вернусь. Слышите меня? Лежите здесь. Оставайтесь здесь, я скоро вернусь, – пообещала она. Оставалось надеяться, что паренек понял хоть что-то.

Марина помчалась что есть сил. Номера телефона местной «Скорой» она не знала, полиции тоже. Аптека через дорогу оказалась закрыта, и на всей набережной не было ни души. Автоматические двери «Север-элевен»^[4] сработали, когда она пробежала мимо, и со звоном раздвинулись. На Марину пахло холодом.

– Мне нужна помощь! Помощь! – кинулась она к кассе.

Сонный продавец затряс головой, недовольно хмурясь. Марина обрисовала ситуацию. Но то ли продавец совершенно не знал английского, то ли знания эти действовали исключительно с семи утра до одиннадцати вечера – ей не удалось добиться от него ничего путного. Когда она схватила его за руку и в отчаянии попыталась вытащить наружу, продавец замахал на нее руками и заголосил так, что Марина растерялась и отступила.

Не зная, что еще предпринять (это уже потом, наутро, ей показалось странным, что она не догадалась добежать до ресепшена любого из отелей), Марина вернулась к раненому тайцу. Он уже пришел в себя и силился встать. Поддерживаемому Мариной, ему это удалось.

– Куда вас довести?

– Домой, – пробормотал он и ткнул пальцем в нужном направлении.

Несмотря на худосочность, он оказался довольно тяжелым, хотя и покорно перебирал ногами. Им понадобилось немало времени, чтобы доковылять до перекрестка и свернуть в проулок. При свете фонарей стало видно темное пятно под черными волосами на затылке, испачканную одежду и кровоподтеки на запястьях, будто кто-то из всех сил удерживал его руки.

Указав нужную дверь, молодой таец сполз прямо на мостовую и снова отключился. Марина кулаком заколотила в дверь, потом подбежала к окнам и стала стучать в каждое из них. Кажется, тут располагалась прачечная.

На стук выглянула заспанная женщина, полная, крепенькая, в длинной застиранной футболке. Она крикливо оборвала Маринин стук и уже собиралась выдать тираду, как вдруг заметила тайца у стены. В мгновение ока она оказалась на улице, зовя кого-то из глубины дома и тормоша раненого. Она спрашивала что-то у Марины, но та только беспомощно твердила, что подобрала его на пляже.

Дальше была поездка в больницу и изнурительное объяснение с полицейским, вызванным госпожой Рунг. Когда он все же точно уяснил, что не Марина стала причиной столь плачевного состояния раненого тайца, полицейский обрадовался как ребенок. У него уже в печенках сидели фаранги^[5] всех сортов и мастей, которые творили на острове непотребства, вечно влипали в разные дурно пахнущие истории и при этом ни слова не могли выдать на человеческом языке. Цокая и огорченно качая головой, он побеседовал с госпожой Рунг и тут же расплылся в дружелюбной улыбке, снова подходя к Марине.

– Свобода. Вы свобода, – возвестил он и уехал, чрезвычайно довольный тем, как все обернулось. А Марина решила остаться. У приветливой медсестры она выяснила, как чувствует себя молодой человек. Оказалось, что у него сотрясение мозга и трещина в ребре, но завтра его уже выпишут домой.

Чон был в сознании. Когда Марина заглянула в палату, его мать и сестра, сидевшие у кровати, встрепенулись. Санни что-то горячо говорила, госпожа Рунг, сложив руки, кланялась, почти касаясь ладонями носа. Чон слабо улыбнулся:

– Спасибо. Вы спасли меня. Мама говорит, что будет благодарить духов всю жизнь. Они послали вас.

– Я рада, что с вами все в порядке. Поправляйтесь.

– Спасибо.

Через два дня Санни и госпожа Рунг разыскали Марину в отеле и приволокли огромную корзину фруктов. Терпкий запах переспелого

тайского манго затопил номер. Женщина требовала у дочери, чтобы та переводила. Санни отчаянно краснела:

– Вы. Жить в нашем месте. Комната. Комната в аренду. Но вам бесплатно. Комната бесплатно.

– Нет-нет, что вы! – отнекивалась Марина, чрезвычайно тронутая их горячей благодарностью. Даже беглого взгляда на их жилище ей хватило, чтобы понять: живут они небогато. – Я остановилась здесь, в отеле...

– Отель дорого. Комната бесплатно.

Да, с таким утверждением трудно поспорить. В итоге они сошлись на том, что Марина будет платить триста бат в сутки – плата чисто символическая, но согласиться на совсем бесплатное проживание ей не позволяла совесть, а на большую сумму, видимо, не соглашалась совесть госпожи Рунг. На следующее утро Марина расплатилась с отелем и перебралась в комнатку над прачечной.

Несколько дней спустя Марина заметила на заднем дворе Чона. Он сидел на хлипком стуле, поджав под себя ногу, и держал тарелку с едой. Свободной рукой он брал с тарелки немного клейкого риса, ловко скатывал в комочек, окунал в рыбный соус и отправлял в рот. Марина поздоровалась.

– Добрый вечер. – Чон отставил тарелку и вытер пальцы. – У нас не было возможности пообщаться после того случая... Спасибо вам еще раз.

Марина заверила, что его семья и так слишком любезна с нею.

– Нет ничего хуже неблагодарности. И при этом невозможно быть благодарным сверх меры, – улыбнулся Чон.

Марина спросила разрешения и примостилась рядом, прямо на бетонной ступеньке. Железное правило «не сидеть на холодном камне», вдолбленное мамой еще в детстве, не действовало просто в силу того, что холодных камней здесь не встречалось в природе.

Чон отлично говорил по-английски. Это оттого, пояснил он, что с детства обожает американское кино. Голливуд? Нет, почему, не только. Джармуш, братья Коэны, Том ДиЧилло. Не слышала о таких? Да, это кино не для всех. Впрочем, блокбастеры тоже хороши, под настроение. Если смотреть по одному американскому фильму в день, то можно легко выучить их язык, он довольно прост. Русский сложнее.

– Как ты себя чувствуешь?

Чон осторожно потрогал голову:

– Хорошо. Завтра пойду на работу.

– Уже? Разве тебе не надо лежать в постели? Кем ты работаешь?

– Сдаю в аренду зонтики на пляже. Это не тяжелый труд, так что все будет о'кей.

– Не расскажешь, что тогда случилось?

Молодой человек помолчал, потом недовольно цокнул языком. Марина поняла, что вспоминать ему неприятно, и извинилась за бестактность. Она знала, что для тайцев важно сохранять лицо, а что может быть неприятнее для мужчины, чем беспомощность...

– Нет, все в порядке. Тем более ты должна знать, в чем именно мне помогла. Это все проклятый Мики.

– Кто?

– Мики. Он с дружками часто шныряет по пляжу и набережной. Пару раз его ловили за то, что украл бумажник у туриста. Теперь он хотя бы поумнел, подъезжает на байке и выхватывает сумки прямо на ходу. Я сам видел.

– Какой ужас. А что же полиция?

– У него дядя работает в местном отделении. Так что...

В этот момент из прачечной во дворик вышла девушка. Невысокая, как все тайки, с открытой дружелюбной улыбкой и очень красивая. Форменная бордовая блузка и черные брюки сидели на ней безукоризненно. На груди белел бейджик с именем, но Марина не смогла его разобрать.

При появлении незнакомки Чон поменялся в лице. Он резко подскочил, зацепил рукой тарелку и опрокинул рис на бетонную дорожку. Девушка звонко засмеялась, Чон смутился еще больше. Гостья поклонилась Марине и быстро заговорила с Чоном, мелодично вытягивая гласные. Поскольку Марина в разговоре не участвовала, у нее было время оглядеть девушку.

Во всем ее облике сквозила некая гордость, если не сказать царственность, притом что девушка, очевидно, являлась всего-навсего служащей какого-то отеля. В ней не было ни капли подобострастия или услужливости, частенько входящих в привычку у гостиничного персонала. В посадке головы, в развороте плеч и очень прямой осанке чувствовалось достоинство, глаза привыкли смотреть быстро. Даже густые волосы, собранные заколкой в высокий хвост на затылке, покачивались по-особенному значительно и веско. На губах влажно мерцала только что освеженная красная помада, и на этом макияж заканчивался: этой девушке было незачем подчеркивать красоту, она и так бросалась в глаза.

Сейчас от рассказа Чона она вся пришла в волнение, парень же, наоборот, всем своим видом показывал, что это пустяки. Когда речь, очевидно, зашла о Марининой помощи, девушка с большим чувством поклонилась ей еще раз. Наконец она бросила беглый взгляд на наручные часики и заторопилась. Чон еще пару мгновений заворуженно смотрел на

дверь прачечной, через которую удалилась незнакомка.

– Это Лея, – пояснил он Марине, с трудом переводя на нее взгляд. – Пришла узнать, как мои дела. Она только сейчас услышала, что я был в больнице.

Так и выяснилась истинная причина того, что Мики с друзьями избил Чона на пляже. У причины даже было имя. Ее звали Лея, и она работала менеджером в самом дорогом отеле этого пляжа.

Родители Чона и Леи были соседями, так что дети росли вместе. Плескались в лужах во время сезона дождей, раскапывали крабы норы, потом вместе ходили в школу и на каникулах подрабатывали в ресторанчике. А после школы Лея уехала в Бангкок и поступила в университет. Спустя несколько лет она вернулась, похорошевшая (хотя Чон утверждал, что она и в детстве была красавицей), осмелевшая, «выбившаяся в люди». Ее с отличными рекомендациями сразу взяли в «Хилтон», белеющий своими стенами и колоннами за высоким забором, который отделяет его обитателей от простых смертных, – а еще через год повысили. Все это время Чон искал повода наладить прежнюю дружбу, и наконец ему это удалось. Теперь они частенько встречались, когда у Леи был выходной, чтобы посидеть в кафе или умчаться на скутере в город и сходить там в кино.

А потом появился Мики. Вообще-то его звали иначе, но парень обожал Микки-Мауса. Он носил футболки с Микки-Маусом, рюкзаки с Микки-Маусом, бейсболки с ним же, так что прозвище закрепилось за ним намертво. С Леей он познакомился в баре и, несмотря на то что она его отшила, стал активно ухаживать. Когда же Мики увидел девушку с Чоном, участь последнего была решена. Банда Мики учиняла погром на сервисной точке на пляже, где работал Чон, несколько раз сам Мики предупреждал соперника, что от Леи ему стоит держаться подальше, но тот не реагировал на угрозы. От Леи свое противостояние с Мики Чон скрывал, им и так было о чем поговорить в ее редкие выходные. И вот теперь Мики перешел к физическому внушению...

Все эти воспоминания промелькнули в голове Марины за те несколько секунд, пока госпожа Рунг ходила за своим ключом. Теперь хозяйка отперла комнату и, ласково улыбнувшись, удалилась. Марина огляделась, будто оставила свое жилище много месяцев назад. Все казалось ей необычным и одновременно до боли родным – и бамбуковая перегородка, и чашка из кокосовой скорлупки, и чемодан под окном, и горшочек с орхидеей, и трещина в стене возле двери, из которой временами высовывал вертлявую головку маленький геккон. Она щелкнула выключателем

потолочного вентилятора. Тот качнулся, тихо зашелестел и принялся, сперва неохотно, гонять по комнате теплый воздух.

Если уж ее смерть отсрочилась, нечего сидеть дома и тратить время попусту. Марина решительно достала из шкафа любимый сарафан из жемчужно-серой струящейся ткани. Надела, аккуратно завязала бледно-розовый пояс, повертелась перед зеркалом, полюбовалась, как переплетаются лямки на загорелой спине. Быть может, чересчур празднично, но... В конце концов, это ее последняя ночь.

Сейчас она уже предпочитала не ломать голову. Случилось и случилось. Даже не «случилось», а всегда было. Но кто ж знал... А и знал бы – все равно ничего не исправить. Если задаваться вопросами, допытываться до причин, из этого не выйдет ничего путного. Она давно уже бросила бесполезные попытки разобраться, что к чему, как устроен этот мир и на каких законах держится. Хаос – вот, вероятно, все, что можно сказать о мире. Полный беспорядок, круговерть и ворох случайностей. По одной из таких случайностей была зачата родителями и она, Марина Хлынова, а не Вася или, к примеру, Наташа, или и вовсе оба сразу. А по другой – та всклокоченная старая карга у подземного перехода заронила в ней мысль о самоубийстве. Или, скорее, укрепила в намерениях.

Нынче, вспоминая свое детство, Марина без всяких колебаний определяла его как счастливое. Небогатое, но ежедневно наполненное маленькими открытиями и чудесами. И все благодаря маме Оле – так ее звала и сама Марина, и подопечные из младших классов. Когда в читаемой Мариной сказке дело доходило до какой-нибудь феи или доброй волшебницы, у той был непременно мамин облик. Те же апельсиново-рыжие волосы, мягкие короткопалые ручки с золотым ободком кольца на безымянном пальце, пышная белокожая грудь, колышущаяся в вырезе платья при каждом движении, лицо сердечком, задорные ямочки и голубые глаза, всегда удивленно распахнутые. Несмотря на полноту, мама Оля никогда не рядилась в черное и не казалась грузной, наоборот, любила яркие ткани и мастерски их сочетала, умудряясь не выглядеть смешно или вычурно даже в девяностые, когда все заполонил люрекс и леопард. Эта ее любовь к разноцветью и нетривиальности кроя еще больше делала ее похожей на сказочную жительницу.

Кроме того, у мамы Оли не иссякала фантазия. На прогулке с дочерью они искали следы динозавра, запускали письма в небо, пытались установить контакт с травяными человечками и помирить их с одуванчиковыми, с которыми, как известно совершенно доподлинно, у них

давняя вражда. Они собирали гербарий, подкармливали дворовых кошек, мастерили кормушки для синиц, изучали жизнь муравейников и однажды полтора часа кряду спасали осу, утонувшую в банке меда, что стояла открытой на кухонном столе, – передали из деревни. Мама Оля умудрялась сделать необычными самые заурядные вещи. Подобно героине фильма «Девчата», она знала миллион разных блюд из картофеля и могла кормить папу и Марину то картофельными шариками, то драниками, то картофельными ежиками, то клецками, то брусочками, то биточками; только спустя много лет Марина осознала, что подобная кулинарная изощренность подстегивалась крайне стесненным положением семьи. А картошку передавали все те же бабушка и дедушка, сажавшие в деревне два огорода.

Но особенно в те времена Марина любила три блюда: канапе, тюрю и растопырки. Тюрю, при ближайшем рассмотрении представлявшая собой белый хлеб, до кашицы размоченный в молоке, поглощалась ею в огромных количествах. Канапе мама Оля делала, когда к Марише приходили друзья: она намазывала куски черного и белого хлеба маслом, резала их на квадратики величиной с ноготь большого пальца и в каждый втыкала диковинную зубочистку из разноцветной пластмассы. Зубочистка называлась «шпажка», и место хранения этих самых шпажек Марина так и не обнаружила, как ни старалась разыскать в мамино отсутствие, чтобы потом взять поиграть во двор. Кажется, когда канапе были съедены (а на вкус они были объеденье), мама собирала шпажки обратно и мыла. А уж растопырки означали самое настоящее пиршество – не такое, как на день рождения или Новый год, но все-таки: растопырки бывали редко. И хотя получались они из самых обыкновенных сосисок, поделенных на три части и надрезанных с каждого конца крест-накрест, чтобы растопыриться потом при варке, вкус у них был несравнимо лучше.

Благодаря маминому легкому характеру родители отлично ладили. По крайней мере Марина не могла припомнить ни одной ссоры. Зато замечательно помнила другое: как папа и мама возились с ней, как дурачились друг с другом. Она любила ходить с мамой встречать папу с работы. На автобусной остановке девочка изнывала от нетерпения и все вытягивала голову – когда же из-за поворота в клубах пыли покажется нужный автобус, грязно-оранжевый, с черной гармошкой посередине. Папа выскакивал, как только открывались двери, подхватывал Марину на руки, сажал на шею и так шел всю дорогу до дома, пока мама что-то весело рассказывала о прошедшем дне. А по воскресеньям они втроем ездили в лес или на речку, а когда подходил сезон, то и за ягодами, с ночевкой в

палатке.

В то время как все дети любили праздновать Новый год, Мариша обожала Пасху. Религиозностью семья не отличалась, но в субботу накануне мама Оля непременно звала дочку со двора, и они вместе, повязав фартуки, изобретали новые способы покраски яиц. Часть обматывалась кружевом, туго обтягивалась сверху старым чулком и варилась в луковой шелухе, так что на яичных боках пропечатывался темно-медный узор. Несколько яиц Марина обязательно разрисовывала зеленкой и йодом, в то время как мама Оля сажала на клей крохотные бусинки, бисеринки и кусочки фольги. В это время папа вымешивал тесто на куличи. С тестом была целая эпопея, его приходилось долго мять, ждать, пока подойдет, и снова мять. Марина лезла руками в большое эмалированное ведро и успевала выуживать белые клейкие кусочки, запятнанные дробленым орехом и изюмом и крапчатые от маковых зерен. Окна открывать строго запрещалось, чтобы тесто не село, и по душной кухне разливался дразнящий запах сдобы, ванилина и ромовой эссенции. Закончив с тестом для куличей, папа принимался за ромовых баб, и это занимало Маришу еще больше, ведь комочки сдобы плавали прямо в теплой воде, нежные настолько, что плохо бы поднимались в сухой среде. Потом наступал ответственный для девочки момент, когда мама, отмотав от длинного рулона, вручала ей куски тонкой бумаги со смешным названием «калька». На бумаге очерчивались круги, чтобы потом выстелить ими донца кастрюль и кружек, и Марина, высунув язык, старательно вырезала их большими ножницами с синими ручками.

Пока куличи подходили уже в формах, Марина то и дело бегала на кухню и приподнимала край чистого полотенца, чтобы взглянуть, долго ли еще. И уже не отходила от духовки, когда они пеклись, заглядывая через темное стекло внутрь печи. Ее завораживало, как живое тесто все растет и растет, нахохливается, а позже подергивается золотой пленочкой, крепнет и, наконец, зажаривается. В те года, когда по непонятным причинам куличи выходили плохо (а пекли всегда по одному рецепту), мама Оля очень расстраивалась, и тогда папа принимался целовать ее в нос, щекотать под ребрами и утверждать, что это ему надо лить слезы, ведь это он заводил тесто и вымешивал. Папа никогда не унывал.

А на следующее утро сияло солнце – Марине сложно было припомнить Пасху с плохой погодой. Марина восседала во главе стола, нарядная, с разноцветными бантиками на макушке, и торжествовала, когда ее яичко оставалось неразбитым. Она разрабатывала целую систему – как надо бить и куда и где стискивать яйцо всей ладошкой, – откладывала

самые крепкие яйца в сторону и съедала их позже остальных. Почему-то самыми твердыми оказывались зеленые, и это невольно наводило ее на мысль, что в рекламе пасты «Колгейт», в той самой, где яйцо обмазывали белой пастой и опускали в кислоту, допущена какая-то неточность. Она отвечала родителям «Воистину воскресе» и заливалась громким восторженным смехом, хотя в то время понятия не имела, кто такой этот Христос и что с ним приключилось. Папа и мама переглядывались и начинали смеяться вслед за ней.

Размышляя о родителях и их браке много лет спустя, Марина допускала мысль, что не все было так радужно. Может быть, присутствовали мелкие придирки или дурное настроение, усталость, раздражение? Все как у живых людей, без этого романтического флера и глянца? По крайней мере, ни у кого другого она такого взаимопонимания не встречала, старшие подруги вечно жаловались ей на мужей, переживая из-за равнодушия, или измен, или грубости, или неладов со свекровью. Она даже старалась припомнить какую-нибудь деталь, которую можно истолковать двояко. Но нет. То ли по прошествии времени воспоминания застыли в розовом камне, то ли родители действительно были очень счастливы в браке и растили дочку в атмосфере добра и согласия. Теперь уже не спросишь.

Оставляя Маришу было не с кем, так что, стоило ей лишь немного вырасти из пеленок, мама Оля стала брать ее с собой на работу. Девочку сажали за последнюю парту, выдавали краски, кисточки и альбом и строго-настрого запрещали подавать голос во время урока. В целом такая тактика увенчивалась успехом, и Марина нарушала спокойствие класса не чаще, чем любой другой ребенок: тихо у младшеклассников просто не бывает. Зато она как-то сама овладела навыками чтения и счета и уже в четыре года была ровней любой первоклашке. Дети свою учительницу обожали, так что иногда Марине приходилось ревновать маму и всячески показывать им, что для них она только учительница, а вот для нее – самая настоящая мама. Вместе они постоянно затевали что-нибудь интересное: то спектакль по мотивам русских сказок, то Масленицу, то птичью экскурсию. Не то чтобы маме Оле было так уж интересно возиться с детворой, скорее, она хотела показать им, как увлекательно все вокруг. Отлично понимая, что увещеваниями и принуждением мало чего добьешься, она старалась заинтересовать каждого из своих подопечных, как заинтересовывала дома свою собственную дочь. Марина хорошо помнит, как страстно мечтала помогать маме убирать в квартире. Она вела себя тише воды, только чтобы после обеда мама улыбнулась одними глазами и сказала серьезно:

– Что ж, сегодня ты вела себя образцово-показательно, умница. Так что сейчас можешь протереть пыль, пока я буду мыть пол.

Все дело в том, что уборкой, как делом очень важным и ответственным, в их доме было позволено заниматься только тому, кто был этого достоин. И потому Марина жаждала этой привилегии.

По вторникам и пятницам после уроков мама Оля вела кружок мягкой игрушки. Среди фетра, шерсти и ватина, среди бусин и стекляруса она помогала детским пальцам крепче держать иглу, учила, как класть стежки плотнее, один к одному. На ее столе то и дело выстраивались отряды всевозможных млекопитающих, настоящих и выдуманных, все эти оленята Бэмби с каркасом из проволоки, рыбки и далматинцы, шерстяные Чебурашки с плотными картонками в ушах, мышки в шляпах, коты в сапогах, даже однажды появился голубой звездолет. Она умела делать руками фантастические вещи, овладев за свою не очень-то долгую жизнь, кажется, любым видом рукоделия, и стремилась непременно передать максимум своих умений новому поколению.

Но особенно мама Оля любила вязание крючком. Крючок в ее пухлых пальчиках с длинными ногтями вертелся быстро-быстро, отражая свет лампы. На телевизоре то и дело появлялась новая ажурная салфетка, в комнате у Мариши красовались накидка на подушку и целое огромное покрывало с бахромой. Мама Оля вязала скатерти и небольшие скатерки на середину стола, салфетки и подставки под блюда, шапочки, занавески, покрывала, чехлы и накидки для кресел, кофточки и туники, повязки на голову и шали, шарфы, юбки, пледы и однажды даже связала целое пальто – цвета топленого молока, на темно-шоколадной подкладке. Это не говоря уж о мелочах, которыми мама Оля развлекала себя от нечего делать: несколько цветочков из лавандовой пряжи, которые можно было использовать как аппликации, белая бабочка, брошка в виде лилии на тонком зеленом стебельке, красные бусы, поясок, воротнички... Она вычитывала про новые техники, плела то ирландское кружево, то румынское, то брюггское, то что-нибудь в перуанской технике. На все это добро за пару дней находились покупатели, и таким образом семейный бюджет пополнялся, нисколько не утруждая хозяйку: вязание было ей в радость. Мариша садилась у ее ног на ковре и перебирала мотки ниток, пока мама Оля с космической скоростью связывала петельки воедино, выводила цепочку за цепочкой, и к концу вечера получался уже довольно большой участок узорчатой переплетающейся паутины.

– Сказать тебе, что получится в конце? – щурилась мама Оля, глядя на дочку.

– Нет! Нет, подожди, не говори! Это похоже на ленточку для волос. Или шарфик?.. Или галстучек?

– Хм, никогда не думала, что ведь и правда можно связать крючком галстук. Отличная мысль, спасибо! Завтра же приступим.

Так они забавлялись, Марина пыталась отгадать, что за изделие выйдет из маминых рук. Несмотря на то что целый угол в квартире был заставлен стопками журналов «Верена» и «Бурда-Вязание» (самый дорогой сердцу подарок, который только мог преподнести папа, вызывая неизменно восторг супруги), во время самого вязания мама Оля никогда не пользовалась выкройками и не подсматривала узор в журналах. С тех пор как изделие приобрело свой вид у нее в голове, подсказки были больше не нужны.

Половина родительниц в ее классе расхаживали в нарядах, связанных мамой Олей, и на их детках то и дело мелькала то ажурная шапочка, то кофточка. Так слухи дошли до самого верха, и однажды маму Олю вызвала к себе директриса школы. Директриса слыла человеком советской закалки, неизбалованная и суховатая, макияж не признавала, одежду носила неброскую и недорогую, да и было-то у нее всего два костюма, коричневый и синий, которые она надевала попеременно. Она принялась отчитывать учительницу младших классов, напирая на то, что школа не базар и не надо превращать классные комнаты в торговые павильоны. Мама Оля была с нею полностью согласна. Но что делать, если молодые мамочки-модницы буквально осаждают ее, когда приходят забирать своих чад? А зарплату мужа постоянно задерживают, и денег не хватает, но, впрочем, сейчас так почти у всех...

– Это учебное заведение, – отрезала директриса и вдруг осеклась.

В раскрытой сумке мамы Оли лежало нечто лиловое и воздушное. Тонкие переплетения нитей таинственно мерцали. Этому изделию – чем бы оно ни являлось – не нравилось лежать свернутым в учительской сумке.

– Это что там у вас? – отрывисто спросила директриса, тыкая пальцем в лиловый секрет.

– Это шазюбль.

Какое нездешнее, диковинное название... От него так и веет соблазном, шепотом в темном будуаре и удушливым запахом королевских лилий.

– Он наподобие кардигана, только очень тонкий. Вот связала на пробу.

– И... чей он?

– Пока ничей.

Мама Оля отнюдь не была душой. Она в мгновение ока достала

сверток, легонько его потрянула, и лиловое кружево хлынуло вниз, из бесформенной прелести возникли очертания рукавов и застежки на груди.

– Хотите примерить? Если вам понравится, я дарю его вам.

– Ну что вы... – замешкалась директриса, не сводя хищных глаз с пряжи.

Мама Оля невинно улыбнулась:

– Точно-точно. У вас на той неделе был день рождения, а я на больничном сидела и даже не поздравила.

Директрису не пришлось упрашивать дважды, она уже торопливо расстегнула пуговицы дешевого пиджака и осталась в простенькой белой блузке. Мама Оля помогла надеть шазюбль, аккуратно соединила застежку.

– Вы позволите? – спросила она у директрисы, указав на строгий пучок. И, истолковав пыхтение как согласие, распустила ее волосы.

– Где у вас тут зеркало?

– В шкафу.

Когда створка была распахнута, из зеркальной глубины вынырнуло отражение нестарой еще женщины, с приятным, хотя и утомленным лицом в обрамлении волны каштановых волос, привыкших к тугой прическе. Сквозь переплетение нитей фигура директрисы истончилась и вытянулась, и весь ее облик приобрел безмятежность и женственность.

Директриса порывисто вздохнула. Мама Оля знала, что такая вещица начальнице не по карману.

– Ну все, решено, дарю. С днем рождения, Вера Анатольевна!

Больше к этому вопросу не возвращались. Лиловый шазюбль с тех пор появлялся на плечах директрисы по особым случаям. А остальные учительницы, беря пример с начальства, очень скоро стали забегать к Ольге Васильевне и выведывать, что на этой неделе в ассортименте. Так в глазах дочери мама Оля еще больше стала напоминать фею-крестную, которой стоило только взмахнуть волшебным крючком, как любая замарашка была способна стать красавицей. Даже директор школы.

Чем старше становилась Мариша, тем сильнее сближались они с матерью. Возможно, это было связано с тем, что мама Оля как раз и не стремилась привязать дочь к себе, проконтролировать каждый ее шаг. «Если человек хочет сделать какую-нибудь головокружительную глупость, он найдет время, место и возможность. И никакая мама тут не помеха», – пожимала она плечами, выслушивая упреки подруг в том, что она дает слишком много свободы девочке-подростку. Марина могла идти гулять или остаться с ночевкой у подружки, при условии, что позвонит и в

назначенный час предстанет перед родителями. А в школе она и так постоянно бывала на виду.

Подруги завидовали Марине. По вечерам, часов в шесть, пока папа еще не вернулся с работы, они приходили в гости специально, чтобы поболтать с мамой Олей. Она варила кофе в турке, разливала по крохотным, на один глоточек, чашечкам, которыми расплатилась с нею одна клиентка, и выставляла мельхиоровую плетеную вазочку со всякими вкусностями, непременно предостерегая:

– Девчонки, берегите фигуру.

Девчонки хихикали. Глядя на то, как заразительно мама Оля хрустит ванильным сухариком, и помыслить не хотелось о подобных глупостях. И тогда начинались шушуканья о самом сокровенном.

– Счастливая ты, Маринка. Если бы я только заикнулась при маме о Денисе... – Ее любимая подруга Надюша выразительно закатывала глаза и проводила ребром ладони по горлу.

Позже, в девятом классе, вопросы стали настолько животрепещущими и интимными, что подруги приходили советоваться поодиночке, с глазу на глаз, в обход даже Марины. В первый раз это вызвало обиду, особенно когда мама отказалась сообщить, с чем к ней приходила одноклассница дочери.

– Но ты ведь моя мама, – настаивала Марина.

– Хороша бы я была, если б выдавала чужие секреты! Мама я или нет, тайна есть тайна.

Марине пришлось смириться.

Рукоделие мамы Оли меж тем процветало. Слух о ней настолько разошелся, что клиентки буквально осаждали с просьбами принять заказ. И даже медленно ползущие вверх цены не сбавляли их пыла.

– Если бы я могла, я бы открыла магазин и наняла еще мастериц, – вздыхала мама Оля мечтательно.

– Но так умеешь вязать только ты одна, – откликнулся папа. – Авторские вещицы, штучный товар. Ты гениальна, придется жить с этим.

Венцом творения мамы Оли стало свадебное платье, связанное крючком. На работу ушло около месяца, и это получилось действительно произведение искусства. Мама Оля всерьез стала подумывать над тем, чтобы специализироваться только на этом.

И тут жизнь семьи Хлыновых перевернулась. Дождливый июньским днем Маринино папу сбила машина. Как говорили позже очевидцы, он шел по переходу, а темная иномарка не остановилась – ни перед переходом,

ни после произошедшего. Прежде чем кто-нибудь сообразил запомнить ее номер, машина скрылась. Через два дня папа умер в больнице, так и не придя в сознание, среди запаха хлорки, дезинфектора и человеческой болезни.

Знакомые затаили дыхание. За сочувствием и сопереживанием, кстати, совершенно искренними, проскальзывало ожидание и даже предвкушение неминуемого краха. Одно прекрасно уживалось с другим в противоречивых сердцах соседок, работниц школы и родительниц. Мама Оля так славилась своей жизнерадостностью, что еще раньше находились завистницы, которые между собой решили: это оттого, что попрыгунья горя не знала. Все у нее ровненько да гладенько, муж не пьет и не гуляет, дочка не лоботрясничает. Вот была бы у нее жизнь так же горька и беспросветна, как у них самих, тогда бы они на нее посмотрели. Где бы тогда были ее наряды павлиньих расцветок и вязаные игрушки? Была бы как все, со скорбной гримасой, застывшей на лице, и с ожесточением в сердце. И вот пришла беда, которая, по их мнению, должна была сокрушить и раздавить апельсиновоолосую маму Олю.

На похоронах мама и дочка цеплялись друг за друга. Марину била дрожь, ей никак не удавалось согреться, мама Оля прижимала ее к себе и постоянно целовала, то в висок, то в щеку, то в макушку. Во всем ее гардеробе не нашлось черной вещи, и одета она была в синюю юбку и синюю же блузку.

Спустя четыре недели тишины, поселившейся в доме, пришедшая из школы Марина почуяла носом запах цыпленка табака и салата с редиской и свежим укропом. По квартире витало ощущение чистоты, которое появляется после уборки, даже если не ходить босиком по свежевывытому полу и не проводить пальцем по полке, чтобы удостовериться в отсутствии пыли.

Марина, не переодеваясь, настороженно зашла на кухню, поцеловала маму в щеку и примостилась на краешке стула. Мама Оля выставляла на обеденный стол два прибора, миску салата и блюдо с золотистым, еще шкворчащим расплюснутым цыпленком.

– Как в школе?

– Хорошо...

Мама Оля кивнула. Какое-то время они ели молча, но Марина чувствовала, что слова уже виснут в воздухе, сейчас их озвучат.

– Мариш... Я много думала... Сейчас у нас очень трудное время. Очень. Но потом станет полегче. Ты понимаешь это?

Марина стиснула зубы. Все, что она понимала, это лишь что она

страшно скучает по папе и еще по родительскому хохоту, к которому прежде так часто прислушивалась из другой комнаты.

– Сейчас надо только собраться, вот просто все силы, которые есть, собрать. И не сдаваться. Поняла меня? Наш папуля мне не простит, если я тут разведу соплю. Предъявит мне потом: «Что, Рыжик, скисла, хоть сметану делай!»

Да, папа всегда так говорил. Когда у дочки было плохое настроение, он подкрадывался к ней, щекотал под мышками, чего Марина страшно не любила, и велел не киснуть. Сейчас, когда мама произнесла его коронную фразочку, Марина замерла от боли. И вдруг хрюкнула, не сдержавшись. Уже смеясь, она поняла, что и плачет тоже.

Мама Оля обняла ее за плечи.

Наревевшись вдоволь, они все-таки поужинали. И стало чуточку полегче. Как будто потолок, до этого давивший на темечко, теперь приподнялся и в комнате появилось чем дышать. Марина поняла, что они справятся. Хотя у мамы и дрожат руки.

Следующие несколько месяцев они честно старались жить. Ходили вдвоем гулять, фотографировали, кормили уток, коллекционировали подслушанные у прохожих фразы и даже завели крохотную терьерочку Мусю, которая оглушительно облаивала любого прохожего или гостя, рычала, если ее пытались согнать с кровати, и была не прочь напрудить лужу на линолеуме посреди коридора. Зато мама не так сильно грустила по вечерам, когда Мариша впервые влюбилась.

Васька был, конечно, неотразим. Хулиган и шалопай, да еще и брюнет, с дерзким прямым взглядом и вечно с такими красными губами, словно только что в подворотне пил невинную девичью кровь. Он жил так, будто не ему вскоре сдавать выпускные экзамены. Старшеклассницы не давали ему прохода, атакуя и на переменах, и после занятий, а в особенности на дискотеках, куда парень заглядывал исключительно чтобы поиздеваться над противоположным полом, потому что не танцевал – принципиально. Не мужское, дескать, дело, не по-пацански. Что не мешало ему подпирать стену и хитро рыскать глазами по стайкам девиц. И в такие минуты он, с романтическими смоляными кудрями и лепным профилем, был точь-в-точь негатив Аполлона.

Впервые Васька обратил внимание на Марину, когда та вылила ему на голову стакан компота в школьной столовой за то, что он хамил учительнице химии, пока толкался в очереди за пирожками. Через неделю они уже не могли оторваться друг от друга. Эта парочка взламывала запертые жильцами чердаки и до помутнения в голове целовалась на

крышах, уезжала «зайцами» на электричках к черту на кулички и возвращалась обратно автостопом, моталась на рок-концерты в соседние города. Васька набил на предплечье татуировку с буквой М, и Марина тут же пожелала в ответ занять тату с английской V. Хитро сощурившись, Васька отвел ее к знакомому мастеру, неулыбчивой даме с черной помадой. Боль Марина выдержала стойко.

С тайным предвкушением Васька вкрадчиво осведомился:

– Маман небось заругает?

Марина в ответ хохотнула. С мамой Олей он был пока не знаком.

Увидев татуировку дочери, мама хмыкнула:

– Стильно. А в случае чего можно говорить, что V означает «победа».

Любовь с Васькой напоминала вулкан, а еще вернее кастрюлю, кипящую на максимальном огне, отчего периодически у нее срывало крышку. Ссорились и мирились они так, что знал весь район. В один из таких дней Марина психанула, примчалась домой и, раскалив на газу нож, приложила его к готической литере на коже. С тех пор на предплечье на месте татуировки остался лишь побледневший со временем шрам с чернильными разводами. А с Васькой они наутро помирились.

В дурмане любовных переживаний Марина многое упустила из виду. Например, что у мамы Оли так и не перестали дрожать руки, хотя папу похоронили уже восемь месяцев назад. Что она частенько сидит в комнате одна, не зажигая света, и так тянутся долгие бесчувственные часы. Что при дочери на нее вдруг нападает веселость, больше похожая на суетливость, бестолковую и неловкую, когда постоянно что-то роняется, задевается, разбивается и выплескивается. Что под утро, едва светлеет небо, часто просыпается, как от щелчка плетью, когда сердце норовит выскочить из груди, и потом долго, тихо и горько плачет в подушку. Она даже не заметила, что мама Оля рассорилась с обеими своими близкими подругами, что было на нее совершенно не похоже, и растеряла большую часть клиентуры. После похорон она почти перестала вязать крючком, и недовязанные вещицы валялись по квартире, как невыделанные шкурки мелкого зверья в хижине скорняка.

Марине было не до того. Ее занимала только любовь. Она была больна любовью. В ту весну у нее в голове сквозил ветерок, журчали ручьи и тренькала капель. Она не могла думать ни о чем больше. Марина шла умываться с мыслями о Ваське, сидела на уроках, мечтая, как зальется звонок и он будет торчать в рекреации на втором этаже, поджидая ее. Засыпала она не раньше, чем созвонится с ним по телефону (шнура едва хватило, чтобы утащить аппарат к себе в комнату), и в душной темноте под

одеялом промурлыкает ему пару фраз, за которые при свете стало бы стыдно. Она так была поглощена своими переживаниями, что не сразу заметила перемену в школьной атмосфере: с наступлением апреля коридоры вдруг наполнились слухами и перешептываниями, которые замирали на полуслове, стоило только Марине появиться в зоне слышимости.

А вот маму Олю они стороной не обошли, и одним из вечеров мама преградила Марине путь, когда та уже зашнуровала кроссовки:

– Ты никуда не пойдешь.

Марина опешила.

– В смысле?

– Если ты идешь встречаться с этим мерзавцем Орловым, то ты остаешься дома. Я тебя не пущу.

Такого Марине не могло привидеться даже во сне: чтобы мама выставяла заслоны, чтобы не пускала гулять, чтобы запрещала общаться с тем, с кем хотелось общаться Марине! Без предупреждений, без предостережений, в форме ультиматума – никогда.

Она потребовала объяснений, но мама Оля не взяла на себя такой труд. И Марина залилась слезами. Умчавшись в свою комнату, она подтащила к двери стол, чтобы мать не могла войти – в той семье, где Марина росла, не было принято вламываться без разрешения, и в шпингалете на ее двери не было никакой нужды. До сего дня.

Марина плакала. От обиды, ведь мама так сильно ее оскорбила. Никогда еще они не были так далеки и непонятны одна другой. От тоски по Ваське, который, наверное, весь извелся, сидя на их любимой лавочке в одиночестве. И от страха, иррационального мистического ледящего чувства, потому что за всем этим ей чудилось, предвосхищалось что-то большое и ужасное, что надвигается на нее из тумана грядущего, чему еще нет имени и нет очертаний, но чье существование не поддается никакому сомнению. Оно придет, оно наступит. И оно будет невыносимым.

Понедельник принес слякоть. Марина выскочила из подъезда, чтобы тут же попасть в объятия Васьки. Они целовались как сумасшедшие, между мусоркой и трансформаторной будкой, в единственном месте двора, которое не видно из окон квартиры, и оттого опоздали на первый урок.

А со второго Ваську забрала милиция.

Когда Марина узнала об этом, милицейский «уазик» уже отъехал от здания школы. Марина металась по коридорам, стараясь понять и разузнать хоть что-то. Учителя многозначительно молчали, сумрачно вздыхали и качали головами, одноклассницы усиленно делали вид, что ничего не

знают. Малышня, конечно, даже не знала о происходящем в стенах родной школы и беззаботно веселилась с машинками и скакалками: пробегая мимо них, Марина пожалела, что успела вырасти. Как легки они, как радостны, как искренни в смехе и в гневе. Как милы их заботы, крохотные, важные только им, а взрослым кажущиеся не стоящими внимания. Кто-то из них принес из дома флакон мыльных пузырей, и один лопнул, коснувшись ее щеки и брызнув в глаз.

Марина застала маму в ее кабинете. По случаю перемены ее подопечные затеяли чехарду в коридоре и всюду ползали и гонялись друг за другом по большому ковру, застилавшему рекреационную зону. На этот раз мама Оля не стала отпираться. Когда дочь спросила у нее, что такого натворил Васька, из-за чего ей вчера не было позволено гулять с ним, мама немного замешкалась, но все же ответила, понизив голос:

– Он изнасиловал девочку.

Марина уверена была, что ослышалась. Она зло фыркнула:

– Какую еще девочку? Что за бред?

Мамин голос взвился:

– Не бред. Который день слухи ходят. С неделю уже. Одна ты как оглохшая. Марина! Очнись!

– Мама. Какую именно девочку?

Отвечать мама Оля не хотела, и дочери пришлось настоять. Наконец она призналась:

– Надю. Нашу Надюшу.

Марина поперхнулась липкой слюной и надолго закашлялась. В зеленом уголке с растениями стояла пластмассовая лейка, и она отхлебнула воды прямо оттуда. Неважно, что вода зеленоватая, зацветшая от долгого пребывания на солнце (как там называется эта одноклеточная водоросль? Хлорелла, кажется? Отлично, теперь внутри нее размножится хлорелла... Или того хуже – хламидомонада. Понятия не имею, что это...) и горьковато-теплая. После этого перевела ошалевший взгляд на маму:

– Какая Надюша, мама?! Я ее только что видела на географии. И вчера. И позавчера. Если бы с ней что-то случилось, она бы сразу рассказала мне. Господи, люди! Вы все с ума посходили, что ли?

Хлопнув дверью, Марина помчалась разыскивать свой класс и Надюшу – чтобы призвать ее к ответу и разрешить наконец дурацкую ситуацию.

Но подруги нигде не было, хотя звонок уже прозвенел. Заглянув на алгебру и удостоверившись, что весь класс пялится на нее как на уродца из цирка, а место подруги за третьей партой у окна пустует, она ринулась к

классной руководительнице, англичанке. Та подтвердила худшие опасения: Надю забрали родители. Договорить она не успела, так как Марина уже бежала по коридору прочь. У нее не было ни сил, ни времени просить сейчас директрису отпустить ее с уроков, так что пришлось просто заскочить в мужской туалет на втором этаже, открыть там оконную раму, перелезть через подоконник на пожарную лестницу, спуститься вниз и спрыгнуть. Этот путь ей как-то показал Васька, вспомнила она, и в груди вдруг неприятно шевельнулся холодок.

Надю она дома не застала, звонок долго таял внутри пустой квартиры. Тогда Марина отправилась в местное отделение милиции. К Ваське ее не пустили, однако на даче показаний она все же настояла. И сообщила, что все свободное время последнюю неделю Васька проводил с нею – исключая сон. Но поскольку милиция и сама точно не знала, о каком моменте идет речь, показания все же записали. А Марина между делом узнала, что милицию вызвала химичка, случайно услышав в туалете, как Надя рассказывает подругам о произошедшем. Саму Надю или ее родителей милиция пока разыскать не смогла.

Зато смогла Марина. Надина мать только числилась безработной, а на самом деле подвизалась продавщицей в киоске «Союзпечати» на остановке. Туда-то Марина и отправилась и нашла подругу в добром здравии, хорошем настроении и поглощающую пломбир прямо из бумажной полукилограммовой пачки.

– Надь, надо поговорить, – заглянула Марина в ларек. Надя испуганно съежилась, но все же вышла. Плотно прикрыла за собой жестяную дверь.

– Ты можешь сказать, что случилось?

– А с какой это стати я буду тебе что-то рассказывать? – пробурчала Надя, отступая на шаг.

– А с такой, что Васька в ментовке. И тебя милиция тоже ищет, я знаю, потому что только что оттуда. Так что... – Марина развела руками, не сводя с подруги глаз.

Та с отчаяньем принялась грызть ногти. Она, хмуро уставившись в одну точку где-то за бордюром, усиленно обгрызла кожу вокруг ногтя большого пальца, потом заусеницу на безымянном. И вдруг заревела:

– Что теперь делать-то, а?

– Можешь ты мне сказать, что произошло?! – рассердилась Марина.

– Я его люблю-ю-ю, – провыла Надя.

– Кого?

– Васю-ю-ю. А он вечно с тобой и на меня даже не смотрит. А у тебя задница толстая и прыщи на лбу, зачем ты ему такая сдалась, а?! Чем я

хуже?

На минуту Марина потеряла способность связно говорить. Ошеломленная, она растеряла вообще все мысли и только осознавала, что от нее еще кое-что требуется. Что надо собраться, а не раскисать, как сметана. Потом сообразила:

– Так ты это придумала? И самапустила слух?

Надя продолжала реветь и всхлипывать, стремительно переставая быть подругой. На секунду она задержала дыхание, словно ребенок, гадающий, что же дальше – утешение или нагоняй, – и тут же залилась пуще прежнего.

И в этот момент Марина разъярилась. Она схватила одноклассницу за руку и поволокла. Надя едва успевала переставлять ноги, вереща проклятия и требования отпустить. Оборачивались прохожие, но Марине было наплевать. Если надо, она и за волосы приволочет Надю в милицию.

Собственно, почти так и получилось.

Ваську выпустили только к вечеру. Марина настояла, чтобы позвонили в школу и разъяснили ситуацию, и только после этого утихомирилась.

– И у тебя не было соблазна поверить во все эти рассказы? – решил спросить Васька, зацеловывая ее на площадке четвертого этажа. Давно пора была расходиться по домам, но сил оторваться друг от друга не находилось.

– Какой уж тут соблазн! У меня на это не было времени. Я носилась как в одно место ужаленная, – улыбнулась Марина, не признаваясь даже ему, что до сих пор внутри все ноет и трясется от ужаса.

Через неделю Надюша забрала документы из школы, и больше они с Мариной не виделись.

А вот на маму Олю эта история с почти счастливым разрешением не произвела впечатления. Марина так надеялась, что мама сядет рядом с ней, поохает, посмеется... Мама Оля лишь пожала плечами, поджав губы:

– Нет дыма без огня, Мариш.

– Что ты имеешь в виду? – похолодела та.

Пальцы у матери снова затряслись, и она отложила ложку, а руки рывком убрала со стола на колени.

– Вот и по телевизору говорили на прошлой неделе... Или вчера, не помню точно. Что участились случаи... Думаешь, станут по телевизору-то врать, а? Надюше не пришло бы в голову придумывать, если бы твой Васька был чист как ангел.

– И это говоришь ты! Да каких только слухов не ходило вокруг тебя. Ты же сама мне говорила, что тебе часто завидуют, сочиняют всякое! Ты

что, забыла? Мама, да что ж такое, я совсем тебя не узнаю!

Это была сушая правда. Мама Оля менялась, и Марина не понимала, что ей делать и отчего так происходит. Но полагаться на нее, как прежде, она уже не могла. И от одной этой мысли ей становилось тоскливо и холодно, будто она снова стоит на кладбищенском ветру.

Вскоре Васька с горем пополам сдал выпускные экзамены и огорошил Марину своим решением идти в армию.

– Что? Зачем?! – кричала она, не замечая, как крупные слезы градом катятся по щекам. – Ты же сам говорил, что там одни идиоты! Что ты будешь косить и бегать по всей стране, если придется! А как же институт?

– Потом поступлю. Вернусь и поступлю, делов-то.

– Ты сбегаешь! Ты хочешь меня бросить, я знаю, – пуще прежнего заливалась слезами она. – Лучше сразу убей меня.

Потом она молила, угрожала, даже швырялась в него вещами, для чего пришлось вытряхнуть сумку. Но Васька был упрям, она всегда это знала. И в конце она смирилась, и они вдвоем ползали по детской площадке, на которой и происходила бурная сцена, и собирали по песку ее ручки, тетради и косметичку. Пудра в пудренице разбилась, зеркальце дало трещину, а улетевшие за скамейку тени для глаз раскрошились, запачкав кустик клевера перламутром. Выбрасывая свое добро в облупленную урну, Марина трагически вскинула на Ваську заплаканные глаза:

– То же самое ты делаешь с моим сердцем. Придурок.

– «Оскар» в студию!

Васька со смехом подхватил ее, забросил на спину, как куль с мукой, и поволок прочь под неодобрительными и затаенно-завистливыми взглядами мамаш с колясками. Им такие страсти казались уже не по статусу.

Мама Оля по-прежнему недолго любила Ваську и на известие, что тот собрался в армию, кивнула:

– Дурь повыбьют, и то хорошо.

– Как ты можешь быть такой злой? Мне ведь плохо без него, – всхлипнула Марина. – Это же целых два года!

Последнее время у нее глаза были на мокром месте. Она искренне не понимала, когда мама успела стать такой черствой. Явно не при папиной жизни... Но ведь сама Марина как-то справилась с их утратой.

Девчонки уже не приходили к ним шушукаться и секретничать, и все чаще мама Оля сидела на кухне одна, растрепанная, оплывшая, в окружении конфетных фантиков и сдобных крошек. И жевала, жевала, жевала... Терьериха Муся скулила рядом, выпрашивая сладенькое.

Пережить первые несколько месяцев Васькиной службы оказалось сложнее всего. Марина постоянно строчила ему письма, иногда даже на уроках. Потом началась усиленная подготовка к экзаменам: в тот год Марина оканчивала школу и поступала в институт. Выбрала она иняз, поскольку классная, преподававшая английский и французский, все уши прожужжала о том, какой небывалый у Марины талант к языкам. Сама она как-то об этом не задумывалась. Но работа переводчика казалась ей не хуже других – да и мир посмотреть можно, что ж плохого? Только бы не учительницей в школе, на это Маринино терпения уж точно не хватило бы.

Город заволакивало тополиным пухом, желтой пылью и летом. Марина дочитывала учебники и зубрила топики то в парке, прислоняясь к стволу тоненькой березки, с которой поминутно падали майские жуки, то у реки, где на нее опасно косились деловитые чайки, расхаживая по крупной сетке-рабице, с помощью которой был укреплен засыпанный щебенкой берег. Сквозь ячейки сетки давно проросла трава, меж ее зеленых клочков виднелись обертки и сигаретные бычки. Однажды нашлась даже фольга от презерватива, что надолго увело Марину в сторону от ученических мыслей.

В день, когда она сдавала историю Отечества, утром шел дождь, но к обеду распогодилось. Возвращаясь домой, Марина чувствовала, как отпускает волнение и в животе урчит: перед экзаменом позавтракать никогда не получалось. В приподнятом настроении она взбежала по ступенькам крыльца, доехала в тесном вонючем лифте на свой четвертый этаж и отперла ключом дверь.

В прихожей как-то странно пахло. Шагнув в сумрак, она чуть не споткнулась о чей-то чемоданчик с ремонтными инструментами, крышка его была заляпана коричневой краской. Рядом стояли огромные, давно нечищенные ботинки. Ни мамы, ни владельца ботинок видно не было, и Марина заглянула сперва на кухню, а потом и в мамину комнату.

Оба были здесь. Маринин взгляд уперся в мужские ягодицы, очень белые и очень неуместные, в окружении не снятой, а лишь приспущенной и задранной одежды. Ягодицы ритмично двигались, в разные стороны от них торчали голые ноги мамы Оли.

– Ой, – пискнула Марина.

Она была ошарашена и испугана. И совершенно не представляла, что ей делать. Мужчина, не прекращая громко пыхтеть, повернул голову в ее сторону и замер, очевидно, тоже не решившись сразу на дальнейшие действия: и в ту, и в другую сторону двигаться было бы крайне абсурдно. Из-под него выглянула мама Оля. Ее красное лицо блестело от пота и уже

начало наливать злостью.

– Дверь закрой! – рявкнула мама Оля громко.

Марина, вздрогнув, выскочила вон.

Она слышала, как вполголоса переговариваются мужчина и мама Оля, видела сквозь матовое стекло кухонной двери, как торопливо он собирается, укладывает инструменты в чемоданчик, зашнуровывает ботинки. Щелкнул замок. Марина наконец сообразила, кто это. Сантехник. Это чертов сантехник, которого она же сама и вызвала из ЖЭКа еще позавчера, чтобы заменить текущий кран в ванной.

Мама Оля рывком распахнула дверь на кухню. Неприбранная, в запахнутом наскоро халате, с растрепанными волосами и пунцовыми обрюзгшими щеками.

– И что это было? – холодно, с расстановкой спросила Марина. Страх ушел, смущение тоже.

В ответ мама Оля начала заводится. Она заявила, что Марина не смеет ее отчитывать, что это Оля ее мать, а не наоборот. Что она живая женщина, и сколько можно над ней измываться, и ее контролировать, и попрекать каждый день. И чтобы Марина даже не смела высказывать свое мнение на этот счет. Под конец мать сорвалась на крик.

Марина не верила своим ушам. И глазам тоже. Не сбавляя громкости, мама Оля успела налить себе чашку чая и теперь с феноменальной скоростью поглощала шоколадные конфеты, одну за другой. На подбородке у нее остался темный след, к уголку губ пристал кусочек вафли, но она этого не замечала.

– Не смей мне указывать, молоко еще на губах не обсохло, – твердила она как заведенная, укладывая в рот конфету, жуя и тут же торопливо, будто вот-вот отнимут, подрагивающими пальцами разворачивая новый фантик. В этот момент она была похожа на запойную алкоголичку, пытающуюся распечатать бутылку водки. Это зрелище оказалось так омерзительно, что Марину затошнило. Она не могла поверить, что эта женщина – ее мама, знакомая с детства, апельсиноволосая мама Оля, фея-крестная, которую папа называл не иначе, как Рыжик, и которая вывязывала волшебным крючком облачные ризы и заразительно хохотала по любому поводу.

– Меня от тебя тошнит. Ты отвратительна. Хорошо, что папа не видит...

И прежде чем мать прокричала ответ, Марина выскочила из дома на лестницу.

Нет, Марина была вовсе не против, если бы у матери появился мужчина. Точнее, умом понимала, что так должно случиться, и готовилась

принять новость с оптимизмом. Мама еще не старая и до недавнего времени была довольно-таки привлекательна, ее задорные ямочки снискали больше восхищенных взглядов, чем тщательно подведенные стрелки или загадочно приподнятые брови какой-нибудь выверенной красавицы. Но все же... Не так по-животному, не так скоро... Не так. Пусть бы даже этот сантехник встретился маме (как знать, может, замечательный человек?), но он должен был принести ей цветов, ухаживать за нею, грубовато шутить, неловко подавать руку. Он должен был понравиться, потом полюбить. И уж только после этого... Когда в школе изучали творчество Бунина и его «Солнечный удар», Марине как-то с трудом верилось в большую и чистую любовь главных героев. Откровенное стремление плоти, чистое оттого, что не прикрывается лицемерными оправданиями, – вот о чем рассказ, думала она и не преминула сообщить об этом учителю. Поймать за подобным собственную мать оказалось для нее слишком серьезным ударом, не солнечным, а скорее, молниевым.

...Весь первый курс Марина пропадала в институте, стараясь не появляться дома, пока мать не спит, и до позднего вечера засиживалась у однокурсников в общежитии. Они гоняли пустой чай, ели черный хлеб с луком и солью и – в огромных количествах – дешевые макароны, отчего девчонки полнели прямо на глазах. Отношения у Марины с мамой Олей испортились настолько, что месяц начинался и заканчивался, а мама и дочка могли не переброситься даже парой фраз. Ощущая острую нехватку денег, Марина бралась за любую подработку: переводила статьи, репетиторствовала со школьниками и абитуриентами, три раза в неделю мыла богатую квартиру. Позволить себе скверно учиться она не могла, даже более чем скромная, хоть и повышенная, стипендия составляла значительную часть ее бюджета. С Васькой они по-прежнему переписывались, несколько раз она ездила его навестить и долго обнимала, худого, ушастого, в мешком висящей форме. В письмах он становился все ревнивее и беспокойнее, видно, армейские горестные рассказы о недождавшихся невестах терзали его. Он уже считал дни до дембеля.

В конце апреля Марина вела урок у своей постоянной ученицы Вали, смысленной девятиклассницы, очень переживавшей из-за своей врожденной хромоты. Читали Джерома Клапку Джерома в оригинале, Валя едва успевала выписывать в тетрадку-словарик незнакомые слова, и столбик становился все длиннее. Марина подсказала:

– Здесь дальше перечень болезней, которые будет находить у себя Джей во время чтения медицинского справочника. Если не хочешь, можешь

не выписывать. Вряд ли они пригодятся тебе на экзамене.

– Я ведь не для экзамена учу, а для себя, – серьезно заметила Валя, проявляя мудрость не по годам. – А вдруг я поеду отдыхать и там заболею...

Она ткнула пальцем в текст и с запинкой перевела:

– ...танцем святого Витта.

– Пляской.

– Вот. Заболею пляской святого Витта. А что это, кстати?

– Этого у тебя точно нет, не волнуйся, – усмехнулась Марина покровительственно, как можно усмехаться только когда твоя ученица младше тебя всего на четыре года. – Продолжим?

Но с того момента мысль о пляске святого Витта почему-то втемяшилась в голову и не давала Марине покоя. В полудреме засыпания или пробуждения ей мерещились мрачные и нервные полотна Брейгеля и Босха, многофигурные, громоздкие, с лицами, полными скорби и безумия, с застывшими навсегда гримасами и осками, фантасмагорические, пугающие. Она даже имен художников не знала, вероятно, эти образы засели в подсознании еще в те давние времена, когда папа давал ей листать плохонькие альбомы с репродукциями, чтобы выкроить себе хоть минутку свободы. Теперь ей чудились эти звериные физиономии, дурно хохочущие, кривляющиеся и извивающиеся, дергающиеся в нервном тике слюнявые рты, изломанные линии рук, вывихнутые ноги. Все эти буйнопомешанные, слепцы, нищие с зияющими пустотой глазницами, скелеты в плащах, весь средневековый мрак и ужас выплывал на поверхность ее сна и мучил, мучил, мучил. Ей чудились залитые нечистотами мостовые, грязные обрывки мешковины и полотна, очистки и зловонные выгребные ямы. Поутру она не понимала, почему не может избавиться от этой навязчивой мысли. И наконец она рассердилась: почему какой-то крепко засевший бред портит ей настроение? С какой стати? Она решила разобраться.

Накануне дня рождения матери она раздобыла несколько особо убедительных справочников и в том числе медицинскую энциклопедию. Уселась за стол и принялась штудировать.

Так она узнала, что точного значения и понимания этого феномена не существует и ныне. Известно, что в Средние века на людей нападала неизвестная болезнь и они начинали совершать хаотические дерганные движения, неравномерные, несимметричные и беспричинные. Болезнь будто бы приходила и уходила сама по себе или не излечивалась вовсе, но известны также и случаи избавления от недуга после молитв святому Витусу, или Витту, покровителю актеров и танцоров и мученику,

известному своим изгнанием бесов у сына императора Диоклетиана. Что, впрочем, не защитило чудотворца от мученической смерти в римском котле с кипящим маслом. Название болезни предположительно могло происходить от обычая в День святого Витта, 15 июня, безудержно плясать перед его статуей, прося себе здоровья.

Однако сведения, добытые Мариной, были так разрозненны и туманны, что она вконец запуталась. Науке так и не удалось выяснить наверняка, что это была за болезнь, ибо все неврологические расстройства, известные XX веку, имели исключительно индивидуальный характер, если, конечно, не брать во внимание примеры массовой истерии. Сложно представить, думала Марина, чтобы люди, пусть даже дремучие и необразованные, пускались в пляс под воздействием и по примеру других таких же. Это не на футбольном матче шарфиками махать... Для себя самой правдоподобной версией она выбрала отравление спорыньей – грибом, паразитирующим на злаках. Этим объяснялась и массовость (зараженный хлеб ели все вместе, так что и заболели все тоже сразу), и характерные симптомы, ведь спорынья – галлюциноген и токсин, влияющий на моторику и вызывающий неконтролируемые спазмы и судороги. Даже то, что последние века не знали коллективной пляски святого Витта, говорило в пользу этой версии, ведь и зерно нынче хранят иначе, и спорынья почти перестала поражать рожь и пшеницу. Правда, позже из нее выделили лизергиновую кислоту, более известную как ЛСД, но это уже совсем другая история, хмыкнула Марина.

Она уже и сама удивлялась, зачем принялась так рьяно исследовать пляску святого Витта. Ну, травились люди спорыньей. Ну, ходили по городам и весям целыми толпами, дергаясь, словно под током. Что ей до того? Дело прошлое. Страницы энциклопедии, описывающие современные диагнозы, она уже почти все изучила, но дотошность, ставшая в последние два года привычкой, не позволила бросить вопрос на полпути. Так она узнала, что современный человек, упоминая о пляске святого Витта, скорее всего имеет в виду хорею – конвульсивное подергивание конечностей, связанное с поражениями мозга.

Что ж. Она закрыла энциклопедию и вздохнула: бедные люди, чего только не рушится на их несчастные головы, каких только болезней не придумал изощренный разум кого-то высшего и немилосердного! Только и остается, что молить небеса о доброте, а еще лучше – о слабом зрении, чтобы они проглядели, не заметили крохотного человечка и его маленькой мирной судьбы...

Марина на мгновение исполнилась мистической дрожи, но тут же

отогнала ее прочь. Часы показывали половину пятого, а ей предстояло ехать на день рождения матери. Зато завтра, на очередном занятии, она расскажет Вале о заинтересовавшей ее болезни во всех красках. Педагогично ли это – вот вопрос!

Она забежала за тюльпанами, которые так любила мама, и в шесть появилась на пороге родного дома.

На удивление, маму Олю она застала в прекрасном настроении. Аккуратно причесанная, с подкрашенными глазами и в многослойной тунике всех оттенков лазурного, она суетилась на кухне. Поцеловав ее в щеку, Марина почувствовала доносящийся от мамы аромат духов, до боли знакомых. Что-то из детства, из того самого, когда они с папой ходили на майский парад.

– А я сегодня выдала! – делилась мама Оля, помешивая булькающее в чугунной кастрюле жаркое. – Забыла, какой день. Думала, завтра праздновать. А телефон прямо вот разорваться готов, столько народу уже позвонило. Первая была эта... как ее... Антонина! Помнишь, у нее двойняшки?

– Да, конечно.

– Ну вот. Звонит, говорит, поздравляю вас, Ольга Васильевна. А я никак не уясню, о чем она. Ну, потом-то уж сообразила. Смотрю на календарь – батюшки, и правда! Тридцать девять лет, и чуть не пропустила. Смех, да и только. Ну представляешь?

– Честно говоря, нет, – призналась Марина.

Она обвела взглядом кухню. Когда-то праздники у них отмечались в большой комнате. Папа выносил стол, мама доставала парадную скатерть и посеребренные мельхиоровые вилки, которые после праздника, натертые мягкой фланелькой до белого блеска, возвращались в светло-голубую картонку. Теперь те же самые вилки лежали возле тарелок, потемневшие, с подернувшимся патиной узором на рукоятках. Приборов было всего два.

– Мы больше никого не ждем?

– А кто нам еще нужен? – удивилась мама. – Ты, да я, да двое нас.

С некоторых пор она полюбила старые, еще из собственного детства прибаутки.

– А тетя Нина? Тетя Маша? Не придут?

Мама помрачнела:

– Ой, да что с них взять. Клуши. Поссорились мы с ними давно, так и не общаемся больше.

Это признание далось маме Оле нелегко, и краешек ее рта несколько раз нервически дернулся. Чтобы отвлечься, она стала расспрашивать дочь

об институте.

Удивленная, Марина все же вздохнула свободнее, когда услышала, что они так и проведут этот вечер вдвоем. Признаться, она опасалась, как бы мама не пригласила кого-нибудь из мужчин. По разным косвенным приметам она замечала, что их в квартире бывает предостаточно, и это не один какой-то определенный мужчина, а всегда или почти всегда – разные. Представить сейчас одного из них за столом ей было мучительно.

Но чем больше она рассказывала о своей учебе, тем больше беспокойства поднималось внутри нее. Сперва это было смутное ощущение, вроде царапающегося ярлычка с внутренней стороны одежды, который портит настроение, пока не осознаешь, в чем причина, и не отрежешь его. Но никакие ярлычки ее не царапали. Она общалась с мамой, в кои-то веки приобретшей почти привычный вид, и не могла отделаться от все нарастающей тревоги.

Мама не в порядке.

Дело было сразу во всем. В пересоленном жарком, которое Марина только попробовала и тут же тихонько отодвинула на край стола, а мама уплетала с жадностью голодающего путника, пачкаясь в соусе. Во всех ее движениях, которые то замедлялись, то убыстрялись до торопливости одержимого. Мама Оля ежеминутно терла руку об руку, хрустела пальцами, вставала, садилась, резко оборачивалась то на окно, то на дверь. Не выдержав, Марина поймала ее за руку:

– Мамуль, присядь. Такое ощущение, что ты постоянно куда-то бежишь...

– Я? Нет, с чего бы... Куда мне бежать... – растерялась мама. Она с покорностью большой и одутловатой мягкой куклы опустилась на стул, но не успел еще закипеть чайник, как она уже снова оказалась на ногах.

– А Надя, Надюшка-то наша как? – вдруг перебила она дочь.

Марина замолкла.

– Ты что-то совсем ее... запропастила. То есть забросила, я хотела сказать «забросила».

И внезапно после этой оговорки Марине стало по-настоящему страшно. То, приближение чего она так боялась и так остро ощущала, наконец встало прямо перед ней. Серое и вязкое. Дыхание беды коснулось ее затылка, и волосы на нем поднялись. Ох, не зря ей мерещился Босх, не зря она листала энциклопедию. Это все имеет к ним отношение.

– Мамуля... Ты что, не помнишь ту историю? Про Надю. Как она оболгала Ваську?

– Кого, Ваську? Ах, Ваську... Ну-ну, помню, конечно, не говори

глупостей.

Она не помнила. Понятия не имела, что за история и кто такой Васька. И Марина отчетливо видела это по глазам, которые так и не смогли сфокусироваться на одной точке и все блуждали по кухне и не останавливались.

«Ничего еще не ясно, ничего не доказано», – твердила Марина себе полночи. Наутро она уже была готова убедить себя, что все показалось, почудилось и это только богатое воображение вкупе с излишней эмоциональностью и драматизмом. Не зря же Васька так любит прочить ей «Оскар в студию». Но чтобы полностью разувериться в подозрениях, Марина прогуляла две первые пары и отправилась в школу, где во втором «А» все еще учительствовала мама Оля.

– Хорошо, что ты пришла! – обрадовалась завуч начальных классов, только заметив ее на пороге. – Я уж собиралась звонить, а ты сама...

И одной этой реплики, полной заискивания и облегчения, хватило, чтобы Марина поняла: не почудилось и не показалось.

Коллеги уже давно заметили за мамой Олей странности. Рассеянность, плохую память.

– Я уж грешным делом подумала, может, пьет она, – призналась завуч, понизив голос. – Ну, папа-то у вас... После такого горя всякое бывает, женщине одной остаться тяжело. Да еще тебя растила. Заговаривается, иногда как каша во рту, не сразу понятно. Руки у нее трясутся. А перегаром не пахнет. То все хорошо, а то накричит на учеников, девочку до слез довела, с завхозом на перемене так поругались, что... Словом, не знаю, что и предпринять. Уже и родители начали жаловаться.

Марина схватилась за голову:

– Что ж вы раньше не вызвали меня?

– Да я думала, может, обойдется...

– И сколько должно было пройти времени, чтобы вы поняли, что не обойдется? – горько бросила Марина. И не дожидаясь ответа, вышла.

Убедить маму Олю показаться врачу получилось не сразу. Сначала она отнекивалась и пыталась отвертеться вполне цивилизованно, но Марина не сдавалась.

– Мам, я же не прошу чего-то сверхъестественного, – так и эдак заходила Марина. – Вот скажи, когда ты была у врача? Просто у терапевта. Помнишь, как часто ты меня таскала по врачам, когда я была маленькая?

– Ты часто болела, – возразила мама. – А я-то здорова!

– А диспансеризации? – не сдавалась Марина. – Сама же мне говорила, что у вас они обязательные. Как ты вообще умудрилась их

избегать?

– Уметь надо, – подмигнула мама Оля. Она явно не воспринимала Марину всерьез. Когда дочь продолжила настаивать, ситуация стала накаляться.

– Не понимаю, чего ты от меня хочешь, Мариш? – довольно резко спросила мама.

– Я просто хочу, чтобы ты показала врачам. Хочу убедиться, что с тобой все в порядке. Терапевт, окулист, невропатолог...

– Вот, – ткнула мама Оля пальцем чуть не в глаз Марине. – Вот ты себя и выдала! Невропатолог! Хочешь меня в сумасшедшие прописать? В дурку сдать?

– Да о чем ты говоришь?!

– А вот не дождешься!

И мама Оля прытко, особенно для ее веса, умчалась в комнату и заперлась там.

У Марины голова разрывалась. Еще месяц назад она бы вспылила и дней десять не появлялась бы дома. С другой стороны, еще месяц назад этого разговора бы не случилось.

Затащить мать к врачу ей помог счастливый случай. С общепринятой точки зрения никаким счастливым он, конечно, считаться не мог, но хотя бы сдвинул дело с мертвой точки. Мама Оля сломала указательный палец, прибив его железной дверью подъезда. Сопровождая ее в больницу, Марина радовалась какой-то особой, темной радостью, зная, что уж теперь сделает все от нее зависящее, только бы узнать ответ.

Пока маме Оле делали рентген и гипсовали палец, она успела обо всем договориться. И на обследование маму, успокоенную седативным, отвезли прямо из кабинета травматолога. Три часа спустя, после томографии, всевозможных осмотров и анализов, они вернулась домой. За один день на обследование и анализы мамы Марина потратила все деньги, скопленные отчаянными усилиями за полтора года. А еще спустя неделю, когда пришли результаты анализов, доктор пригласил Марину на прием. Одну.

Она долго прождала в кабинете. Сперва ее колотила дрожь, позже она взяла себя в руки и даже успела заскучать, так что от нечего делать принялась разглядывать все вокруг. На столе стопками громоздились документы и истории болезней, торчали черные листы рентгеновских снимков, груша старенького тонометра свесилась со столешницы. С фотографии в рамке лучисто улыбалась привлекательная молодая женщина, очевидно, жена.

Доктор пару раз заглядывал в кабинет, но его тут же окликали из

коридора, и он снова закрывал дверь, бросая Марине:

– Простите.

После второго такого исчезновения она осмелела и перевернула небольшие песочные часы, стоящие на тумбочке возле нее. Песок заструился, увлекая за собой время ее жизни, песчинку за песчинкой. Тогда-то доктор Вершинин и появился на пороге. Он широким шагом пересек кабинет, опустился в кресло и провел пятерней по густым, медового цвета волосам, пропустив их сквозь пальцы. Воззрился на Марину всепрощающими зелеными глазами породистого сенбернара, давая себе время, чтобы вспомнить, кто эта девушка и что ей от него нужно. Потом покосился на текущий в часах песок. Марина могла поклясться, что его губы дрогнули – но так и не улыбнулись. Вместо этого он зашуршал бумажками. Протянул ей снимок головного мозга, кончиком шариковой ручки обведя некоторые участки:

– Вот, видите, здесь и здесь. Очаги повреждения. Атрофия. Это место называется стриатум, или еще – полосатое тело. Отвечает за мышечный тонус, поведенческие реакции...

Марина приподняла бровь, и доктор понуро кивнул:

– В общем-то, все подтвердилось. Мне очень жаль. У вашей мамы хорей Хантингтона.

Хорея. Марину кольнуло. Все-таки хорей. Пляска святого Витта, будь она неладна. Не зря гоголевщина мерещилась...

– Хорея? – переспросила она тихо. – Но отчего? Спорыньей-то ведь никто больше не травится.

Вершинин взглянул на нее внимательнее, несколько обескураженно:

– При чем тут спорынья?

– Ни при чем, извините.

– Так вот. Хорея Хантингтона – это генетическое. И, скажу прямо, обнадеживать вас не имею права, – неизлечимое.

Марина закусила губу и взглянула в окно. Там на узкой подъездной дорожке не могли разъехаться белый седан и черный джип. Водительские стекла опустились, и водители пререкались, ожесточенно жестикулируя и указывая руками направления друг для друга, как реальные, так и метафорические. Дело кончилось тем, что девушка за рулем джипа подняла стекло обратно и крутанула руль. Машина заскочила правым колесом на бордюр и проехала, оставляя на влажном зеленом газоне черную рытвину.

– И какие прогнозы? – вернулась Марина в кабинет. – Только честно. Что будет дальше?

– Ну... – Доктор потер ладонью подбородок, к обеду успевший

затянуться рыжеватой щетиной. – В таком состоянии, как у нее... еще лет семь. С постоянным ухудшением. Тремор в конечностях усилится. Мышцы будут сокращаться произвольно, повсеместно – на лице, в шее. Координация ухудшится, вплоть до полной потери контроля над телом. Возникнут проблемы с приемом пищи, глотание и жевание тоже требует мышечной активности, как вы понимаете.

– Ей нельзя работать, ведь так? – Марина скорее размышляла вслух, чем поинтересовалась.

– А она кто по профессии?

– Учитель младших классов.

Вершинин покивал с сочувственным лицом:

– Да, нельзя. Когнитивные функции будут утрачиваться наряду с физическими, хотя это все сугубо индивидуально. Но в любом случае инвалидность. И недееспособность. Бабушка и дедушка по материнской линии у вас еще живы?

– Они рано умерли.

Доктор Вершинин чувствовал, что Марина ждет от него всей картины целиком, терпеливо помалкивает, дожидаясь, пока он обрисует масштаб ожидающего ее краха, с легким вздохом продолжил, искренне заглядывая в глаза:

– Я не могу сказать вам, Марина, что именно будет происходить с ней и в каком порядке. У некоторых в первую очередь возникает агрессия, нарушается речь, пропадает память, возникают проблемы с распознаванием лиц. Утрачивается адекватность поведенческой оценки. Вы говорили, что у мамы изменился характер, испортился... Это вам не показалось. У кого-то наступают депрессия, суицидальные наклонности, паника, параноидальные настроения, навязчивые идеи вплоть до галлюцинаций. Здесь нужно внимательно следить за состоянием, чтобы ничего не упустить. Или может возникнуть гиперсексуальность, в смысле активное и раскрепощенное сексуальное поведение, часто бесстыдное по общепринятым меркам. Эта болезнь – большая редкость, скажу честно, ваша мама – первая у меня такая пациентка... А коллеги сталкивались, я уже сделал пару звонков, разузнал. Но в принципе симптомы, связанные с повреждением базальных ганглиев, схожие во многих неврологических заболеваниях. Так что в этом ключе беспокоиться не стоит, поддерживающее лечение существует.

– Но только поддерживающее... – хмыкнула Марина.

Доктор развел руками:

– Говорят, тетрабеназин дает хорошие результаты. От миоклонических судорог есть препараты, от депрессии тоже. Да, болезнь нельзя вылечить,

вы должны это понимать. Но можно облегчить симптомы.

– И продлить ее страдания?

Когда Марина бывала чем-то расстроена, ей хотелось кидаться на людей, словно цепная собака. Она уже знала за собой этот недостаток и сейчас усилием воли подавила вспышку гнева. Доктор, сидевший напротив нее, ни в чем не виноват.

Марина постаралась улыбнуться:

– Простите. Не могу сообразить, как теперь... И что... Как так случилось, от чего все это?..

Он, вероятно, принял вопрос на свой счет, потому что с готовностью принялся объяснять, очаровательно стараясь делать это как можно понятнее:

– Вы же знаете про хромосомы и ДНК, правда? В школе вам должны были рассказывать... В общем, если коротко, то пока ученые не разобрались, почему все происходит именно так. Есть ген, картированный на коротком плече четвертой хромосомы... Этот ген кодирует белок хантингтин. Если белок оказывается мутантным, то он становится токсичным, отравляет организм и начинает разрушать нейроны головного мозга. И так протекает эта болезнь. Это не из-за питания и не из-за какого-то неправильного образа жизни, как думают иногда люди. Просто – так случается.

– Просто не повезло, – невпопад засмеялась Марина.

Они на мгновение встретились взглядами. Вершинин растерянно моргнул. И после короткой паузы произнес:

– Извините, что нет хороших новостей.

– По крайней мере, теперь я знаю. Знать ведь лучше, чем не знать! – кивнула Марина.

Ей хотелось сидеть здесь долго-долго. Смотреть на этого приятного врача, слушать его низкий размеренный голос и ощущать себя ничего не знающей девочкой. Он обстоятельно отвечал на ее вопросы, объяснял, подбадривал и даже пару раз улыбнулся, окончательно перестав опасаться какой-нибудь чрезмерно нервной ее реакции на сообщенное известие. Сейчас от нее ничего не требовалось. Не надо ничего решать, не надо идти и делать. За порогом продолжатся проблемы, и они уже не кончатся. Но сейчас, в эти недолгие минуты, когда весь песок лежал на дне песочных часов, создавая иллюзию безвременья, Марине хотелось остаться и замереть. Замереть навсегда, глядя на доктора Вершинина, его рыжеватые ресницы и ладони с длинными пальцами и крупными суставами. Такие же руки были у ее папы.

Когда она встала, чтобы уходить, закатное солнце выглянуло из-за туч и весь кабинет наполнился теплым янтарем. Марина помедлила, прежде чем взяться за дверную ручку.

– Скажите, доктор... Она ведь давно болеет?

– Носитель она с детства. А в активной фазе болезнь длится уже несколько лет, да.

Вот и ответ.

Дождливый день вспыхнул ясным ярким закатом, и горожане всех возрастов высыпали на улицу: на роликах, на велосипедах, пешком, с детьми, с собаками, парочками. Марина шла сквозь их пестрые отряды и словно никого не замечала.

Несколько лет. Мама Оля болела вот уже несколько лет. Наверное, все началось еще при папе, да только они не заметили. Или папина гибель лишь спровоцировала быстрое ухудшение. Мама Оля забросила вязание не просто так, не из лени и не от горя – ей просто стало тяжело держать в руках крючок. И эти ссоры с подругами, склочность, вспыльчивость... И мужиков она водила не по своей воле, ею руководил подлый недуг, уже овладевающий телом и разумом. А Марина только дулась на нее, сердилась. Судила. Презирала. Даже омерзение испытывала! Какая же она после этого дочь? Вместо того чтобы следить за мамой и поддерживать ее, заметить болезнь раньше (а вдруг удалось бы отсрочить?), она с ума сходила по Ваське и видеть ничего кроме него не желала. Какой позор. Она поверила, что ее мама Оля может быть такой по собственной воле. Как же мало веры и как много недомыслия...

Марина грызла костяшки пальцев, стгорая от стыда. Она вдруг осознала себя посреди оживленного сквера. Ей казалось, что все они смотрят на нее и знают ее вину. Она виновата, шепчет белокурая девушка в налобной повязке своему парню-роллеру. Она виновата, шамкает беззубый старик своей немолодой дочери в болониевом плаще.

– Я виновата.

Васька вернулся в следующем месяце. Повзрослевший, но такой же залихватский и дерзкий, что и был, с карамельно-красными губами, которыми он крепко впился в Марину, едва сойдя с поезда. Никогда, подумала она, ей не избавиться от мысли, что он только что где-то в закутке целовал другую.

Очень скоро Васька действительно понял, что Марина его дождалась. Что не ищет подходящего момента, чтобы признаться, что все кончено, Марина действительно никуда не собирается улизнуть. Что она полностью

его и готова быть с ним и дальше. Напряжение спало.

Она не собиралась объяснять ему, что ее «подвиг» вообще таковым не является. А правда заключается в том, что она и правда скучала по Ваське – пока не перестала скучать и не занялась насущными проблемами. В круговерти из учебы, недосмотренных снов и слишком коротких ночей, считанных-пересчитанных копеек, голодного урчания в желудке и отчаяния в голове ее любовь отошла на второй, третий, четвертый план. Как выяснилось, она вполне могла прожить без любви, пока бежала от одного ученика к другому с тяжелой сумкой наперевес. Марина всегда знала, что Васька вернется, и любовь откладывалась на те светлые времена. Пока Вершинин не озвучил диагноз для мамы Оли. Теперь сами светлые времена отодвинулись на неопределенный срок.

Ваське хотелось всего и сразу. Как будто внутри у него открутили вентиль и вода, фыркая и булькая, рванула по трубам. Он умудрился с ходу поступить в пединститут и всерьез теперь собирался наверстывать упущенное время. Марина была нужна ему прежней, той растрепанной темноволосой бестией, которая выжигала татуировку раскаленным ножом, кусалась во время ссор и стонала, пока Васька упивался ее грудью, задрав ей свитер прямо на лестничной клетке четвертого этажа.

Он не знал, что той Марины больше нет.

В минуту слабости она вывалила ему все: и про заработки, и про безденежье, и про мамину болезнь. Особенно про мамину болезнь. Она с упорством маленького ребенка перебирала все счастливые картинки из детства, которые давно привыкла нанизывать на нитки сожаления и развешивать внутри памяти, наподобие старомодной новогодней гирлянды из флажков-воспоминаний.

– Ну что ты так расстраиваешься? Это ведь жизнь.

Марина отняла руки от заплаканных глаз. Васька пояснил:

– Родители не молодеют. Бывает.

Бывает с другими, хотела заорать ему Марина. С теми, про кого она ничего не знает. А это ее родная мама, которая теряет человеческий облик, и даже быстрее, чем то обещают учебники по медицине. И тут не может быть никаких «бывает» и «это жизнь», есть только боль и бесконечные вопросы, больше похожие на упреки в адрес Вселенной. И надо просто понять Марину, просто сгрести в охапку и качать на коленях, говоря, что все будет хорошо, целуя и утирая слезы. Потому что иначе она сломается и не удержится на краю.

Марина ничего не ответила. В тот день они отправились на рок-концерт под открытым небом. И, переминаясь на огромном вытоптанном

лугу среди одуревшей молодежи и подпевая песням, некогда так любимым, Марина почувствовала, что больше не принадлежит этой толпе. И Ваське тоже не принадлежит. Теперь у нее другая участь и им не по пути.

Вскоре они расстались. Неловко, но почти безболезненно, потому что к этому времени Васька отчетливо осознал, что от отпадной оторвы Марины осталась лишь оболочка. Да, все такая же – нет, даже более привлекательная. Но оболочка. Внутри она стала совсем иной, незнакомой, серьезной и часто до невозможности унылой. А Ваське так хотелось урвать еще свой кусок веселья.

Вырастая, рассуждала Марина, дети оказываются не готовы ко взрослой жизни. Причем каждый из них не готов к чему-то своему. Одного пугают близкое материнство или отцовство, смена семейного статуса и появившиеся в связи с этим новые обязанности. Другой вдруг выясняет, что, оказывается, взрослые люди работают, а он не хочет ходить на работу и гнуть спину с девяти до шести, ведь профессия, выбранная им по малолетству и недомыслию, оказалась совершенно неприменима к конкретно этому человеческому характеру. Третьему не дает покоя осознание, что жизнь, оказывается, уже началась и идет, и все в ней как-то уж слишком по-настоящему, и нет возможности переиграть, начать заново, поднять лапки с воплем «Я пошутил! Брейк!». Кого-то наотмашь бьет понимание того, что большинство мечтаний так и останется в области фантазии. Или в какой-нибудь двадцатилетней голове поселяется мысль о неотвратимости старости, которая, кажется, уже вот-вот замаячит на пороге.

Марину до глубины души изумило, как всеобъемлюще взрослая жизнь связана с бумажками. Выписками, счетами, квитанциями, договорами и расписками. И бог знает с чем еще. Временами ей казалось, что она погребена под ворохом документов и ей не хватает воздуха. Болезнь мамы Оли обязала ее стать в семье главной. Она уже не могла отнекиваться и закатывать глаза, думая о маминой невыносимости. Мама не была невыносима, она была больна. И вынести ее болезнь и вправду тяжело. Особенно с бумажками.

Пенсионные, страховые... Налоговые декларации. А еще не забыть о подаче документов на инвалидность. А еще история болезни, со всеми снимками и выписками. И постоянные счета, которые надо оплатить.

Вытащив с верхних полок папины старые вещи, Марина отвела в шкафу место для бумаг – высоко, чтобы мама не наткнулась и не перепутала, или, чего доброго, не уничтожила. Теперь ей уже нельзя

доверять, как прежде: не так давно она чуть не сожгла альбом с семейными фотографиями, подпалив прямо над синеватым огоньком кухонной конфорки. Марина нашла ее, обливающуюся слезами, и едва успела потушить альбом под струей воды.

– Что со мной, Мариша? Почему так? – шептала мама Оля, и глаза у нее были до того испуганные и растерянные, как у котенка, которого суют в пакет, чтобы утопить. Она попыталась вытереть слезы кухонным полотенцем, но руки так тряслись, что пришлось отшвырнуть полотенце прочь.

– Мне кажется, – продолжала шептать она, – что все вокруг осыпается. Мне приснилось сегодня, что я иду по какому-то разбомбленному пригороду. Будто я попала в прошлое, это война, наверное... И вокруг все разрушено. Черные остовы домов торчат, все обгорелое, обугленное. Лестницы уходят прямо в небо, потому что пролеты у них обрушены. И ни души. Я ищу хоть кого-то, но стоит такая тишина... Мне хочется закричать, но тишина даже внутри меня, нет голоса, не могу выдать из себя ни звука, хотя кричу что есть сил. И я продолжаю бежать по этому городу. А потом вижу фигуру. Это женщина, сидит на стуле спиной ко мне, и над ней черный дверной проем. Я подхожу ближе, и еще ближе, и мне кажется, что это я сама. Не знаю уж точно, я или не я... Но на ней моя кофточка с ажурной пелеринкой, помнишь у меня такую? Из желтого меланжа. Мне твой папа пряжу купил, подарил на годовщину, семь мотков. Помнишь?

– Помню, мамочка.

– И я к ней медленно так подхожу. Боюсь, что она повернется ко мне и это окажусь я. Но я все продолжаю идти и останавливаюсь прямо за спиной у нее. Помню даже, что стул, на котором она сидела, был такой... зеленоватый, с кованой спинкой. Будто французский, что ли. И я тяну руку и касаюсь ее плеча, думая, что она сейчас повернется. Но она не поворачивается! Она просто – пфф – и рассыпается в пепел. В одно мгновение осыпается вниз. Серыми такими хлопьями. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнула Марина и быстро отвернулась. Иногда слезы выступают из глаз так больно, будто прорезают себе путь бритвами.

Справившись с собой, она обняла маму за плечи и долго не отпускала.

Поразительно. В последнее время мама не часто отваживалась на такой долгий и связный монолог. Обычно она или ограничивалась короткими репликами, или начинала блуждать в трех соснах, осознавала это и с досадой замолкала. Мама Оля уже разобралась во всем и приняла факт собственной болезни, хотя Марина и боялась, что она станет отрицать это и мнительно обвинять дочь в дурных замыслах, как страдающие

маниями безумные старухи, о которых все рассказывают. То, что так долго гнездились в ней сомнениями и страхами, по крайней мере теперь нашло разумное объяснение. Когда в дом им провели Интернет, несколько дней мама Оля разыскивала в Сети все, что касалось ее состояния и схожих болезней, с трудом попадая курсором на нужные ссылки и поминутно подзывая дочь.

– Когда я стану совсем развалиной... ты меня... пожалуйста, брось.

– Ага. С четвертого этажа.

– А еще лучше удави... подушкой, чтоб не мучилась.

– Ну еще бы, – кивала Марина. – Мам, ну ты совсем уже? Что ты за ерунду несешь?

– Ох. Что-то живот крутит. Кажется... Ой, господи, как же так... – Мама Оля неловко встала и почти бегом бросилась в туалет.

Марина занялась готовкой. Когда через пять минут она проходила мимо ванной, то видела, как уже вышедшая из уборной мама застирывает свои трусики под слабой струей воды. Руки у нее сильно тряслись. Марина поспешно отошла от двери и застыла в коридоре, слушая звук текущей воды. Она не знала, как поступить. Ей хотелось помочь маме и застирать ее белье самой, но при этом было невыносимо смутить или пристыдить ее этим. Совершенно некстати вспомнилось, как на днях мама совершенно по-детски обиделась и расплакалась, утверждая, что дочь положила себе более вкусный кусок курицы, а ее и вовсе морит голодом.

Марина старалась не заглядывать в будущее. О, что за чудное открытие! Ведь будущего нет и все, что Марине было нужно, – это прожить сегодня. Потом прожить еще сегодня и следом за ним другое сегодня. И так – нет, не без конца, а – на сколько хватит сил. Ей припомнилось, как они вдвоем с мамой возвращались обратно к жизни после папиных похорон. Тогда все казалось беспросветным. Они обедали по будильнику и шли гулять по будильнику – только чтобы не мертветь, глядя в одну точку. Правда, тогда ее спасал Васька...

При мысли о нем Марина неизменно улыбалась. У нее в груди еще жило тепло к этому лохматому хулигану. Созванивались они дважды в год, на ее и его день рождения.

Нет, на сей раз она обойдется без любви, решила Марина. С любовью одни хлопоты, а в итоге все закончится вымотанными нервами и операциями на разбитом сердце.

И тогда она вознамерилась заработать денег. Как можно больше денег. Мамино лечение стоило недешево, на одни таблетки уходило сколько... А еще обследования, корректировка лечения. Антидепрессанты,

антиконвульсанты, физиотерапия...

– Вы понимаете, что скоро ей понадобится постоянный медицинский уход? – уточнил у нее однажды доктор Вершинин.

– Я работаю над этим, – тряхнула головой Марина. Она не подозревала, какой очаровательно серьезной показалась доктору в эту секунду. У него даже промелькнула мысль, что он не знает возраста этой студенточки, хотя ее мать – его пациентка уже два года. Не подавая виду, он повел широкими бровями:

– В каком смысле?

– Я зарабатываю деньги. Скоро смогу нанять сиделку.

– Может быть, лучше будет специальное учреждение? – Вершинин всегда говорил мягко, но при этом прямолинейно, во избежание двойных толкований.

Марина поджала губы:

– Я не сдам ее в дурдом. Это моя мама.

– Вы так молоды...

Марина хмыкнула. Закусила губу, но все же засмеялась. Ей показалась чрезвычайно забавной и эта фраза, сказанная тоном убеленной сединами мудрости, так не сочетающаяся со львиной гривой и цветущим видом Вершинина, и сам ее смысл. Молодая? Она? Три ха-ха. Ей миллион лет.

Он же в этот момент имел в виду только то, что и раньше встречал людей, которые вздергивали подбородок и бросались высокими словами. Поначалу.

Французский и английский звучал в голове постоянно, языки стали ее хлебом. Марина хваталась за любую работу и запретила себе отказываться, даже если не высыпалась уже неделю подряд или неважно себя чувствовала. А в свободное время – радио на иностранном языке, аудиокниги, старые фильмы, все что угодно, лишь бы выудить и запомнить новое слово, новый оборот. В центре города по воскресеньям она подходила к иностранцам и предлагала услуги экскурсовода, только бышний раз пообщаться с носителем языка. Репетиторство не приносило нужных денег, и тогда она стала ходить по собеседованиям в крупные международные компании. Она работала по контракту, поддерживая связь с несколькими работодателями сразу. Пару раз удалось прорваться в переводчики больших фестивалей и государственных мероприятий, где уровень Марины оценили. Вероятно, она привлекала всем сразу – и безупречным знанием языков при отличном владении своим родным, и сообразительными, быстро щелкающими мозгами, и довольно броской внешностью, не вульгарной, а располагающей к общению. Сама Марина,

конечно, не питала иллюзий насчет своего облика: он был зауряден. Но шесть занятий на курсах визажистов решили проблемы на всю жизнь вперед – теперь она умела делать свое лицо интересным. А понадобилось-то всего-навсего несколько кистей, консилер, бронзатор, хайлайтер, пудра – и знание. Почти все американцы, с которыми ей доводилось общаться, тут же замечали ее приятную улыбку и сетовали, что обычно русские угрюмы. От француженок она взяла умение причесываться и страсть к чулкам.

Настоящим поворотом в карьере стали переговоры между русской нефтяной компанией и канадско-американским холдингом. Еще до Маринино появления они зашли в тупик. Проходил день за днем, а ситуация никак не могла разрешиться. Большие боссы бегали покурить в кабинет, как подростки за гаражи, и там, не выбирая выражений, обкладывали иноземных партнеров за упертость, бульдожью хватку и при этом нескончаемые отбеленные улыбки. Доставалось даже вполне безобидной американской привычке высоко закидывать ногу на ногу, демонстрируя носки – в атмосфере постоянного раздражения это несказанно выводило из себя. Когда Марина стала разбираться что к чему, она в первую очередь занялась не переводом, а психологическими проблемами сложившейся группы людей. Немало бед наделали ее предшественники, которые пытались угодить обеим сторонам и добавляли отсебятину – немного, пару обортонов, соответствующий оборот, смягчавший или усиливавший впечатление или привносивший в монологи руководителей смыслы, которых раньше не было. Речь человека – структура тонкая, переменчивая и зыбкая, и идти по этому полю Марине теперь приходилось, выверяя каждый шаг.

По вечерам ее голова гудела. Девушке отчаянно не хватало образования психфака, и она засиживалась допоздна, штудировав учебники по корпоративной культуре и технике ведения переговоров. Когда опускались руки, она напоминала себе о легенде, согласно которой Карибский кризис начался из-за ошибки переводчика. И однажды, погасив свет в большой стеклянной будке, которую постоянные обитатели этого офиса именовали второй переговорной, и выстукивая четкое тук-тук-тук по зеркальным плитам пола по пути к лифту, она вдруг поймала себя на мысли, что ей все это нравится. Нравится быть незаменимой, нравится сталкиваться с проблемой, которую действительно можно решить, пусть она и кажется не по зубам. Марина принимала вызов, она почувствовала себя щелкунчиком именно для этого ореха. Так впоследствии и оказалось. Она сумела вывести партнеров из тупика, многомиллионные контракты были подписаны.

Никогда еще Марина не была счастливее. Она казалась себе всемогущей, и это оказалось чертовски приятное ощущение. На вечеринке, которую устроило начальство, она держалась чуть поодаль, взирая на всех с добротой, как на старых друзей, хотя с большинством присутствующих лично не была знакома. Менеджеры, референты, бухгалтеры – все веселились, стремительно напиваясь, и все чаще поглядывали на нее. Кажется, ходили какие-то слухи, но Марина не могла уяснить, какие именно. Ей было невдомек, что ее отстраненный вид, красивое лицо и безупречные колени, выглядывающие из-под зауженной юбки, – давно уже повод для офисных пересудов. Ее уже записали в любовники боссов и русской, и заокеанской части переговоров. Впрочем, ей это было безразлично. Когда заместитель генерального директора подошел к ней вплотную и попробовал взять с места в карьер, Марина быстро остудила его пыл. Будь он потрезвее, она бы еще подумала, но пьян он был в стельку.

Так или иначе, заключенный контракт наделал шуму, и в кулуарах сверкающих офисов, по счетам которых мигрировали стадами касаток миллионы долларов, временами припоминали и Марину. Работа у нее с тех пор не переводилась, и работа эта оказывалась все более высокооплачиваемой. Марина получила второе высшее, психологическое, – хотя это вряд ли привело девушку к более глубокому пониманию самой себя. В минуты ослепляющей гордости, сладко замирая, Марина называла себя на английский манер «женщиной, которая сделала сама себя», «self-made woman». Игра, позерство. И это нравилось ей чрезвычайно. Будучи переводчиком, мешая два языковых потока, которые иногда приходилось и слышать, и переводить без паузы, синхронно, она ощущала себя на своем месте – это доставляло ей удовольствие. И чем сложнее складывалась ситуация, чем витиеватее говорил ее клиент или его визави, тем большее удовлетворение она испытывала, когда все оканчивалось успешно. Классная руководительница не обманула, у Марины действительно был талант.

Она полюбила хорошее шампанское. Вкус победы, покусывающий за нёбо. По завершении работы она всегда выпивала два бокала, первый залпом, что неизменно вызывало хохот и шуточки и моментально снимало напряжение, переводя отношения в более непринужденное русло. Это была чистейшая игра на публику: если уж строгая точеная умница Марина решила расслабиться, то и все могут, наконец, выдохнуть. Второй бокал она поглощала медленно, крохотными глоточками, уютно устроившись внутри своей рабочей оболочки. Процесс казался ей очень интимным, и она успевала полностью отдохнуть и насытиться, отпивая с краешка бокала

бурливое жидкое золото.

И тем страннее оказывалась дорога домой. Из такси она выходила еще деловой, неся на себе невидимую пыль удачливости. На четвертом этаже из провонявшего лифта с обугленными кнопками выходила другая Марина – которая знала, что дома ее ждет мама.

Мама Оля сильно сдала за эти годы. Она уже почти не вставала, а когда все-таки приходилось подняться, ее изломанное кривляющееся тело словно жило своей собственной, чудовищной жизнью, содрогаясь и раскачиваясь невпопад. Времена шаркающей неуверенной походки отошли в прошлое, теперь одна нога едва подволакивалась. Пять дней в неделю приходила сиделка Тамара, обликом напоминая бобра: коротконогая, деловитая, с крупными, выдающимися вперед зубами, низкой попой и сильными короткопалыми руками. Сходство было так велико, что Марина не удивилась бы, даже увидев хвост, что болтается сзади поленцем. Тамара готовила еду, следила, чтобы мама приняла все препараты, помогала помыться, если это было нужно. И дожидалась Марину с работы. В выходные Марина справлялась сама.

Дни теперь делились на хорошие и плохие. В хорошие мама Оля старалась улыбаться, хотя лицо уже плохо слушалось и выходили только жалкие гримасы, отрывисто отвечала на немногочисленные вопросы, через раз понимая их смысл, послушно, как тряпичная кукла, позволяла перестелить постель, переодеть, дать лекарства. Марина расчесывала и заплетала ей волосы, иногда даже красила хной – по старому, давно заведенному обыкновению.

– Пельси... – шелестела она, подойдя к зеркалу и дрожащими пальцами перебирая оранжевые пряди. Марина понимала: это мама вспоминает, какой апельсиновой она была когда-то. И не только цветом волос.

В плохие мама Оля плакала, швыряла вещи, выбивала из рук дочери таблетницу, непроизвольно давилась едой, тремор и конвульсии тут же усиливались, словно подкарауливая, когда у их жертвы испортится настроение и ослабеет воля, чтобы накинуться посерьезнее. Она вся напоминала беспорядочно дергающуюся марионетку. Ее лицо скалилось и гримасничало, глаза косили влево или вовсе вращались в орбитах. Говорила она бессвязно, непонятно, иногда по-звериному взывала, и Марина призывала на помощь всех святых, чтобы выдержать это и самой не чокнуться. Самой себе она не раз признавалась, что вполне понимает средневековых людей, обвинявших подобных больных в одержимости демонами. Она и сама порой почти готова была уверовать в это – в злую

волю, заключенную в некогда знакомом теле.

В один из таких дней, выскочив из комнаты под невразумительный бубнеж, облитая гороховым супом, которым пыталась накормить маму, Марина поскользнулась в коридоре на луже мочи. Муся, повиливая обрубочком хвоста, просила есть и путалась под ногами, не признавая очевидной провинности. Не помня себя, Марина схватила собаку и принялась тыкать ее в лужу сперва носом, потом холкой, пока не извозила всю целиком. В довершение всего она, не выпуская Мусю из рук, дотянулась до поводка, висящего на гвозде в прихожей, и хлестанула им собаку. Та взвизгнула, беспорядочно истерично залаяла и забилась под кухонный стол. Марина швырнула поводок на полку для обуви и в этот момент увидела в зеркале свое отражение.

Перекошенное гневом лицо, футболка, запачканная желтоватой массой, на ткани, а не на тарелке смотревшейся до невозможности тошнотворно. Волосы торчат во все стороны змеями горгоны Медузы. Господи... Она ведь и сама ничем не отличается от какой-нибудь выжившей из ума старухи. Марина была омерзительна самой себе. Она сползла на линолеум и долго сидела молча, с сухими глазами и головой, внутри которой было пусто, как в маковой коробочке, из которой ветер уже вытряс все зернышки. Потом, тяжело переставляя ноги, она сходила на кухню, утешила трясущуюся Мусю и понесла ее в душ. Там, под теплыми струями воды, вспенивая в кучерявой шерсти пахучий шампунь, Марина смогла немного расслабиться и поплакать.

Постепенно мама Оля становилась вялой и безучастной ко всему происходящему. Читать она уже давно не могла, так что по многу часов кряду сидела, вздрагивая или качая головой, перед телевизором, в котором одна стосерийная мыльная опера сменяла другую. Много ли она в них понимала, узнавала ли героев и помнила ли перипетии их жизни – об этом дочь предпочитала не задумываться.

Как-то раз в субботу зазвонил телефон. Марина приготовилась отнекиваться от назойливых рекламщиков или очередного соцопроса: на городской телефон давно уже не звонили знакомые. По правде говоря, у мамы Оли знакомых не осталось вовсе, люди предпочли побыстрее забыть ее и ее неудобную, пугающую болезнь.

Она подняла трубку. К телефону попросили Ольгу Васильевну.

– Ее нет, – ответила Марина.

– А вы не могли бы ее попросить мне перезвонить? Дело в том, что я учился у нее, когда был маленьким, с первого по четвертый класс, – зачастил голос в трубке. – Петя Кривцов, может быть, она вспомнит... А

теперь у меня уже дочка подрастает, и я хотел узнать, в какой школе сейчас работает Ольга Васильевна. Может быть, если это не слишком далеко... Я таких, как она, больше не встречал. Было бы здорово, если бы она и Иришку учила. Алло? Вы слушаете?

– Да.

– Так вы запишете мой телефон?

Марина обернулась. Сегодня был не лучший день. В кровати у стены лежала всклокоченная, чужая женщина с рыжими волосами, на сантиметр у корней ставшими седыми, отсутствующим взглядом, скачущим влево-вправо, как у копеечных китайских ходиков, и однообразно дергающейся на одеяле рукой. Нижняя челюсть ее безвольно отвисла. Включенный сериал явно не занимал сейчас балансирующее на грани тьмы сознание. Марина, не выпуская телефона, приблизилась к матери и носовом платком вытерла ей рот, потом вышла в коридор и отчеканила:

– К сожалению, Ольги Васильевны нет.

– Как? То есть... Вы имеете в виду – что?.. Совсем?

Скулы у нее свело, и только с большим трудом Марине удалось пробормотать:

– Совсем.

С доктором Вершининым она виделась поначалу только тогда, когда Марина привозила маму на обследование. Ничего нового он сообщить не мог, наблюдалось вполне стабильное ухудшение общего состояния.

Однажды Марина заглянула к нему за новым рецептом. Уже опускался вечер, и, прежде чем приехать, она позвонила с работы, не особенно надеясь, что застанет доктора в больнице.

– Приезжайте, я тут допоздна, – ответил он.

Отделение словно вымерло, даже постовая медсестра где-то пропадала. По коридору стелились мягкие сумерки, какие бывают только в середине лета. После стука никто не ответил, и Марина заглянула в кабинет без разрешения.

Света не было. Вершинин стоял, вписанный в светлый квадрат раскрытого окна, и курил. С улицы тянуло сладостью – цвели липы. Заметив Марину, нерешительно замершую на пороге, доктор жадно затянулся еще раз и затушил сигарету в столовой тарелке, где лежала уже горстка окурков. Марина не могла припомнить, чтобы когда-то прежде видела этого человека курящим, и табаком от него обычно не пахло.

Доктор щелкнул выключателем настольной лампы, и тогда стали видны его невеселые глаза. Вершинин, должно быть, и сам чувствовал, что

на лице у него застыла тягостная маска, потому что, прежде чем взять бланк рецепта, с силой растер лоб и брови основанием ладони. Из мусорной корзины выглядывала фотография женщины прямо в рамке – прежде она стояла на столешнице.

– Тяжелый день? – Марина позволила себе вольность.

– Бывали и лучше. С женой развелся.

– Сожалею. Это больно.

Вместо ответа Вершинин протянул ей рецепт. Знакомый, размашистый, но не по-врачебному разборчивый почерк. Марина спрятала бланк в сумочку. Она почувствовала, как его взгляд несколько раз совершенно по-мужски огладил ее плечи, грудь с крохотным кулончиком в вырезе блузки, скользнул на талию, по бедрам, туго натянувшим ткань узкой юбки, снова вернулся на лицо. Марина выдержала и не отвела глаз. Не рассердилась и не смутилась. Это показалось ей даже забавным: вот, сразу видно, человек развелся – почти гротеск. Но несмотря на это, в животе предательски заныло. Он давно ей нравился, теперь можно не скрывать.

– Марина. Вам ведь уже есть шестнадцать?

В ответ на его шутку она не смогла сдержать улыбки:

– Что мне нравится в вас, Олег Павлович... Вы всегда предельно ясно изъясняетесь.

– Пойдемте уже, выпьем чего-нибудь. Пора изменить этот чертов день к лучшему.

Они прогуляли до рассвета. Болтали, прихлебывали каберне-совиньон прямо из бутылки, изредка целовались. Марина успела забыть, что на свете бывают такие ночи. С ней они случались еще в школьный период, и прошедшие годы сумели почти полностью изгладить из памяти эту медовую мягкость воздуха, тепло ветерка, сонное покачивание ветвей и дальний беспечный смех, брэнчание на гитаре и сахарно-приторный запах малиновых петуний в бетонных уличных тумбах. К утру похолодало, и Вершинин накинул ей на плечи свой пиджак. Обычный мужской жест, неизменно вызывающий у женщин нежную бурю глубоко внутри.

С ним Марине было очень легко. Оба знали, к чему все идет и как сложится дальше. Не будет большой головокружительной любви, о которой пишут книги и песни, душераздирающих сцен и жарких примирений, не будет слез от разлуки и вскипающей радости от предстоящей встречи – всего этого изнуряющего ажиотажа сердца. Так и вышло. У Марины и Вершинина случился долгий роман, который и романом-то назвать было сложно. Просто оба знали, что вечером четверга их одиночество

нарушится, каждый будет не один, но – вместе. С острой приправой флирта, с кокетством или наоборот – просто и нежеманно – как им того захочется. Не влюбленные, они нравились друг другу достаточно сильно, чтобы продолжать встречаться и проводить время с приятностью.

Их связывала не только постель, они довольно быстро насытились телесно. Но Марина и Вершинин никогда не скучали вместе. Когда выдавались длинные выходные, они непременно выбирались за город. Только вдвоем, потому что знакомиться с друзьями или родными в их планы никогда не входило, и это давно обговорилось и принялось за правило. Зато Вершинин отлично мариновал мясо для шашлыка, а Марина жарила, присматривала за огнем, обмахивала его жестянкой или притушивала водой из бутылки, с замиранием сердца припоминая, как училась еще у папы быть «костровым». Вдвоем за несколько лет они объездили область и все соседние и посмотрели все достопримечательности в округе, начиная с монастырей и заканчивая музеями компьютерной мышки и мышки самой настоящей.

Проведя бок о бок столько времени, конечно, они не могли не поделиться своими мыслями – ничего не значащими в своей сиюминутности – или сокровенными. Марина рассказывала Вершинину и о Ваське, и о работе, а иногда, когда становилось совсем невмоготу, даже о маме. Вершинин, наоборот, о работе молчал, до смешного неукоснительно соблюдая врачебную тайну и не имея привычки сплетничать о коллегах. Зато постоянно твердил о дочке. После развода жена увезла ее с собой в Тулу, и Вершинин раз в две недели обязательно ездил туда, проведать. Когда он рассказывал о дочери, его глаза словно подсвечивались изнутри и все лицо приобретало живость и какую-то женскую мягкость. Он демонстрировал новый рисунок Лизоньки, сфотографированный им на телефон, или припоминал забавную историю, выдуманную девочкой новое словечко, или выуживал из кармана стеклянный шарик и веточку, оставшиеся у него с их последней прогулки. От каждой ее царапины он мог переполошиться так, словно был не кандидатом медицинских наук, а суеверной деревенской бабкой.

– Жалеешь... что развелся? – как-то спросила его Марина, когда Вершинин переводил дух после долгого рассказа о выходных в Туле. – Ты ведь отчаянно по ней скучаешь.

– По Лизоньке? Да, ужасно скучаю.

– Да и по Варе, – так звали его бывшую жену. О причинах развода Марина никогда не спрашивала, не ее это дело.

Вершинин нахмурился. Он сорвал травинку, покрутил в пальцах,

связал узелком и бросил и только после этого проговорил:

– Даже если и так, что уж теперь.

– Вернуться, – пожалала плечами Марина. – Если тебе так плохо, надо что-то менять. Нельзя мириться. Человеку нельзя жить в унынии, он от этого сохнет заживо.

– Варя уже второй раз замуж выскочила. Она всегда умела находить выход из положения. А я дурак. Только и остается теперь, что через забор на них заглядываться.

И Марина, никогда в Туле не бывавшая, отчетливо представила себе некий абстрактно-идиллический деревянный дом с хрестоматийным резным палисадом, через который пробивается календула и космея, и Вершинина, глядящего поверх забора на чужое счастье. За чужим забором ведь всегда счастье.

При посторонних, будь то врачи или медсестры в больнице, Марина и Вершинин свои отношения не афишировали. Незачем. Сразу начнутся домыслы, слухи, а потом и нескромные вопросы: какие планы, когда съедетесь, а почему он не делает предложения, а «часики-то тикают»... Вокруг Вершинина в отделении и так ходили хороводы, у Марины же почти не осталось близких, жаждущих поскорее выдать ее замуж. Только изредка подруги, коих осталось с института всего две, интересовались между делом, понизив голос на посиделках:

– У тебя-то как на личном фронте?

– Все хорошо.

Она не понимала, почему личная жизнь в русском языке имеет такую военизированную окраску. Видно, народ русский привык к вечному бою и покой ему по-прежнему снится и в историческом, и в политическом, и даже в любовном и семейном плане. Особенно в любовном. Надо найти и обезвредить, еще лучше – победить, взять в плен, принять капитуляцию. И тот, другой, возлюбленный – прежде всего поверженный противник.

Марине не хотелось никого повергать. Подруги были уверены, что она кривит душой. Они давно догадались, что у нее есть постоянный мужчина, и все ждали, когда же она познакомит их, похвастается удачным приобретением. А раз не хвастается – значит, приобретение неудачно, с возлюбленным противником явно что-то не так: хромой, косой, женатый. Или просто не берущий замуж, ну ни в какую. Короче, никто лучше женщин не знает, что не так с «этими мужиками». Марине не хотелось никого переубеждать. Потому что бессмысленно.

Тем временем Вершинин попросил у нее разрешения писать диссертацию по случаю хореи Хантингтона у ее мамы. Записей и заметок

на этот счет у него к тому моменту скопилось на пару толстых томов.

– Пойми, пациентов с этим заболеванием не так и много. А у меня случай прямо под носом...

– Грех не воспользоваться, – подхватила Марина.

– Ты злишься? – Вершинин настороженно подсел поближе.

Марина, убедившись, что рядом нет знакомых, взъерошила ему волосы, растрепав густую гриву.

– К сожалению, нет. Хотела бы я разозлиться, обвинить тебя в том, что ты воспринимаешь мою маму как медицинский случай. Но... Я все понимаю. Она медицинский случай. Она ведь только для меня – мама. А болезнь и правда редкая. Как знать, может быть, потом, после нее... твоя работа поможет кому-нибудь вылечиться. Медицина ведь стоит на костях.

Вершинин долго вглядывался в ее лицо. Потом вздохнул.

– У тебя поразительное самообладание. Рациональность настолько перевешивает эмоции, что тебя саму в пору изучать. Ты напоминаешь мне одну преподавательницу у нас в мединституте. Она проработала всю жизнь патологоанатомом в...

Марина расхохоталась, не дав договорить. В мире и согласии они доели свои стейки и попросили счет. Расплачивались они всегда отдельно.

С тех пор они с Вершининым виделись в больнице чаще. Марина то и дело привозила маму Олю на дополнительные обследования и томографии, иногда оставляла с ночевкой. Во время зарубежных командировок, случавшихся теперь едва ли не каждые два месяца, сиделка Тамара оставалась с мамой на несколько дней. К тому времени мама Оля окончательно утратила связь с реальностью.

Марину грызло чувство вины. Оно накатывало все чаще и в самый неподходящий момент: когда по бульвару Монпарнас в двух от шагах от нее катила бойкая мадам в инвалидном кресле, беспрестанно тараторя с юной спутницей; когда клиент показал своему собеседнику фотографию семьи – с детьми, родителями и дедушкой, – и Марине пришлось переводить все его родственные связи с английского на русский. Когда Марина просто сидела в соседней комнате и уже никак не могла достучаться до мамы, сказать, как она ее любит и как ей больно жить с ускользающей тенью. Накатывала такая дрожь, что приходилось прятать руки, а внутри все колыхалось, словно от ветра.

Она давно собрала по квартире вещи, некогда связанные маминым волшебным крючком, и уложила их в старый коричневый чемодан, пылившийся на антресолях. Но легче не стало. Бывали часы, когда она задумывалась особенно тяжело и отматывала ленту времени вспять. Когда,

когда все началось? Когда участковый два раза отрывисто позвонил в дверь, так что звонок захлебнулся трелью, а сердце сошло с оси еще прежде, чем прозвучала новость о папиной аварии? Когда у мамы из рук впервые выскользнул и брызнул осколками стакан? Когда она забыла слово и щелкнула пальцами, стараясь вернуть его из небытия? Что могла сделать и не сделала тогда Марина? Недоглядела... Не была так внимательна, как должна была. Васька совершенно вскружил голову, и она не успела, не заметила, не придала значения. Позволила любви ослепить ее, сбить, отвлечь. Она виновата. И пусть Вершинин говорит, что ничего нельзя было сделать с самого начала, что эта болезнь возникает сама и не лечится никоим образом... Все равно. Она бы что-нибудь придумала. Ведь есть же травы, нетрадиционная медицина, в конце-то концов!

От этих мыслей ею овладевало беспокойство настолько сильное, что она не находила себе места. Сердце колотилось отчаянно, панически, в голове жужжало и щелкало, словно замыкало и коротило поврежденную проводку, и тут же начиналась жесточайшая мигрень, до тошноты, когда больно смотреть на свет.

В один из четвергов Марина лежала в постели с Вершининым, и тот машинально водил по ее плечу кончиками пальцев. Иногда он умел быть невыносимо ласковым.

– Можно спросить? – пробормотал он вполголоса.

– Бить не буду, – усмехнулась Марина. Она поймала его ладонь в свою и стала перебирать узловатые суставы.

– Почему ты не хочешь сдать анализ?

– Не хочу, и все. Не начинай, пожалуйста. Сколько можно? – Она попыталась встать, но Вершинин уложил ее обратно властной рукой. Без одежды он был настоящим гигантом, его тело, кое-где поросшее медной проволокой курчавых волосков, в сумерках казалось необъятным.

– Когда ты пришла ко мне на прием, в первый раз... Я поразился. Ты была совсем маленькой девочкой...

– Мне было девятнадцать.

– Но меня тогда поразило, как спокойно ты отнеслась к плохой новости. Я все не мог сообразить, то ли ты не понимаешь, что я тебе говорю, просто в силу возраста и беспечности, то ли и правда так хорошо держишься...

– И каков теперь твой вывод? – промурлыкала Марина, вдыхая теплый запах его веснушчатой кожи. – Я была глупа как пробка и ничего не соображала? Как подросток, думающий, что смерть – это всего лишь конец игры?

– Нет. Второе. Но мне запомнилось еще вот что. Ты тогда сказала – лучше знать, чем не знать. Знание принесло тебе хоть небольшое облегчение. А теперь что? Ты противоречишь сама себе!

Марина все-таки встала. Быстро накинула на плечи халат, туго запахнула и перевязала поясом. И прежде чем уйти в ванную, наклонилась к Вершинину и проговорила четко и негромко:

– Это мои дела, и ты в них лезть не будешь. Мы с тобой просто встречаемся по четвергам. Больше ничего.

Несмотря на то, что на душе скребли кошки, за свой выпад Марина так и не попросила прощения. Грубо, да, кипятилась она про себя, – но ведь это действительно только ее дело!

Иногда она становилась особенно непреклонной...

Разговор был уже не первый. Она помнила, как много лет назад, на том самом приеме, когда доктор сказал ей, что подозрения на диагноз матери подтвердились, после слов «это генетическое» Вершинин сделал выразительную паузу и взглянул на Марину веско. Она схватила намек на лету. И позже, когда они уже стали близки, периодически напоминал впрямую, что и ей неплохо бы сдать анализ. Существовала вероятность в пятьдесят процентов, что от матери ей передалась хорея. Одно из двух – либо да, либо нет. Ту би ор нот ту би. Вопрос вопросов.

Но она просто не хотела этого знать. Разве обязательно все знать? Разве разгадал человек все загадки Вселенной? И еще – разве знание того, что планета круглая, а не лежит диском на трех китах, так вот, разве это знание разительно переменяло жизнь обывателя? Значение знания в современном мире сильно преувеличено... Пусть уж лучше все идет своим чередом, а она будет поутру чистить зубы – тридцать три движения на каждую сторону, – пробегать проворными пальцами по ряду мелких пуговок шелковой блузы, в спешке протыкать острым ногтем чулок, чтобы чертыхнуться и перевернуть шкаф в поисках новой пары, надевать туфли с высоким каблуком, щелкать замком, поправлять прическу уже за порогом и подкрашивать губы, глядясь в тусклое лифтовое зеркало (восемнадцать секунд, чтобы спуститься с четвертого на первый, вполне хватает). Это ее жизнь, она ей нравится. Марина построила ее максимально комфортной, насколько это вообще возможно в предлагаемых обстоятельствах. И она не потерпит, чтобы что-то пошатнуло это крепкое здание или чтобы кто-то уверил ее, что это всего-навсего домик Ниф-Нифа. Достаточно и того, что она профессионально меняет подгузники для взрослых, а внутримышечные и внутривенные уколы ставит лучшие, чем многие медсестры поликлиники. Достаточно того, что радио на французском она слушает под

присвист затрудненного дыхания родной матери. Ей не надо напоминать, она и так помнит.

Бывало, по ночам, не замечая сама, каким образом она теряет интерес к работе и внезапно попадает на интернет-форумы, Марина жадно прочитывала там истории других. Как справиться с болезнью близких, что делать... Ей отчаянно хотелось почувствовать, что она не одна. Но облегчения это не приносило. Никакого «чувства локтя», каждый создавал летопись собственных страданий и не мог утолить горечь остальных, хоть она была так схожа. Все их советы были неприменимы к Марине. Большинство тех, о ком шла речь, сгорали от рака, до последнего пребывая в сознании и испытывая ужас перед неотвратимостью накатывающей смерти. Люди советовали проводить с умирающим больше времени, говорить с ним, чтобы узнать его поглубже, запомнить понадежнее и чтобы после уж не корить себя за невнимание. Но Маринины беседы с мамой в лучшем случае напоминали монологи, прерываемые свистом, хрипами и внезапным испражнением. Как бы она хотела увидеть искристый мамин взгляд, каким та награждала, бывало, ее в детстве, встречая с прогулки. Обняться в тишине или вспоминать папу и их поездки за город, купание в мутной речке, пластиковое ведро с маслятами, бродячего кота, которого все трое подкармливали втихую, потому что это было строго-настрого запрещено: у папы начиналась жуткая аллергия на шерсть.

Все это невозможно. От мамы Оли осталась меньше чем тень, лишь бессмысленные выцветшие глаза, худое неповоротливое тело, которое так тяжело переворачивать в одиночку, и иссушенное лицо костяного идола. Марине больше всего на свете хотелось бы отвезти маму в Тулузу, как той всегда мечталось, или накормить свежими бретонскими устрицами с лимонным соком и ледяным игристым. Но в тот момент, когда Марина еще могла это сделать, она думала, что у ее матери ужасно испортился характер. В те дни мама Оля спала с кем ни попадя, Марина презирала и осуждала ее за аморальность, не догадываясь о болезни, и они не встречались неделями. Марина ничего не сделала для мамы. Теперь уже слишком поздно и бессмысленно. Теперь она кричит по утрам, испуганно, бессвязно. Пытается отбиться от рук дочери, словно от нападающего маньяка.

– Хочу вам сказать, что вызвала полицию! – Соседка поймала Марину на площадке, когда та запиховала коробку в мусоропровод. – Таких тварей надо сажать. Которые издеваются над пожилыми родителями.

– Простите? – опешила Марина. Но соседка плюнула в ее сторону и захлопнула дверь. А Марине пришлось демонстрировать действительно заглянувшему участковому выписку из истории болезни матери.

Любовь лечит – спроси любую романтически настроенную барышню. Любовь творит чудеса, еще добавит она. А Марина не смогла вылечить свою любимую апельсиновую маму. Потому что усомнилась. Потому что поверила, что нежная хохотушка с течением времени могла превратиться в склочную бабу просто так, без веской причины, по собственной воле. Как это вообще могло прийти ей в голову? Как она смогла принять, что мама, всегда такая понятливая, мирная и покладистая, может ссориться с подругами и срывать на единственной обожаемой дочке? Папа бы не смирился и не поверил в такое – вот что Марина знала наверняка. В минуты подобных размышлений ей хотелось разбить о штукатурку костяшки пальцев, разбить в кровь. Она едва сдерживалась.

Снова наступил май. В полдень, когда форточки были распахнуты, с улицы несся треск и рев газонокосилок и в комнаты неторопливо вползал удушливый запах бензина.

Марина отчетливо поняла, что конец уже близок, и это наполняло ее странной пустотой, зябким воздухом изнутри, будто кто-то поместил ей меж ребер воздушный шарик. В субботу, в ожидании сиделки Тамары, Марина перестелила под мамой Олей постель и до скрипа вычистила всю квартиру. С детства уборка приносила ей радость и гордость собой, ведь тогда это косвенно означало, что Марина достойна приступить к столь серьезному действию для избранных. Казалось бы, такая мелочь, а накрепко засела в голове... Теперь уборка приносила и успокоение, гул пылесоса и шум бьющейся о край ванны водяной струи заглушал невеселые мысли, которые одолевали Марину по выходным. Запах моющего средства с лимоном ненадолго перебил застарелую вонь квартиры с лежащим больным. Марина несколько раз провела по полированной столешнице мокрой губкой, зачарованно наблюдая, как стремительно улетучивается с поверхности влажный след. Выполоскала тряпки и закрыла тумбочку с хозяйственными принадлежностями.

В комнате стремительно потемнело. Во дворе сделалось серо, захлопал ветер, и на молодую, только что развернувшуюся листву невысоких кленов обрушился дождь – одним сплошным потоком. Не зажигая лампы, Марина с ногами устроилась в кресле напротив кровати, вполоборота к окну, укрывшись пледом. Мглистые тени сгустились по углам. Не хотелось ни читать, ни включать телевизор. Она могла видеть и шумящий за стеклом дождь, и дремлющую мать на кровати, ее руки поверх простыни, более напоминающие куриные лапки, чем некогда ласковые и умелые руки феи-крестной. Обручальное кольцо давно стало велико

безымянному пальцу и хранилось теперь в выдвижном ящичке чехословацкого секретера, рядом с папиным, снятым в морге. В полумраке ее лицо вырисовывалось резче, трагичнее, как у актрис немого кино: заостренный нос, крутые изгибы впалых щек, темные пятна глазниц. Глаза под опущенными веками беспрестанно двигались и блуждали, и это будило пугающую мысль о невидимых насекомых, поселившихся там.

На мгновение комнату озарила вспышка, и тут же с треском раскатился гром. Первая майская гроза разбушевалась прямо над их домом. Мама Оля открыла глаза и уставилась в потолок.

– Помнишь, мама, как в детстве я боялась грозы? – негромко заговорила Марина. – Сразу переходила на крик, и успокоить меня совершенно не представлялось возможным. А потом вы с папой придумали мне целое представление. Мне тогда лет шесть было, что ли... Когда по прогнозу погоды к вечеру пообещали грозу, вы, не дожидаясь вечера, решили затеять собственную грозу. Вытащили все кастрюли из шкафа... помнишь? И составили их одна на одну. Ты включала и выключала люстру, а папа после очередной вспышки лупил по кастрюлям скалкой, и они с грохотом падали. А папа радостно рассказывал мне, что именно так и происходит гроза: кто-то сидит на облаках и бьет в кастрюли. А поскольку в некоторые из небесных кастрюль налита вода, то и дождь льет неспроста. Я хохотала как бешеная и требовала папу показать еще раз, и еще. Пока не прибежали соседи. Тетя Галя Чернова орала невообразимо. Что-то о том, что мы совсем обнаглели. Я этого слова не знала, и мне оно казалось чудовищным ругательством, это ее «обнаглели»... Но грозы я с тех пор бояться перестала. А тетю Галю бояться было неинтересно. К тому же они потом куда-то переехали...

Не получив никакого отклика, Марина продолжила путешествовать по страницам минувшего уже молча. Она даже не сразу заметила, что гроза ушла в сторону и тучи постепенно редели, пропуская свет, голубой и желтый.

Но вот она встрепенулась и обвела комнату затуманенным взглядом, откинула плед. Так приятно пройтись босыми ногами по чистому линолеуму, ощущая лишь его свежесть. Марина прошлепала до кровати, прикрыла мать одеялом, чтобы не простудить, и распахнула окно впервые за весну. Чуть не по пояс высунулась на улицу, опираясь ладонями на карниз и чувствуя пальцами холодные капли. Пахло черемухой и мокрыми водостоками. А в небе, прямо над соседним домом, выгнулось яркое радужное коромысло.

– Мама, смотри, радуга! – метнулась Марина к кровати. – Мамулечка,

ты видишь? Радуга, тебе так нравилась радуга, всегда!

Она попыталась поднять маму, тыкая пальцем в сторону окна. Подцепив ногой инвалидное кресло, стоящее в углу, Марина подкатила его поближе, усадила маму туда и покатила к раскрытому окну.

– Видишь радугу? Видишь? Смотри...

Ей пришлось поддержать мамину голову, безвольно болтающуюся на тонкой исхудавшей шее, и развернуть ее лицо в сторону радуги. Острый подбородок мамы Оли с минуту опирался на Маринину ладонь. Марина не знала, увидела ли мама хоть что-то... И понимает ли, что ей показывает дочь.

В комнату вошла Тамара. Покачав головой неодобрительно, она закрыла окно и уложила маму Олю в постель, накрыв одеялом потолок.

– Не плачь при ней, – буркнула сиделка Марине. – Так уходить еще тяжелее.

– Она же ничегошеньки не понимает... Посмотри на нее.

– Ты этого не знаешь, – отрезала Тамара.

Когда Тамара пришла к Марине на кухню минут через сорок, та уже взяла себя в руки и заварила чай с чабрецом. Пар поднимался от двух чашек, стоящих на низком столике, и Тамара примостилась рядом на диванчик, шумно делая глоток.

– Тебе никогда не хотелось прервать их мучения? – глядя, как оседают чайники, спросила Марина. – Ты ведь медсестра. Когда все настолько безнадежно...

– Я здесь не за этим.

– Но ведь тебя уже просили о смерти?

– Просили, – кивнула Тамара. – И не раз. И что с того? Каждому отмерен свой срок. Кто я такая, чтобы решать? Да и дело это подсудное, сама знаешь.

– А если бы это было разрешено законом?

Тамара неопределенно дернула плечами и принялась размачивать в чае сухарик с изюмом.

Марина продолжала:

– Ты веришь в Бога?

– Ты решила сегодня душу из меня вынуть, да? – покосилась на нее Тамара. Ее короткая верхняя губа приподнялась в подобии улыбки, обнажив большие зубы и тут же вернув женщине бобриный облик. И ответила, когда Марина уже не ждала:

– Нет, не верю. Я работаю шестнадцать лет. Сиделка, сестра патронажная. У меня на руках помирают люди. Я у их постелей кого только

не навидалась! Детей, внуков, любовниц, ревущих белухой жен и ссучившихся баб, на которых и взглянуть-то стыдоба берет. Попы приходили, и бандюганы тоже, и адвокаты. А Бог – нет, такого не припомню. Но я верю в то, что есть средства, от которых полегчает. Кому-то трамадол^[6], а кому-то причастие. Главное, чтоб действовало. Знаешь, как в войну медсестрички солдатам в госпиталях приятно делали? От девок-то не убудет, а парням больно и страшно, хоть чуток облегчить. Вот в это я верю.

Марина сполоснула чашки и принялась собираться: вечером планировался благотворительный ужин, на котором ей нужно было присутствовать, разумеется, не как праздной гостье. Подставляя голову под душ и делая укладку, прикидывая, что бы надеть, и накладывая макияж, она никак не могла окончательно избавиться от гнетущего чувства, поселившегося в груди. Рука норовила соскользнуть и искривить стрелку, подведенную черной подводкой, – Марина трижды промакивала глаз спонжиком и начинала сызнава, но вскоре терпение ее иссякло, и темно-сливовые тени решили дело. Она очертила губы карандашом, прокрасила винной помадой и замерла, придирчиво оценивая облик в зеркале. Чересчур вамп. Впрочем, неважно, иногда можно и переборщить... Как там говорят – «чем хуже настроение, тем выше каблук»? Из ванной она вышла при полном параде, ощущая, как в теле зарождается привычная уверенность. Только за порогом родного дома она становилась уверенной в себе женщиной. Осталось забрать из комнаты сумочку – и можно окукливаться, чтобы хоть на вечер из замурзанной гусеницы превратиться в диковинную бабочку.

Тихо проскользнув в комнату, она нащупала в глубине стеллажа сумочку-клатч и собиралась выйти, но тут мама захрипела. Это был уже не тот хрип, к которому все привыкли, нет. Натужный, надсадный, из самых последних сил. Воздух с клетотом вырывался из горла и тут же натыкался на неведомую преграду.

Марина бросилась к постели:

– Мама!

Щелкнула выключателем настенного светильника в изголовье и, увидев землисто-пепельное лицо и желтоватые белки в щелях век, во весь голос заорала:

– Тамара!

Когда сиделка вбежала, с размаху впечатав дверь в стену, Марина в вечернем сиреневом платье нависала над мамой Олей и делала искусственное дыхание изо рта в рот. Тамара попыталась прощупать пульс

– тщетно.

– Брысь, – почти отшвырнула она Марину сильной рукой и заняла ее место. Ребром ладони она сильно ударила маму Олю в грудь, не отнимая левой руки от шеи, замерла:

– Нет пульса.

Одним резким движением Тамара стащила обмякшее тело на пол.

– Продолжай дышать за нее, – велела Марине и стала толчками давить на грудь мамы Оли. – Сильный выдох, давай!

Марина снова припала губами к посиневшему рту. В голове, отскакивая от звонких стенок, металась только одна мысль: «Не сейчас. Мамочка, только не сейчас. Я еще не готова». Ее пальцы скользили от холодного пота, пока зажимали острый курносый мамин нос, – ладони были совсем мокрыми. Чудилось, что кто-то рядом не то стонет, не то подвывает, и Марине было невдомек, что это она сама то и дело неосознанно взывает на выдохе, закачивая воздух в бездыханные легкие.

Это продолжалось бесконечно долго. Кружилась голова, и все это происходило с кем-то другим.

Тамара тронула ее за плечо:

– Марина... перестань.

– Нет! – едва оторвавшись от маминых губ, бросила она и снова с остервенелостью задышала туда, в тугую пустоту.

– Марина. Она ушла. Все, все, остановись. – Тамара крепко, словно тисками, сжала Маринины плечи и отодвинула прочь. – Она ушла.

– Нет. Ну нет же! – жалобно повторяла Марина. – Нет. Мам... Мам, ты же здесь?

В лице мамы Оли больше не дрогнула ни одна жилка. Замер нервный тик, одолевавший уже несколько лет кряду. Лицо было сухо и бесстрастно, и только обводка винной дочкиной помады вокруг рта делала его гротескным. Сжимая ее костистую руку, Марина так и осталась сидеть на полу, в шелковой волне сиреневого платья, словно принарядившаяся к встрече со смертью.

Сколько раз в Сети Марина читала рассказы об уходе кого-то из близких. Безымянные люди делились друг с другом, как просили прощения и были прощены, или описывали с мистическим трепетом, как внезапно человек вышел из комы и успел попрощаться с любимыми. Умиравший отец дал наказ на будущее, а потерявший память и разум старик в свои последние минуты обрел ясность, узнал внуков и жену, с которой прожил полвека... Марина желала чего-то подобного. Ей так хотелось бы тешить себя воспоминанием, что мама Оля увидела радугу, пришла в себя и

сказала дочке хоть слово. То, что можно было расценить как слова любви, или прощения, или благословения на будущее. Мгновенное просветление, проблеск перед наступлением вечной темноты. Но нет. Слишком хорошо врезались в память ее отсутствующий взгляд и птичья шейка, не державшая больше головы. И не осталось Марине никакого утешения.

Вершинин позвонил, как только узнал от Тамары о случившемся. Но Марина не приняла соблезнований:

– Я знаю, зачем ты звонишь. А вообще-то... нет, не знаю! У тебя же есть бумага, мое согласие на вскрытие. Что тебе еще нужно? Вскрывай, исследуй. Раз уж вылечить не смог.

– Зачем ты так? – после короткого молчания отозвался Вершинин.

Марина положила трубку. Кто-то умный и рациональный на самом краешке сознания шептал ей, что она неправа. Но все остальное пространство ее души и головы было затоплено, погребено под болотной жижей, вязкой, холодной, всепроникающей.

На работу она вышла на следующий день после похорон. И никто не мог бы сказать по ее виду, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Это была все та же Марина, безупречная, в меру строгая, не в меру сообразительная. Разве что лицо побледнело, но это можно списать на не совсем подходящую по тону пудру.

Через неделю она покрасилась в рыжий. С первого раза натуральный краситель не взял ее темные волосы, так что пришлось отправиться в салон и сначала вытравить с них цвет, до желтизны. Мастер чуть не плакала:

– Но вам не пойдет рыжий... Такие красивые каштановые волосы. Вы очень сильно испортите их обесцвечиванием. Марина, очень вас прошу...

– Приступайте, Дашенька.

Измельченная хна пахла сеном, высушенным на солнце, и немного травой. Этот запах невольно отбрасывал Марину в субботние утра ее детства, когда папа пек блинчики, а мама намазывала себе на голову эту зеленую травяную пасту, рыжеющую на воздухе.

На обесцвеченные волосы хна легла оранжевым. Именно оранжевым, как краска из набора школьной акварели. Сперва Марина не узнала себя, но после осталась довольна и через три дня окончательно свыклась.

Вершинину она позвонила только по возвращении из двухмесячной командировки в Лимож^[7]. Со стороны могло показаться, что Марина отбросила прошлое, как ящерица отбрасывает свой хвост. Однако мало кто знает, что, пока ящерица отрачивает хвост на замену, ее сторонятся и прогоняют все сородичи, и рану свою она зализывает в полном

одиночестве, лишенная и общения, и шанса на продолжение рода, и половины свои прежних навыков вроде плавания и лазания.

В город пришел холодный фронт. Промозглый ветер шумел в кронах и приносил тучи, полные мелкого хлесткого дождя. Только к вечеру становилось тише и лужи на мостовых подсыхали. Марине пришлось надеть осенний плащ.

– Ты теперь не захочешь со мной встречаться, ведь так? – уточнил Вершинин при встрече. – Наши четверги остались позади?

Жар прилил к щекам, когда Марина вспомнила свой гнев на любовника – тогда, перед вскрытием. Ей и сейчас было не по себе при мысли, что эти руки, пусть и в перчатках, вскрывали череп той, что при жизни была ее мамой Олей. Поднимали кость, будто яичную скорлупу, и делали срезы того мозга, что некогда создавал шутки, сказки, магию на пустом месте. Волшебство обернулось грубой физиологией.

Отгнав тягостное видение, Марина повнимательнее взгляделась в Вершинина. Что-то изменилось. В губах, в выражении глаз. Тем временем он с удивлением оглядывал ее новый облик:

– Неожиданно.

– Да, захотелось поярче. И кстати... Что-то изменилось. В тебе, – озвучила она мысль, впиваясь в знакомые черты глазами. Вершинин стушевался.

– Хм. Возможно, – нехотя выдавил он.

Марина присела на скамейку и рукой похлопала по досочкам рядом:

– Давай колись.

Вершинин недолго помялся, вытащил из кармана фляжку с коньяком, сделал глоток и предложил Марине. Она отхлебнула.

– В общем... Ты мой друг, – начал Вершинин. – Поэтому мне важно знать, что ты думаешь. Не буду говорить, каково мне было, когда ты меня тогда отбрила... Ну, перед вскрытием. Ладно, не в том дело. Короче, мне нужен твой совет. Я как-то немного запутался...

И Вершинин поведал озадаченно помалкивающей Марине, что снова сошелся с бывшей женой Варей. Как-то раз съездили на пикник с дочкой, и завертелось...

– Подожди... Ты ведь говорил, она замужем? – спохватилась Марина, когда он в красках расписал, какие они были дураки, как сходят с ума друг по другу и как прячутся по углам в Туле, до краев переполненной общими знакомыми.

– Ну. Так я ж и сейчас говорю. Чего делать-то теперь? – повесил нос Вершинин.

Марина вскочила со скамейки. Она не понимала своих чувств, но усидеть почему-то не смогла. Оперлась спиной на ствол молодой рябинки. Кора отливала темной медью. На лавке метрах в двадцати обнималась парочка. Парень усадил девушку себе на колени, ее светлые джинсы в поперечных надрезах были не по погоде тонкими.

Вот почему он спросил меня, будем ли мы дальше встречаться по четвергам, запоздало сообразила Марина. Ему куда проще, чтобы она исчезла из его жизни сама. Вроде как по собственному желанию.

– Вершинин, чтоб тебя! – Марина вернулась на место и даже приобняла его за плечи, заметив мимоходом, что кончики его ушей покраснели. – Во-первых, не пей дешевый коньяк. А во-вторых – не морочь голову. Любишь ее – люби, не любишь – не люби. Я знаю только, что дочку ты любишь однозначно. Но у твоей Вари есть еще и муж, и там уж будет решать она сама. Вы ж взрослые дяди и тети, разберетесь. А меня во все это втягивать – вот уж не надо точно.

Марина встала и поправила шарф, собираясь уходить. Глядящий на нее снизу вверх Вершинин снова напомнил ей сенбернара, как в день их знакомства. Те же грустные, чуть потерянные глаза. А ведь в больнице он так смел, решителен. Что ж, она никогда не увидит его в больнице, больше уже никогда. Марина снова показалась себе старше – и его, и всех на свете. Ей миллион лет.

– Мы ведь останемся добрыми друзьями? – Вершинин поймал ее руку в перчатке.

Марина усмехнулась:

– Если это не предполагает спать с тобой по четвергам... то да. Наверное. В общем, звони, если что.

– Хорошо... Мариш, пообещай мне? Что сдашь анализ.

– А вот это вообще ни разу не твоя забота.

Она ушла по бульвару. Было так приятно слышать, как стучат набойки о плитку тротуара, и Марина вслушивалась в этот отрывистый звук, ощущая ногой вибрацию и пружиня коленом при каждом шаге. Это все, что занимало ее мысли в ту минуту. И еще она, кажется, пару раз вытерла щеки.

Больше всего тяготила пустота. Пустота и тишина. Оказалось, что именно это составляет жизнь, когда болтовня на иностранных языках замолкает позади. Поначалу Марина пыталась включать музыку – старый джаз или что-нибудь из классики, но громкие звуки существовали в квартире как-то чужеродно, она никак не могла избавиться от ощущения

кощунства. Телевизор раздражал, больно задевая за те воспоминания, что касались маминой болезни, когда он бубнил с утра до ночи. Но еще невыносимее было сидеть в тишине. Выбор пал на радио. Даже с выкрученным до минимума звуком оно все равно создавало в жилище эффект присутствия. Терьериху Мусю сразу после похорон забрала к себе Тамара: Марина уезжала в командировку, и оставить собаку было не с кем. А по ее возвращении сиделка сообщила, что слишком привыкла к утренним и вечерним прогулкам, да и чувствует она себя не в пример лучше и здоровее. Неулыбчивая Тамара не позволила себе признаться, что просто прикипела душой к этой шептунной кучерявой псинке, по делу и без дела заливающейся визгом и облаивающей каждый куст. Так или иначе, собака осталась у нее насовсем.

Несколько выходных подряд Марина намеревалась разобрать вещи. Она отказывалась от рабочих встреч, планируя, как с утра пораньше раскроет все шкафы, вытащит на белый свет старые, никому уже не нужные кофты и свитера, рассортирует все по пакетам и отвезет в какой-нибудь приют или пункт сбора вещей для нуждающихся. Но при этом ни разу не потрудилась найти адрес приюта – ей было некогда. А выходные проходили день за днем, и створки шкафов и антресолей оставались сомкнутыми. Вместо этого Марина любила кино и все деньги, теперь уже не нужные ни на медикаменты, ни на сиделку, тратила в кинотеатрах, обсыпая колени попкорном и просматривая по три-четыре фильма подряд, пока голова не начинала идти кругом, а перипетии экранных историй не слипались в один разноцветный моток ниток.

А дома все оставалось по-прежнему. Иногда Марина впадала в прострацию, ее поработало безволие, и вся она превращалась в глаза и память (что там, в мозгах, отвечает за воспоминания?). Слоняясь по квартире, она замечала то початую пачку памперсов для взрослых, то вызывающе пустое инвалидное кресло, которое по-прежнему стояло у окна, полуприкрытое тюлевой занавеской. Удивительно, но даже на тумбочке еще стояли упаковки с лекарствами, холодно поблескивал градусник без чехла, белело несколько упаковок одноразовых шприцев. Теперь, после смерти мамы Оли, Марине почему-то никак не удавалось вспомнить ее настоящей, живой и деятельной – маму Олю тех времен, когда их семья еще была счастлива. Их семья... Теперь не осталось ничего, кроме Марины, – и она не представляла, что ей делать дальше.

Работать, конечно, что же еще?

Поездку в Кот-д'Ивуар планировали уже давно. Известный кондитерский холдинг вел переговоры о закупках с поставщиками кот-

дивуарских какао-бобов. Раньше они приобретали сырье в Гане, ведь ганские какао-бобы были куда крупнее и выше качеством. Но что-то в их отношениях переменилось, и теперь кондитеры искали другой сырьевой рынок. Берег Слоновой Кости подошел. Поскольку Марина переводила русскую часть переговоров, ее давно звали присоединиться к делегации. Почему бы и нет, подумала она. В конце концов, в лиможской командировке она чувствовала себя почти живой...

Паренек в красно-белом раздавал у остановки флаеры. Марина взяла один – она всегда брала рекламки, чтобы хоть немного помочь тем, кто их раздает. Она еще помнила те времена, когда выкраивала каждую копейку и была рада десятке, найденной в придорожной пыли. Машинально кинув взгляд на флаер, Марина замедлила шаг. Не реклама нового магазина и маникюрного салона, вместо этого логотип с красными каплями и призыв стать донором крови.

Остановившись, Марина оглянулась на паренька, продолжающего раздавать листочки. Красная бейсболка с заливчатски торчащими из-под нее ушами, еще не измученный вид... Как, наверное, приятно знать, что приносишь пользу. Что твой день окупится, быть может, чьей-то спасенной жизнью...

Вышагивая по улице, Марина все размышляла... Что такое молитва? Набор установленных религиозным институтом формул, идущих в строгом порядке одна за другой? Или просто разговор? Точнее, обращение. Еще точнее – мольба. Если есть хоть кто-то там, на небе. Пожалуйста. Пожалуйста! Как в детстве: я буду хорошей девочкой. Я буду делать добрые дела, не буду врать, никому не наврежу... Только пусть все наладится, станет хорошо! Я ведь ни в чем больше не виновата. Если там, наверху, есть хоть кто-то – услышь меня. Умоляю. Разве я многого прошу? Я стану донором крови, я... я отнесу вещи в детский дом и в приют. Я сделаю что хочешь. Ты выиграл. Ты выиграл, зачем тебе мои мучения? Я так устала...

Секретарь кондитерского холдинга позвонил в полдень:

– Марина, добрый день. Все документы уже готовы, мы вышлем курьера. Сегодня вечером после пяти вас устроит?

– Вполне. – Марина неожиданно для себя ощутила прилив сил и даже душевный подъем. Она обвела внезапно прозревшими глазами квартиру: в раковине грязная посуда, на полированной столешнице слой пыли, отцветшая герань засыпала сухими соцветиями подоконник, у стекла кверху лапками лежит давно почившая муха. Все, довольно, начинается новая жизнь! Она будет лучше, чище и светлее. Ей ведь всего двадцать

девять! Надо только...

– Надо только сделать прививку, вам еще не сказали? – спохватился секретарь.

– Ммм... нет, – удивилась Марина. – Какую прививку?

– Всем членам группы необходима прививка против желтой лихорадки и свидетельство о вакцинации. Это обязательно, иначе в страну не пустят и посадят в карантин.

– Ого как серьезно... И где же мне ее ставить?

– Сейчас продиктую адрес нашей клиники... Записываете?

Благое намерение стать донором зависло в воздухе. Но переворот внутри нее уже произошел. Весь день, ожидая приезда курьера, Марина провела за уборкой и перетряхиванием антресолей. У нее уже ломило спину с непривычки, но вместо того, чтобы утомиться, Марина переместилась еще и на балкон, привела в порядок тамошний стеллаж, вытащила коробки с хламом, пустующие цветочные горшки выставила на площадке у лифта. Туда же отправились дамские романы, которые так любила читать мама – пока еще могла читать.

В последнюю очередь Марина перебрала мамины вещи, аккуратно сложила их по сезонам и запихнула в широченные магазинные сумки с тканевыми ручками. Тут же отыскала в Интернете адреса пунктов приема старых вещей. Когда она с тремя баулами спускалась по лестнице, соседи уже успели разобрать цветочные горшки и книги. И это еще больше вдохновило Марину. Она ощущала ветер перемен, он почти осязаемо шевелил ее волосы и оведал лицо. Во дворе пахло прелой листвой, мокрым асфальтом и яблоками. Холодная и прозрачная осень...

– Кто последний? – Дело было на следующий день после генеральной уборки в квартире. Марина дожидалась у процедурного кабинета, чтобы сделать прививку, когда подошла эта субтильная девушка с бойким личиком и подвижными бровями. – Я за вами.

Не успев присесть на диванчик, она уже повернулась к Марине и шепотом спросила:

– Вы на анализ? Мне только результаты забрать.

– Хотите, я вас пропущу?

Девушка активно замахала рукой:

– Что вы, да не надо! Посижу минутку, не переломлюсь! Тем более, знаете, хоть и говорят – перед смертью не надышишься, но так хочется. Боюсь страшно...

– Вы же сказали, вам только результаты получить, – не сообразила

Марина.

– Ха. Ну так результаты и есть самое страшное. Пробирки, кровь – это все детский лепет! А вот если, например, ВИЧ? Вы проверялись на ВИЧ? Я вот никогда. Решили с мужем заводить ребенка, – она расторпырила правую руку, чтобы продемонстрировать колечко, – а для этого же надо все в порядок привести. И тут я ка-ак струхнула! Потому что я, знаете, была... как бы помягче... не очень примерной девочкой. Ну, тогда, в молодости! Сейчас-то остепенилась.

На вид ей было никак не больше двадцати пяти. Марина искренне заулыбалась. Было в этой незнакомой девушке что-то заразительно-живое, открытое и безыскусное. Нервничая, она пожевывала губы и теребила бахрому на дизайнерски рваных джинсах. Саму Марину это шевеление немного нервировало, и она поймала девушку за руку:

– Все будет хорошо.

– Вы так думаете? – Девушка расплылась в улыбке. – Ну ладно.

Она и правда немного расслабилась, поверив. Можно подумать, на месте Марины сидела пифия Дельфийского оракула.

Наконец выглянула процедурная медсестра:

– Вы на прививку?

– Да, – подтвердила Марина. – А девушке вот только результаты забрать.

Уточнив фамилию, медсестра нырнула обратно в кабинет и вынесла оттуда сложенный пополам лист. Протянула девушке. Та подняла испуганные глаза на Марину.

– Давайте одним махом, как пластырь срываете, – велела та, ободряюще кивнув.

Девушка покорно склонила голову, задержала дыхание и развернула лист. На ее лице тут же отразилось вселенское облегчение:

– Отрицательно!

– Юность прошла бурно, но без последствий, – подытожила Марина, и обе они рассмеялись.

– Вы идете – или так и будем стоять? – устало вздохнула медсестра.

В кабинете Марина устроилась в кресле, все еще мысленно улыбаясь своей коридорной незнакомке и счастливому исходу ее страданий. Медсестра готовила вакцину и инструменты.

– Вы делаете генетические анализы? – вспышкой, моментально родился на языке неожиданный вопрос.

– Мы все делаем.

– Тогда возьмите еще кровь на болезнь Хантингтона, пожалуйста.

И пока медсестра затягивала жгут вокруг предплечья, просила поработать кулаком и набирала в пробирку темную кровь, Марина плыла в безмятежности. Она знала, что этот поступок – правильный.

Жизнь захватила ее. Несколько новых костюмов, достаточно представительных и при этом максимально легких, – в Африку, чай, едет не в Мурманск. Новый купальник, нет, чего мелочиться – два новых купальника. И тройка комплектов умопомрачительного кружевного белья: ничуть не удобно и не практично, зато какая красота. В свете примерочной кожа, больше пяти лет не знавшая солнца, выглядела почти бирюзовой. Марина поморщилась: будь они неладны, эти примерочные. Всегда выгляжу, как живой труп или как тушка бройлера, залежавшегося на витрине супермаркета... А значит, еще флакон новых, каких-нибудь остромодных духов из парфюмерного магазина напротив. И не забыть солнцезащитный крем – чтоб непременно с самой высокой степенью защиты. А еще пудру – хотя нет, пудра на жаре скатывается и липнет пятнами, так что обойдемся без нее...

Телефон зазвонил в сумочке как раз в тот момент, когда Марина перенюхала уже с десяток туалетных вод, в носу свербило, а консультант протягивал баночку с кофейными зернами.

– Один момент! – попросила она и ответила на звонок.

– Здравствуйте. Готовы результаты ваших анализов. Вы можете забрать их с девяти до пяти ежедневно...

– Подождите-подождите, – прервала говорившую Марина. – Дело в том, что у меня в ближайшие дни совершенно нет времени, ни минутки. А потом я улетаю. Вы не могли бы мне их прочитать, прямо сейчас?

В трубке замялись.

– Ну, если вы уверены... Сейчас.

Марина отошла почти к выходу из магазина и в задумчивости водила пальцем по сверкающим бутылочкам с люксовым гелем для душа и молочком для тела. Кокос, жасмин, корица, нероли, франжипани, – читала она перечисление различных добавок. От кондиционера веяло, как от колотого льда.

– Алло, Марина, вы слушаете? У вас положительный результат. На Хантингтона.

– Прочтите точно, пожалуйста.

– Вот, я цитирую заключение: «В результате анализа ДНК короткого плеча 4 хромосомы выявлено увеличенное число копий ЦАГ-повтора (48)»...

– Спасибо. Всего доброго.

Очень многому люди просто не придают значения. Говорят «спасибо», не осознавая, что этим просят «спаси, Бог» или «спаси, Господи». Желают «всего доброго», не желая в особенности ничего хорошего. Мы постоянно пользуемся формулами, значения которых забыты, утрачены, затерты... Так думала Марина, оставив неоплаченной целую корзинку косметики у кассы в парфюмерном. Она вообще много думала, и все без толку, цепляясь за какие-то невнятные, оскоминные парадоксы – как, быть может, ускользающее сознание князя Андрея Болконского цеплялось за небо Аустерлица. Но если бы кто-то сейчас сказал ей хоть что-нибудь про это небо, она, наверное, закричала бы или ударила.

Никого не было рядом, а прохожие не склонны к отвлеченным рассуждениям. Так что Марина дошла до дома, купив в ближайшем магазине две бутылки крымского сухого. Без закуски, не надо даже сыра. Отменила свою командировку: пусть какао-бобы как-нибудь приобретаются без нее. И продаются без нее. Какое ей до них дело? Кому вообще нужны эти чертовы бобы? Особенно когда она совершенно точно больна, больна так же, как и мать, и умрет той же смертью, сходя под себя, быть может, еще и в пролежнях – ведь кто будет мыть и присыпать ее тальком, если она одна во всем мире? Ей не удастся умереть дома, ведь там за ней некому ухаживать. Нет, ее поместят в специальное учреждение, где она будет гнить и сходить с ума, превращаясь в трясущуюся развалину, без собственных мыслей, без эмоций... Нет никаких бобов – ни какао, ни обычных, ни фасоли, ни гороха. Впереди вообще нет больше ничего, кроме страха и неминуемого распада. Какая ослепительная, удачная, яркая сложилась жизнь...

Распивая крымское вино из надтреснутой чашки большими глотками, Марина стремительно пьянела. Она отчаянно хотела поговорить хоть с кем-то, даже и не поговорить, просто посидеть обнявшись. Но пролистав телефонную книгу, она поняла, что позвонить ей некому. Одни коллеги, шапочные знакомые, ученики. Вершинин. Васька. Тамара. Нет, никого. Отличный багаж к двадцати девяти годам. Подруги? Нет, только не они. И, наполнив чашку до краев, она принялась прихлебывать, давась.

Обиднее всего было ощущать вот эту свою бессмысленность. Тщетность прожитых лет. К чему это все? Где смысл? Все равно что посадить семечко в теплую землю, вызвать из небытия, растить, поливать и выставлять на солнце, а как придет время высаживать в грунт – сразу швырнуть в компостную кучу. Детей она не родила, мужчину не осчастливила. Провела несколько переговоров? Ух ты, «Оскар в студию»...

Васька, кстати, недавно женился, уже ребенка ждут... Все надежды юности, предвосхищение чего-то большого и прекрасного – все напрасно. Она была больна, как только родилась, как только сперматозоид в красной темноте нашел яйцеклетку. Все уже тогда было решено.

Сквозь пьяное кружение Марине вдруг почудилась та незнакомая девушка из клиники, что боялась анализа на ВИЧ. Все боятся СПИДа. Все боятся рака. Никто не боится пляски святого Витта, этой страшилки Средневековья. А тем временем хорей пожирает, тихо и без лишней суматохи, и начинает свое черное пиршество с головы. Точь-в-точь сказочный дракон, который лакомится блюдами из человеческих голов под соусом безумия. Марине «повезло», она – та самая принцесса на ужин. Андромеда, мать ее...

Потом она думала еще что-то. Все из области бессвязной ярости и проклятий. Так что накотившая вдруг дрема принесла спасение – пусть и ненадолго. Утром, обеими руками придерживая разваливающуюся на куски голову, Марина приняла последнее решение в своей жизни: прекратить ее.

Она не подвергала себя аналитическим процедурам: почему, зачем. Просто ей захотелось покончить с собой именно в Таиланде. Все хвалили королевство, а ей не довелось там побывать – так хоть напоследок... Ей нравилось думать, что все люди, летящие в переполненном «Боинге», мечтают о тропическом острове и двух неделях рая и только она – о смерти. Ей нравилось улыбаться, когда лайнер проваливался и трясся по ухабам зоны турбулентности, пока остальные легонько бледнеют и торопливо пристегиваются ремнями. Она будто уже не принадлежала миру живых. И когда на пляже прямо перед ней вырос щит с предупреждением о рипе, она увидела схематичный рисунок человечка, попавшего в коварное течение. Его фигурка была угловата, почти изломана. Марина узнала в ней себя.

...Теперь Госпожа Рунг отперла комнату и, ласково улыбнувшись, удалилась.

Потолочный вентилятор качнулся и нехотя зашевелил лопастями. Марина решительно достала из шкафа любимый сарафан из жемчужно-серой струящейся ткани. Надела, аккуратно завязала бледно-розовый пояс, повертелась перед зеркалом, изогнулась в пояснице, любуясь, как переплетаются лямки на загорелой спине. Быть может, чересчур празднично, но... В конце концов, уж на это она право имеет.

На улице ей почудилось, что кто-то назвал ее имя. Впрочем, сейчас, в высокий сезон, тут наверняка полно Марин. Петь, Маш и Василиев. Марина прибавила шаг. От жары ее колени покрылись влагой и подол

сарафана лип к ногам при каждом шаге. Она улыбнулась, представив, как может задрать юбку высоко-высоко. Люди не поймут.

В неоновом свете вывесок улица смотрелась inferнально. Отовсюду накатывались гам, музыка, рев скутеров и машин. Экскурсионные автобусы катили сплошной чередой, чудом разъезжаясь со встречными автобусами и машинами. Многоязыкая толпа бормотала, смеялась, жужжала и хихикала. Две молоденькие тайки у магазина пляжной одежды ели рис с рыбой из пластмассовых лоточков. Кривоногая женщина зазывала в бар, с радостной улыбкой крича:

– Давай-давай!

Это было единственное слово, которое она выучила по-русски.

Марина встретилась глазами с проституткой, снующей тут же у входа. Обычный узнаваемый облик: черное платье на бретельках, аккуратный макияж, прямые жесткие волосы чуть ниже плеч. Проститутка белозубо засмеялась и, увидев большого таракана, бегущего от бетонной решетки, которая прикрывает сточную канаву вдоль проезжей части, задавила его каблуком.

Решив перебежать дорогу, Марина задержалась на обочине. Здесь это всегда лотерея: сложно уследить и за машинами, и за верткими мотороллерами, и за бешено разъезжающими тук-туками. Наконец между двумя белыми автобусами образовался просвет, и Марина ринулась вперед. По привычке посмотрев для начала налево.

«Какая глупость. Так и не запомнила, что тут все наоборот», – вот что пронеслось в ее голове. В это же мгновение произошло одно событие, повлекшее за собой цепочку других. На противоположном тротуаре Марина уловила нечто знакомое и отвлеклась. Бежевые шорты и майка с фиолетовыми пальмами. Это же ее вещи! Ее майка! Да и бог с ней, с майкой, но в шортах лежит ключ от комнаты и... И сейчас же справа и сзади ее ударило что-то большое и острое, отчего она пролетела два метра вперед и упала. С тошнотворно резким стуком, как будто мачете входит в перезрелый кокосовый орех, ее затылок стукнулся о жирный асфальт.

И все закончилось.

Позже, минут через десять, приехала «Скорая помощь», нарушая покой отдыхающих своим тревожным воем: подобные звуки напоминают о хрупкости жизни ничуть не хуже, чем чеховский человек с молоточком. Тело русской туристки к тому моменту уже накрыли кислотно-зеленой скатертью: в ближайшем ресторане не нашлось белых простыней. Кровь с мостовой впитывалась в зеленую ткань, становясь черной.

Через полчаса полицейские сняли оцепление и увезли рыдающего и

трясущегося водителя скутера с собой. Белый скутер остался лежать на обочине, никому уже не нужный, хоть и целехонький. Он мешал пешеходам, и не один из них тихонько выругался, переступая через его колеса и поторапливаясь на ужин. Пахло рыбьими потрохами, пережженным маслом и средством для мытья тротуаров.

Часть вторая

Хозяйка отперла комнату и, ласково улыбнувшись, удалилась. Марина огляделась, будто оставила свое жилище много месяцев назад. Все казалось ей необычным и одновременно до боли родным: и бамбуковая перегородка, и чашка из кокосовой скорлупки, и чемодан под окном, и горшочек с орхидеей, и трещина в стене возле двери, из которой временами высовывал вертящую головку маленький геккон. Она щелкнула выключателем потолочного вентилятора. Тот качнулся и принялся гонять по комнате теплый воздух.

Если уж ее смерть отсрочилась, нечего сидеть дома и тратить время попусту. Марина решительно достала из шкафа любимый сарафан из жемчужно-серой струящейся ткани. Надела, аккуратно завязала бледно-розовый пояс, повертелась перед зеркалом, полюбовалась, как переплетаются лямки на загорелой спине. Быть может, чересчур празднично, но... В конце концов, это ее последняя ночь.

Она заперла дверь комнаты и по внешней лестнице спустилась вниз. И тут же почувствовала, как влажнеют колени. Стояла такая духота, что бедра вспотели и длинный подол неприятно лип к ногам. Вместо того чтобы мучиться, хоть и в любимом наряде, не проще ли переодеться так, чтобы было удобно? Марина вернулась, бросила сарафан поперек кровати и натянула легкое хлопчатое платьице на тонких бретельках. Его сине-белая полоска как нельзя лучше подходила к вечеру у моря.

На улице ей показалось, что кто-то произнес ее имя. Она обернулась. К ней спешила Алла. На ее широкополой соломенной шляпе трепетало вычурное птичье перо.

Их знакомство состоялось на третий день Маринино пребывания на острове. Часа в три, когда солнце ушло из зенита и на пляж стали возвращаться благоразумные туристы (неблагоразумные и не думали уходить с солнцепека), Марина с комфортом устроилась под зонтиком и разглядывала море. Был тот редкий сорт волн, что так любят отдыхающие: волна поднималась метрах в сорока от берега, неотвратимая и потому неторопливая, и вальяжно катила на пляж, вскипая снежной пеной по гребню и сгребая в охапку восторженно верещащих людей. Откатывая прочь, она тащила за собой тех, кто оказался не слишком устойчивым или слишком самонадеянным. Вот и сейчас очередная волна захлестнула пышную даму, повалила ее набок и довольно сурово протащила по наждаку

кремового песка. В это время ее супруг ловко нырнул еще на подступах с искристому гребню и, довольно отфыркиваясь, вынырнул, когда тот уже миновал. Дама же барахталась, поправляя задравшийся до шеи купальник, и силилась встать, когда ее накрыло следующим валом бирюзовой воды. Со стороны смотрелось забавно, но Марина вовсе не была уверена, что даме так уж весело.

– Все как в жизни... Лучше повернуться лицом к волне и в последний момент поднырнуть прямо под нее, чем тянуть до последнего, а потом зализывать раны и вытряхивать щепень из трусов...

Эту глубокомысленную сентенцию пробормотала женщина под соседним зонтиком. Уловив заинтересованный взгляд Марины, она смутилась, словно только что поняла, что произнесла это вслух:

– Простите, ради бога, я не собиралась наводить тоску своим старушечьим умничаньем.

Марина присмотрелась и с удивлением сообразила, что женщина и вправду немолода. Миниатюрная, с поджарым телом без возраста, в закрытом синем купальнике. Количество прожитых лет больше всего выдавали, пожалуй, лицо и шея, в остальном же это было тело спортсменки в отставке. Загорелая чуть ли не дочерна, она казалась еще более подтянутой и стройной, чем являлась в действительности. Конечно, такой тонкой пергаментной кожи не могло быть у тридцатилетней. Короткая задорная стрижка изрядно молодила ее, а прыткий живой взгляд делал весь облик непринужденным и непередаваемо легким. Так выглядят, верно, женщины любимые и всю жизнь горя не знавшие, подумалось Марине не без зависти. Она бы очень хотела состариться и стать такой же.

– Да нет, очень даже точно подмечено, – отозвалась Марина.

Женщина посмотрела на нее благожелательно и чуть насмешливо:

– Обожаю вежливых людей. Вот видите, я отозвалась о своих размышлениях уничижительно и тут же нарвалась на комплимент. Я Алла, кстати.

– Марина. Очень приятно.

Алла приняла проказливый вид:

– Вот-вот. Очень приятно. Воспитанный вы человек, Марина.

И они обе рассмеялись.

С тех пор Марина и Алла частенько виделись. Болтали на пляже, обедали, прогуливались по улочкам в поисках сувениров. Алла скупала их целыми мешками, и хоть она и словом не обмолвилась о семье, Марина представляла себе огромное количество детей и внуков, жаждущих подарков от любимой бабушки. В том, что все они души не чаяли в Алле,

Марина не сомневалась. Про себя она решила, что ее новой знакомой никак не меньше шестидесяти, хотя она и выглядела намного моложе. На ужин Алла собиралась вдумчиво, ни разу за эти недели не надев вечерний туалет повторно. Она предпочитала тонкий лен и шифон и обязательно босоножки на высоком каблуке. Без каблука росту в ней было не больше метра пятидесяти.

Очень скоро Марина заметила, что Алла выходит еще до жары на пробежку вдоль кромки моря, питается только морепродуктами, а пьет либо чистую воду, либо красное вино, хотя стоит оно здесь немилосердно.

– У вас особенная диета? Вы ведь неспроста так потрясающе выглядите?

– Никакой диеты. Я просто ем только то, что люблю. Специально ведь приехала сюда, чтобы побаловать себя дарами моря. И еще тайское манго. Это нечто! Пробовали его с клейким рисом? Очень рекомендую!

Больше всего новая знакомая покорила Марину своей самодостаточностью. По русским меркам Аллу давно причислили бы к пожилым людям, но сложно найти слова более не подходящего для описания этой женщины, чем «пожилая». Пока Марина спала в номере, Алла на тук-туке ездил на соседний пляж и проводила весь вечер, курсируя по значным местам и впечатляясь шоу трансвеститов, о чем наутро расписывала в красках. Она успела покататься на слонах, пролететь на парашюте над бухтой, взять напрокат скутер и объехать весь остров, разбить фару и заменить ее на новую в сомнительного вида автомастерской – чтобы не платить штраф хозяину скутера и вернуть себе залог. Алла перепробовала все виды тайского массажа, три раза сделала маникюр в трех разных салонах и едва не набила татуировку. Послушав увещевания Марины, согласилась на временную, но мастер татуажа сообщил, что на такой загорелой коже рисунок будет почти не виден.

– Иногда мне кажется, что вы малый ребенок, который дорвался до запретных плодов, пока родители не видят, – призналась Марина.

– Ой, мне всю жизнь об этом талдычат. Что ж мне теперь, сидеть на попе ровно? Чтобы никого не нервировать? – пожала плечами Алла и закурила сигарету. – Надо бросать. Поганая привычка. Но обожаю! Так что не брошу, естественно. У нас в тайге много мошкары. Только дымом и отгоняли. Раньше ведь не было репеллентов...

Она выпустила две упругих синеватых струи дыма через нос и снова заговорила:

– Странное дело, правда? Сейчас, в этой жарнице, когда к локтям липнет песок, слово «Сибирь» – просто абстракция. Такого просто не

может быть на свете. И тем не менее она существует.

Марина с хлюпаньем втянула через соломинку остатки кокосовой воды из молодого ореха. На вкус он напоминал березовый сок. Впрочем, Алла права, березовый сок в этих широтах – такая же немислимая абстракция, как и Сибирь.

– Стало быть, – продолжала Алла, – человек верит только в то, что видит собственными глазами. Я имею в виду – действительно верит, на сто процентов. Не умозрительно, наученный кем-то, что Марс ближе всего к Земле или что Земля круглая. Для любого человека истинно существует только то, что окружает сейчас, причем окружает именно его. Мы сидим в одной географической точке, и реальность внешняя у нас почти сливается, мы одинаковое видим. А внутренняя реальность отличается в силу нашего характера, жизненного опыта... и так далее. А вот я встану и пройду до вон тех ребят, что продают напитки. И моя реальность уже будет отличаться от вашей. Короб со льдом, в котором лежат кокосовые орехи, станет для меня куда более очевидно существующим, чем зонтик, под которым останетесь вы. Реальность у каждого своя, и правда у каждого своя. Живу на свете шестьдесят семь лет, и это по сию пору завораживает меня...

– Сколько? – поразились Марина. – Шестьдесят семь?

– Мариночка, – улыбнулась Алла. – Какое же вы чудо! Пойдемте купаться. Вода точит фигуру. Приедете домой еще стройнее, чем уезжали. А ногти, ногти-то какие будут – хоть вместо отвертки шурупы откручивай. Это ведь соляная ванночка, да еще с йодом! Давайте-ка поднимайтесь, ну?

Однако теперь, делая шаг навстречу Алле с ее невообразимым пером на шляпке, Марина не особенно обрадовалась. Болтать с жизнерадостной Аллой у нее не было настроения.

– Видели? Закат сегодня был невероятный. Солнце садилось не в дымку, как обычно, а прямо в море, и все горело огнем. Ну да словами не передать, – возвестила дама после приветствия.

Они остановились на тротуаре возле обменного пункта. За пуленепробиваемым стеклом скучала девушка в хиджабе. В холодном свечении ртутной лампы ее лицо, обрамленное темной тканью, выглядело болезненным. И сам обменный пункт смотрелся чужеродно посреди беснования улицы с ее жарой, гомоном, щекочущими ноздри запахами острых блюд и мороком тропической ночи, утопающей в сиреневой пудре цветущих бугенвиллей.

– Закат? Нет, я... спала.

– Приболели?

– Можно и так сказать, – уклонилась Марина.

Алла быстро смекнула, что к чему:

– Ну что ж... хотела предложить вам вместе поужинать, а потом потолкаться по ночному рынку, но вижу, это не лучшая идея. Поправляйтесь, дорогая.

И, на прощание дружески тронув ее за локоть, Алла упорхнула вверх по улице.

А Марина отправилась вниз, к морю. Ей нужно было вернуть позаимствованную тунику на бельевую веревку во дворике бунгало. Но по пути она еще зашла перекусить.

Ресторанчик особенно нравился ей своей кухней. Она обедала и ужинала здесь больше недели, но ни разу заказанное ею блюдо не снискало себе оценки ниже, чем «восхитительно». Если бы в Таиланде раздавали мишленовские звезды... А впрочем, мишленовских звезд на здешнюю кухню не напасть, слишком уж велик шанс нарваться на шедевр кулинарного искусства в каждой второй забегаловке. И все-таки этот ресторан Марине особенно приглянулся. Зеленое карри здесь было в меру острым, а том-кха – острым не в меру, обжигающе-вкусным, и она стойко корпела над каждой тарелкой, едва сдерживая слезы и осторожно перекладывая на язык кусочки слипшегося риса, когда становилось совсем невмоготу. Здесь подавали скверный мохито и нежнейшую пина-коладу, в которую никто не жалел рома и ликера «Малибу». И еще замороженные влажные салфетки в индивидуальных упаковках, вещь настолько же гениальную, насколько и элементарную.

Обстановка этого местечка Марину, напротив, неизменно веселила и умиляла: сахарно-розовые стены в белой лепнине, позолоченные цоколи, стулья, обтянутые коричневым бархатом с шестью декоративными пуговицами-стразами, каждая величиной с перепелиное яйцо. Столь претенциозному интерьеру никак не соответствовали посетители – в шортах, майках или туниках прямо на купальник, по большей части вспотевшие или только что вылезшие из моря, так что мокрое сиденье, оставшееся от предыдущего гостя, не было редкостью. Но персонал это ничуть не заботило.

Приветливая пожилая тайка, радостно щебеча, проворно проводила Марину к ее обычному столику в уголке. Освещение тут слабее, и потому удобно разглядывать весь зал, наблюдая за родом человеческим.

Устроившись, Марина тут же пробежала глазами зал. В груди кольнуло разочарование. Теперь уже было можно признаться хотя бы самой себе, что ее привела сюда не чудесная кухня и не занятный вид, а он.

Впервые она увидела этого мужчину полторы недели назад. Был вечерний отлив, небывало сильный, и прибрежный песок обнажился на много метров, образовав пологий склон, который так удобно использовать в качестве огромного лежака или доски для признаний. Там и сям появлялись незамысловатые надписи и символы, начерченные палкой, соломинкой или пальцем: сердечки, стрелочки, любовные откровения и формулы с плюсами и знаками равенства. Марина брела вдоль прибоя в дальнюю часть пляжа. Она находила умиротворение в долгих пешеходных прогулках среди пестрой человеческой жизни, кипевшей на пляже. Дети строили песчаные замки – кто поодиночке, кто с заботливыми родителями. Тщедушные воробьи, порхая как колибри, выклевывали зерна из воткнутых в песок недоеденных кукурузных початков.

К закату на всех нападала неодолимая тяга к фотографированию, эти тягучие минуты просились быть остановленными и запечатленными, как и все особенно скоротечное и ускользающее. Парочка китайцев-оригинов выделяла немислимые па, стараясь заснять себя и других в экзотических ракурсах (вооружившись и сменными объективами, и штативом), остальные щелкали селфи на телефоны. Девушки все как одна втягивали животы, так что остроугольно выступали нижние ребра, и норовили поймать «солнышко на ладошку». Неохватных размеров темнокожий француз расхаживал по пояс в море с крохотной камерой «go-pro», которую не пугали ни вода, ни песок, и фотографировал рыбок. Пылающий шар солнца усаживался в алеющие кучевые облака, обливая пляж лавандовой дымной глазурью. С громким лаем носилась дворняга, весь день до этого проспавшая в тенечке у шатра пляжных массажисток.

Стоял штиль. До самого горизонта против света море было как гладко-стальное желе. Марина дошла до камней на крайней оконечности пляжа. За камнями начинались скалы и перевал, отделяющий этот пляж от соседнего, куда более шумного, грязного и бессонного. В этой части народа было совсем не много, и ее взгляд привлекла одна пара. Не заметил бы ее только слепой.

Девушка в подвенечном платье разговаривала с мужчиной в костюме. Ее бледно-оливковый пояс из широкой атласной ленты по оттенку точь-в-точь совпадал с платком, выглядывающим из его нагрудного кармана. Жених, решила про себя Марина. Эти двое отличались разительно, как день и ночь, но при этом как-то необъяснимо гармонично смотрелись вместе. В облике девушки преобладали восточные черты, не то еврейского, не то кавказского происхождения, тогда как мужчина казался типичным рослым скандинавом. Черные кудри невесты (в них сияли звездочки белых

плюмерий) были приподняты на затылке, и свободно стекали оттуда на шею и бледные плечи. Ее спутник, загорелый, светловолосый с проседью, выше ее на голову, говорил что-то неторопливо, и девушка, внимательно вглядываясь в его немолодое приятное лицо, серьезно кивала. Дослушав, она пробормотала пару слов, и мужчина расхохотался, запрокинув голову. Девушка засмеялась тоже. В их согласии сквозило столько интимности и доверительной привязанности, что глазеть было совестно, а отвести взгляд – невозможно.

Взявшись за руки, они побрели дальше, босые ноги невесты мелькали из-под края подола. Проследив за ними, Марина заметила почти у кромки деревьев белую арку, увитую цветами, и несколько рядов стульев. Возле них сновали празднично одетые люди.

– Anna, darling, we were looking for you! – донеслось оттуда.

– We're coming!^[8] – откликнулась невеста.

Через день Марина снова увидела этого мужчину, утром, уже в одиночестве. В эти часы море, точно с рекламного проспекта, у берега бирюзово-зеленое, пронизанное солнечным светом до самого песчаного дна, а дальше, вдоль глубины, – с темно-синей широкой полосой. Незнакомец, судя по загару, давно не нуждающийся уже в зонтике или любой иной защите от солнца, сидел, поджав под себя ноги, и не шевелился. Глаза его были открыты и сосредоточены на чем-то. Марина проследила траекторию и ничего не увидела. Но мужчина не двигался. Тогда она присела метрах в десяти, будто загорая, и сама затаила дыхание, сантиметр за сантиметром оглядывая песок, который служил предметом столь пристального внимания. Раз! – из небольшой, с десятирублевую монету дырочки вылетел песчаный фонтанчик. Это краб выбросил ненужный балласт из норки и теперь сидел у выхода, изучая окрестности выпученными полупрозрачными глазами.

Марина взглянула на лицо мужчины. Он довольно улыбался неширокой мирной улыбкой естествоиспытателя. Потом встал – краб моментально исчез в песчаной глубине – и направился к воде. Не атлет и не качок, он все-таки следил за своим внешним видом, особенно если судить по сильным, рельефным мышцам ног, какие бывают только у заядлых бегунов. Грудь густо заросла светлыми кучерявыми волосами, а по левой руке от локтя к запястью спускалась цепочка скандинавских рун. Татуировке было больше десяти лет, а то и все двадцать: она выцвела и уже отливала в синеву.

Марина отругала себя за то, что беззастенчиво разглядывает незнакомых полуголых мужчин. Да еще и женатых. Где, кстати, она, та

давешняя юная невеста?

Но девушка не объявилась и позже, когда Марина стала встречать полуседого блондина в баре, на запруженной улице, между развалами ночного рынка, где пахнет пригоревшей рыбой, горячим маслом и кукурузой. Он всегда шел один. Ел один. Пил пиво за столиком в баре тоже один, неторопливо отклоняя настойчивые предложения многочисленных проституток.

Марина ломала голову. Она припомнила, что кожа девушки светилась бледностью, тогда как мужчине легко можно было спутать с аборигеном тропического пояса, если бы не волосы. Стало быть, они не отдыхали вместе? И не отдыхают теперь? А как же медовый месяц?

Напрасно она твердила себе, что ее это не касается. Если светловолосый незнакомец не попадался ей сразу, она шла гулять по городку, точно зная, что встретит его, и все же беспокоясь: а вдруг уехал? Несколько вечеров они провели за соседними столиками в том ресторанчике со стразами, и за это время она узнала, что из напитков он предпочитает пиво, из еды – пад-тай с креветками, а заказ делает потайски, и довольно бегло, чем неизменно вызывает у официанта детский восторг. Иногда она ловила его ироничные взгляды, брошенные на посетителей, ведущих себя буйно или грубо, или замечала улыбку, приподнимающую краешки губ. Кажется, ресницы у него рыжие, а не белесые, как часто бывает у блондинов... Хотя для этого нужно заглянуть ему в глаза. Он носил белые футболки из тонкого полотна с местными орнаментами, изображением всеведающих глаз Будды или колесом сансары, а на крепкой жилистой шее болтался крохотный серебряный крестик на засаленном шнурке, совершенно однозначно православный.

А еще он чихал от солнечного света. И перед этим всегда забавно морщил нос, стараясь сдержаться.

Когда он смотрел на Марину (а такое случалось довольно часто), она тут же делала вид, что занята разглядыванием меню или капелек на бокале с арбузным шейком. Мысленно она успевала написать целый трактат об этом напитке, который, кстати, вполне того заслуживал, ведь когда Господь создавал арбуз, он, вероятно, предполагал, что употреблять его будут именно так: взбитым, со льдом и через соломинку. В такие моменты Марина буквально осязала, что делает мужчина за соседним столиком: пьет, двигает стул, подзывает официанта, оборачивается на звон опрокинутого подноса. Слово они сидели намного ближе, чем это было в реальности, – очень уж острыми были ощущения.

Иногда она замечала мужчину задолго до его приближения, на другом

конце улицы, или мчащегося вдоль пляжа на скутере. Тогда она долго строила догадки и предположения, куда он собрался или откуда возвращается. Ей становилось страшно при одной мысли, что наступит вечер, когда она нигде его не найдет, и это будет означать, что его отдых кончился и он отправился восвояси – где бы ни жил. Он обязательно исчезнет, знала она, это лишь вопрос времени. Все исчезают. Все покидают ее.

Сегодня утром – боже, как бесконечно давно это было! – она снова видела его. Даже дважды. Сначала сразу после завтрака, когда сама она разложила полотенце на лежаке и протянула двести бат Чону, притащившему для нее зонтик и вкопавшему его в песок поглубже, закрепив кольшками. Чон отдал сотню обратно.

– У тебя больше ста взять не могу. Меньше тоже не могу, хозяйка ругаться будет.

Хозяйка, тучная, с выкрашенными в рыжий жесткими волосами, сидела позади ящиков со льдом и кокосами. Она постоянно громко и сердито покрикивала на работников – если, конечно, не заливалась лающим хмельным смехом, что обычно случалось к вечеру. Толстая желто-золотая цепь на ее смуглой складчатой шее тускло блестела. Марина знала, что для тайки носить золото означает показывать свой внушительный достаток.

– Спасибо, Чон.

Тогда-то мужчина и пробежал мимо нее. Бронзовый, крепкий, с белыми волосами, похожий на скандинавского воина. В одной руке бутылка воды, босые ноги впечатываются в упругую полосу мокрого песка. Улыбка Марины, предназначенная Чону, незаметно превратилась в улыбку, предназначенную этому бегуну. На душе у девушки посветлело.

Ближе к полудню слуха Марины достигли нежные певучие звуки. Пляж частенько наполнился тонкими звуками бамбуковых флейт, которые ловко извлекали из соломенных стеблей коренастые торговцы, беззаботно шагающие по раскаленному песку среди бензиново растекающегося зноя. Обычно это были неопределенные звуки без начала и конца, примечательные не более, чем однотонное перечисление:

– Моторр! Элефан! Маррракуз!

И если с «мотор» и «элефан» все было понятно – так торговец предлагал резные деревянные модели мотоцикла и слона, то тайну слова «маракуз» Марина так и не разгадала.

Но сейчас мелодия складывалась вполне определенная. Простенькая, приятная, даже красивая в своей безыскусности. Марина пошла на звук, желая посмотреть, кто этот умелец. Ей даже захотелось купить такую

флейту, хотя она и не собиралась возвращаться и увозить ее с собой. Просто сиюминутный порыв. Она почти бежала по горячему песку в слепом желании завладеть флейтой. Ей казалось, что, обретая музыкальный инструмент, она обретет и мелодию, им исторгаемую.

Под пальмой, откуда доносились сладкие звуки, она чуть не столкнулась со своим викингом. Отшатнулась в сторону и больно занозила ногу об какую-то ветку. Сцена из древнегреческого мифа. Невероятно! Это он сидел на поваленном дереве и наигрывал мелодию, это его пересохшие губы извлекали музыку из тростникового тела флейты. От неожиданности Маринино появления так близко он отнял инструмент ото рта и поднял на нее внимательные серые глаза:

– Hello.

– I... I'm sorry.

Марина вспыхнула как девчонка, отступила на шаг, потом еще, еще – и вот она уже под своим зонтиком, растерянная, ругающая себя на чем свет стоит. Чуть не ревущая от смущения. Настроение у нее испортилось, и несколько минут спустя она уже тащилась по нестерпимому пеклу в сторону дома, увязая сланцами в песке, замотанная в платок и прикрытая шляпой и солнечными очками, словно доспехами.

Уже покинув пляж, она сообразила, что после ее поспешного отступления мелодия на флейте так и не продолжилась.

Сегодня вечером, только что, во время краткой беседы с Аллой возле обменника, Марина уже приняла решение: если мужчина встретится ей, она с ним заговорит. Познакомится. Это, в конце концов, просто смешно – столько времени сталкиваться нос к носу и даже парой слов не переброситься! Интересно, существует ли в этикете регламент, через сколько случайных встреч можно начинать здороваться с непредставленным человеком? Они ведь почти знакомы. Ах, ну да, почти – не считается. Значит, надо это исправить.

И сейчас она была больно разочарована. Скандинав не появился. За его обычным столиком без умолку тараторили громкоголосые испанцы, двое мужчин и дама с бугристыми бедрами, перетянутыми крошечными джинсовыми шортиками с бахромой. Марина без энтузиазма доела стремительно оплывающий шарик мороженого, к которому почему-то подали вилку, и расплатилась.

Только тут она вспомнила, что неплохо бы вернуть тунику, позаимствованную ею после своего неудавшегося утопления. Хозяева могли и заметить пропажу. Она быстро спустилась вниз по улице, перебежала дорогу прямо перед ревушим мотороллером и скрылась под

сенью раскидистых деревьев. Сухие и жесткие листья шелестели под ногами.

Марина тихо прокралась по дорожке к бунгалу. Как и в прошлый раз, в окнах было темно, и со спокойной совестью она оставила пляжную тунику висеть на бельевой веревке.

Там же ее и обнаружила Сенка Златович, вместе с Милошем вернувшись с ужина. С первого взгляда она узнала эту изумрудную тунику с синими цветами. Милош отпирался как мог.

– Да я понятия не имею, как она тут взялась!

– Я убью ее! Как, как вы успели? Я ведь всегда рядом!

– Сенка, милая, да о чем ты говоришь? – бормотал Милош, пытаясь поймать жену, беспорядочно бегающую по комнате и размахивающую скомканной туникой. – Успокойся. Это какое-то недоразумение.

– Да? А я тебе скажу, какое недоразумение. Ты – вот что это за недоразумение! Проклятье! Говорила мне мама: Сенка, дочечка, этот шиптер^[9] тебя несчастной сделает, не ходи ты за эту чернь замуж. А я не верила. Ой Божечки!

– Это я чернь? Я? – взорвался Милош, хотя и дал себе клятву терпеть. – Да я ж тебя содержу, ты ни дня не работала! Хочешь в отпуск – да на тебе отпуск. Хочешь платье – возьми, любимая, покупай, ни в чем себе не отказывай. И я же после этого грязь?

– Сволочь, – всхлипнула Сенка.

Они еще долго скандалили, оскорбляли друг друга, выискивая самый цветистый мат, на какой только способен щедрый сербский язык. Сенка снова брала волю в кулак и принималась верещать, что сейчас найдет «эту сучку Миттельбаум» и выцарапает ей глаза, раз уж нельзя оттаскать за лохмы: у немки была короткая стрижка. Потом долго мирились. Под утро, устав рыдать, умолять, кричать, обороняться и нападать, они даже разговорились по душам. Распили две бутылки вина, пролили бокал на светлый ковер, зачем-то потащили его полоскать в ванной. Ковер набрал воды, и вернуть его на место не представлялось возможным. Так и оставили. Потом Сенку тошнило, а Милош поглаживал ее по золотистому плечу.

– Ох, уйди, Милош, Христом-богом прошу.

– Куда ж я уйду... Люблю я тебя, – бормотал муж в ответ.

Перед рассветом они точно решили, что им не хватает детей, и договорились приступить к этому сразу по возвращении домой.

История с туникой вполне могла этим и ограничиться. Но Сенка

Златович росла папиной дочкой и выросла женщиной упрямой и гордой. А следовательно, простить мужа просто так, без мести, она не могла, но и разводиться не собиралась: не хватало еще, чтобы люди подумали, будто ее брак не удался. С Миттельбаумами они больше не ужинали и даже не здоровались. Но каково же было потрясение юного Курта, когда однажды, накануне отъезда, стоило матери действительно отлучиться на сеанс массажа, к ним в номер явилась Сенка. Такая, какую он мысленно рисовал ее на потолке гостиничного номера каждую ночь и на темном кафеле отельной ванной комнаты каждый день. Нет, даже лучше. Загорелая, ароматная, крепкая. Горячая и податливая.

За нанесенную ей горькую обиду Сенка отомстила сразу и мужу, и фрау Миттельбаум. Когда Кристина уже давно забыла о своем курортном приключении с подлецом-сербом, ее единственный сын Курт все еще грустил и носил в сердце сладкое воспоминание и тяжкую тоску о его смуглой черноглазой жене.

На парапете набережной, идущем вдоль канала против цунами, ужинали местные и приезжие. Они поедали с бумажных тарелок блинчики с бананом и нутеллой, блинчики с жареным ананасом, огромные креветки, нанизанные на деревянные шпажки и зарумяненные на углях. Блестели жирные губы, пальцы пачкались в оранжевом кисло-сладком соусе, звякали бутылки «Чанга»^[10], купленные в упаковке по четыре штуки в «Севен-элевен» через дорогу.

Марина спустилась к пляжу.

Было грустно и чего-то хотелось, и она все старалась допытаться, чего именно, пока ее не отвлек след на песке. Он тянулся от зарослей колючего и жесткого вьюнка к мусорке, где еще с полудня гнили, источая сладковатый запах, выпитые и побуревшие кокосы, манговые очистки, обертки от мороженого и обглоданные кукурузные початки. Этот след напоминал след от тракторной гусеницы, только в десять сантиметров шириной, узорчатый, ребристый. Не от колеса самоката, не от коляски – явно от живого существа. Оно вряд ли было млекопитающим, скорее, большим насекомым. Очень крупным, по меркам любого жителя средних широт.

Брезгливость боролась с любопытством, и Марина не двигалась с места, вперившись глазами в ленту дробного рельефа, проследив ее в оба конца, от зловонной кучи до зарослей, и внутренне приготовившись к самой неприятной встрече. Она почувствовала, что, возможно, после подобной встречи ночные прогулки по прибою мигом утрачивают всю

свою очаровательную истому: приморская ночь романтична лишь для человека, как и сама романтика как понятие присуща лишь человеку, для остальной природы это либо время отдохновения, либо охоты, либо спаривания, либо труда.

Вдруг край ее глаза заметил движение, и тело вопреки воле напряглось.

Через песок ползла большая морская раковина, передвигаемая длинными ломкими лапками. Марина даже засмеялась от облегчения – не многоножка и не сколопендра, не любое из тех чудищ, что уже нарисовало нервное воображение. Всего лишь безобидный рак-отшельник, хотя и довольно крупный. Он неторопливо и трудно шел, таща на себе свои временные апартаменты. Марина не стала трогать его, лишь полюбовалась кружевной тесьмой следов, которая тянулась за ним. Упрямство и одиночество. Это существо вызвало ее горячую симпатию.

С наступлением темноты на пляже все же встречались люди. Кто-то плескался под самым берегом, вдали бродил синеватый луч света от дисплея чьего-то телефона. Ночной торговец убеждал сидящих на песке возлюбленных купить бумажный небесный фонарик. Они сговаривались о цене.

Марина сбросила одежду напротив яркого фонаря на набережной – чтобы снова не потерять – и зашла в воду. Ей не особенно хотелось купаться, она вообще не знала, чего хочет. Почему бы тогда не искупнуться? Вода теплая, волнения совсем нет. На горизонте дрожат и перемигиваются зеленоватые бортовые огни рыболовецких суденышек, вышедших на промысел. Звезд не видно, как всегда висит влажная тропическая дымка, и только легкий бриз приносит облегчение.

Марина тихо поплыла, стараясь как можно меньше тревожить поблескивающую водяную гладь. Под нею простиралось черное море ночи. Произошедшее, или, вернее, чуть не случившееся с нею на закате, не отвратило ее от заплывов. Рипа она не боялась. Напротив, ей даже стало казаться, что рип был чем-то вроде ее ментальной проекции, что никакого кровожадного течения и вовсе не существует и это не более чем плод ее воображения, подкрепленный решимостью покончить с безрадостным прозябанием. Сейчас же она просто решила поплавать перед сном, не далеко, не глубоко и не трагично.

Это случилось внезапно. Вдруг ее тело пронзила жгучая боль, словно в воде она задела оголенный высоковольтный провод. Электрический ток прорезал ее вдоль позвоночника. Нестерпимое жжение началось возле правого бедра, перешло на живот и спину и уже обволакивало плечи. По

коже будто текла раскаленная смола, не смываемая морской водой. Марина закричала от боли.

Ей казалось, что больнее быть уже не может, и в это же время жжение усиливалось многократно, словно в кабеле повышалось напряжение. Она горела заживо. В груди стало тяжело, будто лег камень и тянул ее на дно. Вспышкой Марине почему-то вспомнилась иллюстрация к книжке русских сказок, которую она обожала в детстве. Козленок стоит на берегу и смотрит на гладь пруда, в котором под толщей воды лежит девушка с закрытыми глазами и мирным лицом. Как, как можно терпеть этот огонь с таким благостным выражением? Марина кричала, бессвязно и громко, чувствуя, как вода заливает рот и попадает внутрь. Она закашлялась. Еще один разряд тока, пробежавший от ее груди до кончиков пальцев, выгнул тело дугой и обездвижил.

Угасающим лепечущим сознанием Марина понимала, что нужно что-то срочно предпринять. Но боль была сокрушительна. Она парализовала тело. Больше ничего нельзя было сделать.

– Я не хочу так... Не сейчас... Так рано. Господи, так рано... Ведь мне же еще оставалось...

Мысли смешались и вскоре погасли.

Тело пропавшей русской туристки обнаружили к вечеру следующего дня. Вытащив из воды, ее прикрыли чьим-то полотенцем, так что только рука в пурпурных полосах торчала из-под махрового края. Матери хватали на руки детей и уносили прочь, кое-кто снимал на телефон. Все шептались, переговаривались, ужасались, всплескивали руками и прислоняли пальцы ко рту.

Врач констатировал смерть от отравления нейротоксическим ядом, анафилактического шока и инфаркта вследствие контакта с кубомедузой *Chironex fleckeri*. О произошедшем сообщили в новостях нескольких стран: в это время года смертельные исходы встречи с медузами в данном регионе редкость. Туристов предостерегли от купания вдали от берега и в ночное время суток.

Часть третья

Она заперла дверь комнаты, спустилась вниз. И тут же почувствовала, как влажнеют колени. Стояла такая духота, что бедра вспотели и длинный подол жемчужно-серого сарафана неприятно лип к ногам. Вместо того чтобы мучиться, хоть и в любимом наряде, не проще ли переодеться так, чтобы было удобно? Марина вернулась, бросила сарафан поперек кровати и натянула легкое хлопковое платье на тонких бретельках. Его синеватая полоска как нельзя лучше подходила к вечеру у моря.

Стоило лишь спуститься по внешней лестнице, опоясывающей дом, как ее окликнула Алла, в живописнейшей шляпе с птичьим пером – и в прекрасном настроении. Хотя, кажется, другого настроения эта женщина при себе не держала.

– Видели? Закат сегодня был невероятный. Солнце садилось не в дымку, как обычно, а прямо в море, и все горело огнем. Ну да словами не передать.

– Я спала.

– Приболели?

– Да нет, просто...

Алла кивнула:

– Моя мама всегда говорила, что если спать на закате, голова разболится. Ума не приложу, откуда такая уверенность. Проверяла много раз – вранье.

Она сверкнула искусно подведенными глазами, и Марина невольно улыбнулась ей.

– Поужинаем вместе? – предложила Алла.

– Почему бы и нет?

– Только для начала, Марина, у меня есть для вас одно полукриминальное дельце. Будете соучастницей?

– Кажется, за убийство тут полагается смертная казнь.

– Да-да, скукота, и не говорите! – Алла нарочито зевнула и похлопала себя по рту, а потом лукаво усмехнулась. – Но сейчас не об этом! Надо срезать черенков плюмерии.

– Чего?

– Плюмерии. Черенков. Надо срезать. Храмовое дерево, символ Бали, Лаоса и Тая. Вы их знаете, они ж тут на каждой заколке, искусственные. А мне настоящие подавай. Я уже и ножом разжилась, в магазине. Он

обычный, столовый. Вот сколько мечтаю о хорошем перочинном ноже... Надо при случае купить. Так что, вы со мной? Присмотрела я тут невероятные кусты, за поворотом. Цветки красные, и розовые с желтой серединкой, и белые, обычненькие. Кажется, это на территории какого-то отеля. Так что постоите на шухере. Я ни за что себе не прощу, если не попытаюсь их укоренить! А у нас таких не продают, ни черенками, ни саженцами...

Кивая в знак согласия, Марина вспомнила про чужую тунику, все еще лежащую в сумке, и сообщила:

– Алла, вы удивитесь, но у меня тоже есть похожее дельце.

Она коротко пояснила, что во время закатного купания потеряла свою одежду, так что пришлось тайком взять чужую. Ненадолго. Алла пришла в восторг и даже в ладоши захолопала:

– Bravo, Мариночка! Находчивость превыше всего!

Алла подежурила у дорожки, пока Марина возвращала тунику на ее законное место на бельевой веревке. Окна бунгало оставались темными.

После этого они добрались до тех самых плюмерий, о которых твердила Алла. Рослые деревья с большими темными листьями склонялись из-за забора к тротуару. Цветение вошло в самый пик, так что аромат вокруг стоял невообразимый.

– Вам нужны какие-то определенные ветки? – любопытствовала Марина, озираясь по сторонам. Народу было многовато. И к тому же чужая страна. Неизвестно еще, может, это растение занесено в какую-нибудь Красную книгу, или охраняется королевством, или...

– Да, мне верхушечки.

К Маринину изумлению, Алла по-мужски подпернула брюки на коленях и поставила ногу на перекладину забора.

– Что вы делаете?

– А как иначе я до них доберусь?

– Это чужой забор! Мы в чужой стране, и бог знает что про нас подумают и в чем обвинят! – разволновалась Марина.

– В Таиланде тоже есть садовники. Из плюмерий не делают никаких запрещенных препаратов. Так что все в порядке, – пожала плечами Алла.

Но Марина не сдавалась:

– Вы даже не знаете, выпустят ли вас на таможне! Санэпидемнадзор должен отслеживать ввоз и вывоз...

– Да-да. – Алла перебила ее, теряя терпение. – Он отслеживает вывоз почвы. Именно поэтому нельзя вывозить растения в горшках и саженцы. Про черенки ни слова.

– Но...

– Не болтайте попусту, лучше подсобите. Быстрее будет.

И уже в следующую минуту Марина осознала, что стоит на ярко освещенной и отнюдь не безлюдной улице, обеими руками подпирая ягодицы мало знакомой ей соотечественницы, пока та, орудуя ножом, режет черенки храмового дерева, к тому же растущего на частной территории. Идущие мимо пешеходы смотрели с интересом, девочка с пакетом чипсов чуть не свернула себе голову, а потом дернула за рубашку свою худосочную мать-англичанку:

– А что делают эти тети?

– Не знаю, смотри вперед, – бормотнула в ответ та.

Наконец Алла спрыгнула на тротуар, держа пучок веток в руке. Белые капли млечного сока набрякли на толстых срезах, пара уже упала на асфальт.

– Они, кажется, ядовитые, – вспомнила Алла с невинной улыбкой и быстро замотала стебли в носовой платок, а после сунула в сумку и улыбнулась удовлетворенно:

– Теперь мыть руки и поедать морских гадов! Марина, вы были на высоте, благодарю. Ну же, перестаньте дуться, вам это не идет.

Парнишка с тщательно растрепанными и залитыми лаком волосами потряс корзинкой с тигровыми креветками. Сквозь металлические прутья тускло поблескивал серо-коричневый хитин. Алла улыбнулась, Марина тоже одобрительно кивнула и повторила, что их нужно запечь на гриле.

– Вы слишком обеспокоены, – вдруг сказала Алла без предисловий, вернувшись с тарелкой бесплатных салатов. – С самого первого дня знакомства я пристально за вами наблюдаю, уж простите. Вас что-то гложет. Иногда все почти в порядке, а потом вы словно вспоминаете что-то. Причину, которая не дает вам расслабиться и стать самой собой.

Марина вежливо улыбнулась одними губами. И чтобы скрасить молчание, отпила арбузный шейк из запотевшего стакана.

– Не в моих правилах допрашивать людей, – махнула рукой Алла и легонько пощекотала пальцем перышко на своей шляпе, покоящейся на свободной половине стола. – Мне просто больно смотреть, как вы мучаете себя понапрасну. Нет, не смотрите на меня так сердито, я права! Понапрасну, именно так. Если что-то можно исправить, надо идти и исправлять, а не бледнеть и сохнуть с тоски! Не попивать коктейльчики в Тае. А если ничего уже не исправить... Что ж. Делать выводы. Я вот плюмерии нарезаю.

– Мне не нужны плюмерии, – чуть слышно проговорила Марина.

Алла с неподражаемой легкостью отвела прядку от лица:

– Как будто мне они были нужны... Вчера. Но ведь уже сегодня. Я привезу их домой, они дадут корни, я рассажу их по горшкам. И тогда они появятся на свет. Самостоятельные, живые. Получается, я будто бы дам им жизнь. Позову их из небытия к свету. Разве не замечательно?

Марина еще не уяснила, куда клонит Алла. Но ту явно потянуло на философию, Марина даже покосилась на ее бокал: вина было отпито совсем немного. Алла отвернулась и долго смотрела на улицу, по которой сновали люди и мотороллеры, катили автобусы, дремали бездомные псы на ступенях супермаркетов. В забегаловке напротив замкнуло проводку в вывеске, и одна буква подсвечивалась неровно, будто с нервным тиком.

– Жизнь хороша сама по себе, – с расстановкой произнесла Алла, возвращаясь взглядом к Марине. – А наш мир – это такая огромная школа с индивидуальными занятиями. Каждому талдычат его урок. Не понял – изволь-ка вернуться на старт, к самому началу, к чтению по слогам и таблице умножения. Снова не понял – ну ты тупой, конечно, но что делать... Вернись и повтори пройденное. Другими словами, но смысл в уроке будет все тот же.

– Ну и в чем смысл-то? – неожиданно резко спросила Марина. – Просветите, а то я...

– В жизни. Она прекрасна сама по себе. Жить ради жизни.

– Легко сказать «жизнь прекрасна». А если нет глаз, чтобы увидеть? Языка, чтобы сказать? Если суставы болят утром так, что невозможно встать с кровати без слез? Если знаешь, что умрешь от неизлечимой болезни? Тоже прекрасна?

– Тоже.

– Вы меня простите, конечно, Алла, – не боясь своей резкости, заявила Марина. – Но вы говорите чушь!

Алла засмеялась. У нее это получалось как-то невероятно очаровательно, и смеяться, пусть даже щеки собрались в складки, а от глаз разбежались лучики морщин, и всплескивать тонкой рукой, на запястье которой позвякивали металлические браслеты и шуршали кожаные.

Марина продолжала негодовать. Она искренне жалела, что несколько дней считала свою знакомую умной. Всего лишь бестолковая особа, с многозначительным видом говорящая жуткие банальности, еще и действительности не соответствующие. И внушительный возраст этому не помеха. Кто сказал, что дурак в старости превращается в мудреца? Он ведь просто становится старым дураком... Известная истина.

Так как Алла не ответила на выпад, а Марине хотелось пикировки, поэтому она продолжила:

– Вы выглядите очень любимой женщиной. Ухоженная, легкая, безмятежная. Простите за грубость, но как вы можете судить о том, что испытывает тяжело больной человек? Как вы можете решать, что он должен...

– Я ничего не решаю.

– Но вы ведь говорите, жизнь так хороша, и весь этот вздор... Легко так считать, если у вас самой все хорошо.

Алла весело засмеялась, поперхнулась смехом и закашлялась. Марина с воинственным видом пододвинула в ее сторону свой стакан.

– Мариночка, милая, так ведь и у вас все хорошо, в этот самый момент! Почувствуйте его, осознайте, здесь и сейчас. Почувствуйте сладость арбузного сока на своем языке. И то, какой прохладный стакан, в этой жаре особенно приятно, хотя он уже успел согреться, а весь лед растаял. Ощутите, как поток воздуха от вентилятора шевелит ваши волосы. Это не просто так случилось, вентилятор на вас направила вон та любезная женщина, официантка... А этот стрекот из зарослей, слышите его? Даже уличный шум не может заглушить! И как пахнет... В России никогда не пахнет так. В Корнуолле не пахнет так, там пахнет иначе, совершенно. И в Болгарии, и в Амстердаме. Так, как здесь, пахнет только здесь. Вот, глядите, едут сумасбродничать...

Мимо промчалась очередная безумная светящаяся коробушка на колесах, набитая развеселыми туристами и громогласным тынц-тынц-тынц. Марина заметила лишь разинутые в хохоте рты и шальные глаза.

– Мне нравится это место, – с нежностью, тихо призналась Алла. – Здесь так и подмывает поверить, что у всех вокруг жизнь удалась больше, чем у тебя. Правда ведь? Праздник жизни. Кажется, все эти люди счастливы, или довольны, или здоровы. Как-то ведь им удалось приехать отдыхать? Значит, и денег вдоволь, и время нашлось, и даже компания или семья – что лучше. Всем им повезло. Больше, чем мне, – думаете, наверное, вы. Или я. Или вот он.

Алла деликатно указала на обвешанного пакетами прохожего, с изможденным видом дожидającego замершую у витрины супругу. Под мышками и на груди его футболки расплывались темные пятна.

– А правда в том, что большинству кажется так, отчего-то. Но это далеко от истинного положения дел. Такова уж человеческая природа – в чужой тарелке всегда вкуснее, чужая жена всегда добрее, кошелек полнее, а ноша легче. Дай нам волю, мы бы и чужой гроб посчитали просторнее... А

ведь стоит только остановиться, всмотреться хорошенько – и мельчайшие детали начнут складываться в бесконечный узор. Как калейдоскоп. Мне нравится думать, что наш мир похож на калейдоскоп. Это красиво.

– Это раздражает, – парировала Марина. – Убежденность в том, что каждый день – это благословение, делает из нас идиотов.

– Я не убеждена в этом, и вас не убеждаю. Просто я к этому стремлюсь. Мне куда больше по душе перспектива стать, по-вашему, идиоткой, чем прозябать жизнь, коей осталось не так уж много, в жалости к себе и сожалениях. Поверьте, мне есть о чем сожалеть, и притом очень горько.

...После первого курса поехали на картошку. Окучивать. К вящей радости Алочки с биолого-почвенного и Вити с радиотехники, по жеребьевке им выпал один и тот же колхоз имени 8 Марта.

– Это судьба, – захлопала в ладоши Алла, когда Витя сообщил ей новость на заднем дворике универа. Алла поджидала его: сегодня оба закрывали сессию. Вдоль бордюров, будто живой, шевелился белый лебяжий пух тополей, короткое сибирское лето укрепляло позиции, и дождей не наблюдалось уже третью неделю. Витя вытащил из кармана барбариску и протянул девушке. Он-то знал, какая она сладкоежка.

Со студентом третьего курса кафедры радиотехники и профоргом Витей Ковровым первокурсница Аллочка познакомилась еще по осени, когда готовили сборный концерт для преподавателей ко дню университета. Слово за слово, перемигивание за улыбкой, они начали прогуливаться после занятий, выскребать дочиста металлические вазочки из-под мороженого в кафе «Восход» и засиживаться в кинотеатре «Баргузин», когда погода стала уж слишком немилосердной к юным влюбленным. Парой они были довольно заметной: спортсмен Витя, КМС по плаванию, косая сажень в плечах и мужественный квадратный подбородок с ямочкой, – и Аллочка, девочка-пушинка, расторопная, заливистая, как колокольчик, деятельная и вездесущая. Росточку в ней было маловато, но это с лихвой исправлялось жутко неудобными туфлями на каблуке-шпильке – и незаменимостью. За полгода она, первая по всем предметам в группе, успела организовать и новогодний концерт, и утренник для детей преподавателей, и поздравления с Женским днем, и праздник к 23 Февраля, настоящий, с военными песнями, полевой кухней во дворе университета и минутой молчания с горящими свечами, за которую одна студентка и старенькая завкафедрой почвоведения упали в обморок.

В деревне Алла тут же принялась хлопотать по призванию, раздобыла

патефон с пластинками для вечерних танцев и даже умчалась в райцентр – довольно большое село, из которого вернулась на телеге с подвыпившим киномехаником, киноаппаратом и жестяными коробками с бобинами. В них покоились «Чапаев», «Укротительница тигров» и «Алые паруса».

– Девчачий выбор, – пошутил Витя.

В ответ Алла показала язык:

– Кто в райцентр мотается – того и выбор.

Не подпуская Аллочку к тяжелым бобинам, Витя сам разгрузил телегу. А вечером, во время сеанса, когда она тихонько всхлипывала, глядя на красные паруса, плывущие по стене столовой, крепко сжимал ее руку. Рядом, кутаясь в ватники, утирали слезы другие девушки: к вечеру становилось зябко.

Четвертый день пребывания в колхозе выпал на день рождения Аллочки. Ей исполнилось восемнадцать. По этому случаю после работы на задах огородов разожгли большой костер, принесли гитару. Из темноты вынырнули два тракториста с водкой в телогрейке, а доцент Алексеенко, призванный контролировать молодежь, наоборот, улетучился куда-то. Поговаривали, что к поварихе Настасье на чай.

В самый разгар гулянья, когда Аллочка подбросила в костер пучок полынных веток и еловую лапу, чтоб так сильно не кусали комары, Витя потянул ее за руку:

– Пойдем что покажу.

Так они и оказались в школе. Это голубое здание позади разросшихся облетевших шиповников было совсем небольшое, одноэтажное, чуть больше сельского дома на две семьи. Здесь учились только младшие классы, а ребят постарше автобус возил в соседнее село. Витя каким-то образом еще раньше отпер входную дверь и провел Аллочку внутрь. В одном из классов он чиркнул спичкой, поджег большую свечу, капнул пару раз на крашеную половицу и закрепил свечку в лужице парафина. В дрожащем желтом свете стали видны несколько телогреек, брошенных в углу одна на другую, на стуле рядом с ними бутылка портвейна и газетный кулек с ирисками. В тень уходил ряд парт с поднятыми крышками.

– Сюрприз. Я хотел, чтобы нам никто не мешал.

Здесь, в этом классе, Витя и сделал Аллочке предложение. Протянул кривенькое деревянное колечко:

– Будешь моей женой?

– Буду. А то как же?

Колечко проворно скользнуло на мизинчик да там и осталось.

Она не собиралась оставаться с ним ночью, честно. Но ведь и спорить

тоже не хотелось. И обижать его не хотелось, он ведь старался, конфет добыл. И даже колечко, колечко сам вырезал, из сучка березового! В голове бесилась и вилась соблазнительная мысль: мы ведь скоро поженимся. Какая теперь разница – сегодня или попозже?..

Так получилось, что – сегодня.

Через неделю по возвращении Витя повел Аллочку знакомиться с мамой Капитолиной Аркадьевной и старшей сестрой Риной.

Девушка тряслась всю дорогу, одергивая рукава блузки и без конца поправляя букет из пяти чахлых гвоздик. Но оказалось – напрасно. За час до их с Витей прихода коммуналку, в которой Ковровы занимали две комнатки, затопило. У соседей сверху прорвало трубу, и теперь Капитолина Аркадьевна, забыв, что так и не сняла с волос бигуди, ползала по полу с тряпками всех мастей. Рина выливала ведра и пыталась просушить вафельными полотенцами стены. Алла всплеснула руками, сбросила туфли и кинулась помогать.

– Ох, теперь грибок все сожрет подчистую! – сокрушалась Витина мать.

– У меня бабушка медным купоросом выводила. И еще, кажется, уксусом, – припомнила Аллочка.

Капитолина Аркадьевна с удивлением взглянула на девушку, будто только что узнала о ее существовании, оглядела с головы до ног и улыбнулась:

– Может быть, тогда и нам поможет. Говоришь, медный купорос?

Витя в свою очередь пообещал, что перекрасит стены, как только все окончательно просохнет. И преподнес забытый в сумятице букет гвоздик. Мать приняла цветы с благосклонной улыбкой и тут же поведала Алле, что ее сын – мужчина каких поискать.

– Ну мам... – покраснел Витя.

– Говорю как есть, не спорь.

Общий переполох сгладил неловкость первых минут знакомства, и когда дело дошло до чаепития с тортом «Птичье молоко», за столом установился мир. Капитолина Аркадьевна, впервые представшая перед Аллой в бигуди, уже не казалась страшным монстром даже после того, как взбила кудри и переделалась в платье из искусственного шелка. Где-то в другой части жизни она, может, и была начальником отдела кадров на крупном предприятии, но здесь казалась просто гостеприимной и ласковой хозяйкой. Она подливала чаю с чабрецом и показывала альбом с фотографиями своих детей.

– А вот Витюшка наш совсем маленький. Тогда еще папа, муж мой

Гоша, был жив... А тут Риночка серьезная, насупилась... Я у нее игрушку взяла, сказала, что потом отдам, как сфотографируют...

– Рина – это сокращенно от Екатерины? – уточнила Алла.

– Нет, это Октябрина. Меня родители называли в честь «Капитала» Маркса, а в ЗАГСе записали неправильно. Надо было КапитАлина, а они, видимо, торопились. Написали через «о». И когда Риночку родила, решила, что хоть теперь нормальное имя выберу... – рассказывала женщина.

После этого Аллу еще несколько раз приглашали к Ковровым. И с каждой встречей Капитолина Аркадьевна нравилась Аллочке все больше. То они вместе подвязывали старыми тряпочками помидоры, которые женщина выращивала прямо на балконе в больших деревянных ящиках, то кипятили в тазах белое белье, то секретничали за чашкой чая. По большей части говорила будущая свекровь, а Алла слушала. Капитолина Аркадьевна часто поминала в своих речах покойного мужа-фронтовика.

– А какой красавец был, аж дух захватывало. Как увидела его, сразу поняла, что пропала. Правда, и он мне потом то же самое твердил. Ну, что с первого взгляда... – с гордостью говорила она, и на глазах у нее поблескивали слезинки. – Проклятая война. Сердце Гоши так и не забыло ее. Инфаркт – и это всего в тридцать пять лет. Жить бы еще и жить. Как же я порой по нему скучаю. Иногда ночью будто рядом кто-то на кровати лежит. Спросонья улыбаюсь, думаю, он. А потом глаза открою – нет никого.

Витина сестра Рина относилась к Алле ровно, без особой нежности. Может быть, оттого, что виделись они редко – Рина постоянно пропадала на работе в аптеке. Удивительно, как сильно отличались друг от друга брат и сестра. И без того невысокая, Рина постоянно сутулилась, туго заплетала жиденькие русые волосы и напрочь отказывалась подкрашивать брови и ресницы над водянистыми глазами.

– Риночка, ну хоть чуток поярче, – уговаривала Капитолина Аркадьевна. – Бровки. От них все лицо выразительнее становится. Я тебе и карандашик купила. Очередь в отделе была аж до галантереи.

– И так сойдет, – категорически отказывалась Рина. – Отдай Алле.

– Ну что ты будешь делать... – в сердцах бормотала женщина и склонялась к уху Алочки: – И ведь ухажеров-то ни одного, а все никак не поймет. Время идет, а ей хоть бы хны...

– Не переживайте, Капитолиночка Аркадьевна, – обнимала ее Алла. – Никогда не знаешь, где счастье подвернется, да?

– Ох, твоя правда, мудрая моя девочка...

Все говорило о том, что с годами свекровь и невестка будут обожать

друг друга. Алле было даже немножко обидно, что такой теплоты нет у нее с собственными родителями. Разве что только о свадьбе Капитолина Аркадьевна отозвалась сдержанно:

– Такие вы еще молодые, детки. Что ж так не терпится? Можно сначала институт закончить...

А потом грянул гром.

Сначала Аллочка не придавала этому значения. Тем более что никаких симптомов не было, по крайней мере тех, о которых шептались или шутили. По утрам не тошнило, соленького огурчика или сухарика не хотелось. Несколько раз проспала на первую пару, оторвать голову от подушки было невозможно. Она ложилась спать в девять вечера и все равно не могла выспаться.

– У меня, наверное, сонная болезнь, – как-то в шутку обмолвилась подруге. – Готова круглые сутки спать.

– И давно? – аккуратно поинтересовалась та. Она училась на курс старше, на кафедре зоологии позвоночных.

– Пару недель. А что? Прикидываешь, сколько длится инкубационный период? – пошутила Алла. Подруга озабоченно поцокала языком и поглядела по сторонам:

– Думаю, ты и сама догадаешься... Тем более что твоя муха цеце уже тут.

В эту секунду подошел Витя, и подруга ретировалась. Но над ее странным высказыванием Аллочка ломала голову еще некоторое время. А потом вдруг покраснела, встала как вкопанная и принялась судорожно считать.

А потом выложила все Коврову.

Он не испугался. Обдумал молча и вдруг просиял:

– Тогда, думаю, надо подавать заявление. Сегодня или завтра. И распишемся как можно быстрее. Согласна?

Как же в это мгновение Алла любила этого молодого мужчину! Его суровые, сросшиеся над переносицей брови, прищуренные от яркого летнего солнца глаза, волнующая ямочка на подбородке. Витя только что вышел из здания бассейна после тренировки, и его волосы еще не просохли. Он смотрел на нее сверху вниз, а она задрала голову и что есть сил обняла его, прильнула к широкой груди. Сердце его билось там мерно, уверенно, и Алла поверила, что все хорошо.

– Кто знает? Кто еще знает? Об этой... ситуации.

Капитолина Аркадьевна не поворачивалась, разглядывая нечто весьма

примечательное за окном. Алла невольно взглянула туда же, но не увидела ни души. Летний дождь заливал тенистый зеленый двор, песочницу и тропинку, вода звенела в водостоках. Это было слышно, потому что Витя приоткрыл форточку, и теперь капли разбивались об оконную раму и брызгами падали на внутренний подоконник и лохматый хлорофитум в тесном горшке.

– Никто, – ответила Аллочка. – Мы решили... сначала вам.

– Правильно. Хоть что-то сделали правильно.

– Подали заявление в ЗАГС, – добавил Витя. Капитолина Аркадьевна рывком повернулась к нему:

– Это еще зачем?

– Ну... как? – растерялся сын. – Надо же побыстрее...

– Надеюсь, не упомянули там особые обстоятельства?

Витя и Аллочка переглянулись и помотали головами.

– Ладно. Витя, проводи Аллу, а потом возвращайся. Мне надо с тобой серьезно поговорить.

К остановке шли молча. Ошеломленная Алла надеялась, что вот сейчас сквозь звон в ее голове проступят слова Вити. Что-нибудь о том, что мама не права, их уговоры в силе и они справятся. Но он помалкивал, и думы его были тяжелы – если судить по нахмуренным бровям.

Вечером того же дня в гости к Алле заглянула Рина. Хмуро осмотрев ее скромный закуток за шторкой и заплаканное личико, Рина протянула сверток из толстой коричневатой бумаги, в какую в гастрономе заворачивают колбасу.

– Зальешь тремя стаканами воды, доведешь до кипения. Потом дай настояться ночь и пей. Если с первого раза не получится, я еще принесу.

– Что «не получится»? – тихо переспросила Алла.

Рина вздохнула:

– Да выкинуть, что же еще! Как маленькая, честное слово...

– Я не буду. Ты что? Ты что?!

– А что я-то? Ты мозгами не думала, я тут ни при чем. – Рина вдруг рассердилась. Алла впервые заметила, какие мелкие у нее зубы, будто семечки, но с большими зазорами. – И вообще, разбирайтесь сами! А то все умные такие, прям слов нет!

Травы Аллочка спустила в унитаз. Зеленые сухие веточки долго не хотели тонуть, и она все дергала за цепочку, с трудом дожидаясь, когда бачок снова наполнится.

Своим родителям признаться у нее не хватало духу. Мама и папа, простые заводские работяги, были очень рады, когда она поступила в

институт, и теперь Алла не представляла, как сказать им о беременности. На их понимание она и не надеялась.

От нервов Аллочка не спала несколько ночей. Очень хотелось, но стоило только закрыть глаза, как от растерянности и паники ее едва не подбрасывало на скрипучем диване. Ее по-прежнему не тошнило, и физически она чувствовала себя так же, как и всегда. В ее животе никто не шевелился, не возникали неприятные ощущения, сколько бы она ни прислушивалась. А прислушивалась она постоянно, все ее чувства были сейчас обращены вовнутрь хлипкого тела. Так, может быть, она ошибается? Может быть, ложная тревога? Только вот женские дни по-прежнему не наступали, а такого никогда прежде не случалось. Аллочка готова была молиться всем богам, только бы все как-нибудь разрешилось. Как именно – этого она не знала. Она вообще не знала, как быть дальше. Никогда еще, ни до, ни после, она не чувствовала себя так сиротливо. Витя не заходил несколько дней, и оттого было во стократ больше и хуже. Его и в институте не было видно, хотя занятия уже начались.

Как-то раз он нашел ее в обеденный перерыв и протянул ей булочку с творогом. Она видела в буфете такие булочки, и ей до смерти хотелось одну, но денег не хватало, до стипендии оставалось два дня.

– Здравствуй, малыш...

Непроизвольно Алла заплакала. Ей так не хватало его голоса, его ласкового рукопожатия все эти дни, что теперь одно его приветствие прорвало дамбу отчуждения, которую она так рьяно выстраивала внутри себя. Они обнялись.

И вечером снова пришли к Ковровым. Алла надеялась, что за это время все как-то уладилось и Капитолина Аркадьевна смирилась со скорым прибавлением семейства. Ведь, в конце концов, не Рине же пришлось в голову нести Аллочке пакет с пижмой и шалфеем! Иллюзий она на этот счет не питала. И – да, со свадьбой они уже не успеют, все равно знакомые раскусят, что Аллочка выходит замуж «в положении». Но что уж тут поделать...

– Аллочка, девочка, ты меня пойми, – ломала руки Капитолина Аркадьевна. Она выглядела вполне искренне расстроенной и взволнованной и, увидев Аллу, даже обняла ее за исхудавшие плечики. – Я же не для себя стараюсь. Мне что? Я свое отжила. Я ведь за вас. Вы молодые еще, у тебя второй курс. Куда вам сейчас ребенка? Я что, против свадьбы возражаю? Нет, я, конечно, не в восторге, скажем прямо... Но уж если так приспичило – да женитесь, бог с вами! Но одно дело – жениться, и совсем другое – ляльку вам сейчас. Сами-то еще недоростки.

– Мы справимся, – едва шевеля спекшимися губами, прошептала Алла. И посмотрела на Витю в поисках поддержки. Тот изучал царапины и сколы, вода пальцем по лаковой столешнице.

– Да? А как, интересно, вы справитесь? Чтобы потом в жизни состояться, образование нужно. У Витеньки вся жизнь впереди. У... у тебя тоже. Учитесь, получайте дипломы, устраивайтесь по специальности и рожайте деток на здоровье! Я же первая их нянчить стану. Но только не сейчас. Знаю я, как это бывает. К нам на предприятие столько таких приходило. Вышку не окончили, квалификацию не получили. А ведь какие головы светлые! Прямо жалко смотреть даже. Зато – семеро по лавкам. И как уж они себя гнобят теперь. Да поздно!

Алле стало страшно. Все, что говорила Капитолина Аркадьевна, находило отклик в ней самой. Она и сама так думала – в теории. Вот бы сделать так, чтобы внутри нее никого не оказалось... Но только без аборта. Чтобы ребенок исчез, словно его и не было никогда, и все бы об этом забыли. Как было бы хорошо! Но это невозможно. Ребенок не фурункул, зеленкой не замажешь... Алла вспомнила, как беспечна была ее жизнь еще два месяца назад, и снова залилась слезами. Ах как тогда было легко! А сейчас... что делать-то?

Капитолина Аркадьевна продолжала, ободренная отсутствием внешнего сопротивления:

– Не порти себе жизнь. Не ты первая, не ты последняя в такую ситуацию попала. Я кто, чтобы судить?

– Я не знаю, что делать. Я... я не хочу.

– Чего ты не хочешь, детка? – Витина мама подседа поближе.

– Это же убийство...

– Вовсе нет. Даже законом разрешено.

– И что с того, что разрешено? Он же... живой.

– Фикус в горшке тоже живой. Но это мне решать, расти ему или нет, – резковато заявила Капитолина Аркадьевна, но тут же смягчилась. – Там внутри плод. Еще даже не сформировался. Сгусток кровяной. Что тебе за него держаться? Понимаешь, у тебя сейчас на одной чаше весов ваша с Витей счастливая жизнь, а на другой – этот вот сгусток. Вычистить его – и живите припеваючи. Это я тебе как взрослая женщина говорю.

– Это ведь ребенок, – еще тише попробовала возразить Аллочка.

– Это плод. Спроси любого врача. Ты ведь даже у врача еще не была...

– Я боялась.

– Видишь? Бедняжка, чего, наверное, только не передумала за эти дни... Ты и сама глубоко внутри понимаешь, что оставить это... было бы

ошибкой. К врачу не идешь, потому что не хочешь, чтобы еще кто-то знал. Ты умница, все сама отлично понимаешь. Нам эти домыслы не нужны. Не надо, чтобы имя Витино, мое да и твое на всех углах трепали. Да?

И Капитолина Аркадьевна обняла Аллочку левой рукой, а Витю правой и прижала обоих покрепче:

– Дети-дети... Маленькие детки – маленькие бедки, вот уж правду говорят.

Через два дня она отвела Аллочку за руку в больницу. Завотделением акушерства и гинекологии была ее давняя знакомая. Все устроили без лишнего шума, и даже в больничном листе об истинной причине нетрудоспособности студентки Градовой А. Н. не было ни слова.

Какое-то время Алла думала, что сможет. Учиться, улыбаться. Но недели шли, а все оставалось по-прежнему.

Она просыпалась с криком, каждую ночь. Все ей мерещилась кровь, пухлые марлевые прокладки, которые уносила медсестра каждые пять минут – как только они пропитывались насквозь. Ржавый запах, как от сырой говяжьей печени. Кажется, им пропахла вся палата. И наконец второй сладковатый наркоз.

– Алла, осложнения были слишком серьезными. – Завотделением куда-то торопилась и постоянно оборачивалась на дверь. – Кровотечение... Вы чуть не умерли у меня на столе. Пришлось вырезать матку. Так что задержитесь у нас еще на несколько дней, ничего не поделает. Мне жаль.

Сколько раз Алла потом находила ответы, обвинения, проклятия. Но тогда, услышав известие, не смогла выдавить из себя ни звука. Просто сползла по стеночке. Чертыхнувшись, завотделением полезла в карман за нашатырем.

В ноябре Алла забрала документы из института. Ей казалось невыносимым ходить туда, смотреть в лица однокурсников, у которых «все впереди», потому что ей самой впереди чудилась лишь темнота. И видеть Витю оказалось тоже невозможным. Она даже не стала с ним говорить после случившегося. Наверное, мать ему сообщила.

Долгими ночами она вспоминала день госпитализации, когда все самое страшное было еще впереди, только вот она об этом не знала. Но нет, знала, знала. Догадывалась. Желудок сводило от страха. Такая безысходность накатывала, будто ее в клетку посадили. Несколько раз она начинала собирать вещи в сумку, чтобы уйти, но с каждым движением ее решимость куда-то утекала и замещалась безвольностью. Соседки обсуждали вполголоса предыдущие аборты. Беременных, лежавших на

сохранении, благоразумно определяли в другие палаты.

– У меня это третий. Да детей двое, куда же еще...

– А у меня один, Максимка. В первый класс пошел. Муж сказал, может, через пару лет, а сейчас не время. Да и то верно, зарплаты не хватает.

– У нас в райцентре Федосья живет, повитуха. Так к ней все бабы чуть не в очередь стояли, особенно в войну. А сестра моя уже в больнице делала, тогда уж разрешили. Бегала, как на работу, – откровенничала сублинная блондиночка. – У нее то ли девять абортвов было, то ли что-то в этом роде. Сама мне говорила. А потом сказала, что теперь сует туда дольку лимона, после того, как они... ну, это...

Грянул общий смех:

– И что, помогает?

– После того, как узнала об этом, залетела только пару раз, – насупилась блондиночка.

– О-о, прогресс! – захохотали пуще прежнего.

Этот разговор Алла отчего-то запомнила на всю жизнь, слово в слово.

Родители ее не проронили ни звука, когда Алла бросила учебу. Уже само по себе это свидетельствовало о том, что о причине они догадались. Да и невозможно было не догадаться и не заметить, когда дочь живет за шторкой. Мама прятала глаза.

Алла устроилась в конно-спортивный клуб при ДОСААФе. Здесь пригодились и ее общие знания зоологии, и еще в детстве приобретенное умение общаться с лошадьми: каникулы она проводила в деревне и частенько верхом на гнедом Амуре пасла огромное деревенское стадо, когда колхозный пастух Колька уходил в запой и бегал в одном исподнем за огородами.

Сперва ее взяли просто в уборщицы, чтобы было кому чистить стойла, но вскоре, заметив, что смышленная девчушка отлично обращается с животными, замдиректора клуба Колесников сделал ее помощником инструктора.

Так прошла зима. Алла совершенно освоилась на новом месте. Ей казалось, что до прихода в клуб ее жизни словно не было. Будто она родилась в тот самый день, когда переступила его порог. Ее реальностью стали теплые рейтузы, колючая шерстяная шапка, низко надвинутая на лоб, громкий хруст свежего снега, поздние рассветы и пар, клубами вырывающийся из ноздрей фыркающих коней на прогулке. Звонко щелкающие на холоде щеколды, щетки, скользящие по темным шкурам, и лопаты, полные терпко пахнущего навоза, составляли ее бытие. Не думать,

не вспоминать. Только дышать иногда, до боли в груди. И хлопать по крутому лоснящемуся крупу. И гладить ладонями бархатный нос и длинную морду, заглядывая в умные всепонимающие глаза. Наедине с животными Алле становилось легче. Улетучился ее неумный пыл, теперь в Алле Градовой мало что, кроме внешнего вида, напоминало ту бойкую Аллочку, которая могла организовать институтский праздник за три дня, так чтобы никому не было совестно за происходящее на сцене. Задор сменился молчаливой внимательностью. Как подморозило.

Снег стаял, в лесу подсохла весенняя грязная размазня, на опушках яркими оранжевыми пятнами пламенели жарки^[11]. Алла влюбилась в долгие конные походы. Ей нравилась даже еда – вечные макароны с тушенкой и картошка с сайрой, булькающие в котелке над костром. Она изнывала, с нетерпением дожидаясь, когда соберется следующая группа: подростки и взрослые шли в клуб менее охотно, чем взрослые приводили своих отпрысков, а от детей Алла предпочитала держаться как можно дальше. Она осмелела настолько, что однажды отказалась подменить приболевшего тренера детской группы. Колесников выразительно поднял брови, ожидая объяснений, но так и не дождался.

– Характер у этой Аллы – дай боже... – в сердцах бросил он вполголоса, когда девушка отошла подальше. Его сын Борис, стоявший рядом, только понимающе хмыкнул.

В один из ничем не примечательных вторников Алла затягивала подругу потуже, стоя на краю манежа, как вдруг из-за ее спины раздался громкий детский плач. Ему предшествовал глухой удар и мгновение кромешной тишины, которое сопровождает обычно не очень хорошие происшествия.

Девочка плакала, закатываясь, силилась вдохнуть и не могла. Возле нее, сидящей на полу с неестественно вывернутой рукой, бестолково суетилась молоденькая инструкторша Саня Осипова. Лошадь нервничала и всхрапывала.

Алла подскочила к девочке:

– Что?

– Упала... Упала... – твердила Саня как заведенная и пальцем опасно гладила девочку по плечу, будто этим можно было помочь.

– Звони в «Скорую»! – гаркнула на нее Алла, и Саня моментально повиновалась.

Алла не отдала девочку бригаде врачей. Она залезла в расхристанный «уазик»-«таблетку» и всю дорогу пыталась укачать рыдающую девочку, имени которой не знала.

Девочка звала маму.

Ребенок, к счастью, отделался лишь закрытым переломом. Саня, очевидно, из клуба дозвонилась родителям, потому что мать примчалась еще до того, как успели загипсовать. Она требовала у Аллы объяснений, накричала, обозвала идиоткой, когда Алла не смогла объяснить толком, что произошло, потому что сама этого не видела, и наконец перестала обращать внимания, как только девочку на каталке повезли в палату.

Алла вернулась в клуб. Там, в дальнем, давно пустующем стойле с ней и случилась истерика. Она билась головой о деревянную переборку, грызла кулаки, все тело колотила крупная дрожь, накатываясь волнами, как приступами. Лошади перепугались и стучали копытами, засовы ходили ходуном. Алла то приходила в себя, то почти теряла сознание и даже не сразу поняла, что уже не одна, что кто-то хватает ее за плечи, прижимает к себе, гладит по голове.

Почувствовав чужие руки, она задергалась, силясь высвободиться, но тут же прильнула обратно, еще не разглядев лица этого человека. И снова ненадолго отключилась.

Очнувшись, она тут же узнала в человеке, до сих пор державшем ее в своих руках, Бориса, сына Колесникова. Парень был на несколько лет старше нее, и до этого дня они почти не общались. Борис постоянно тренировался, ездил на всесоюзные соревнования и брал призовые места по выездке. В него была беззаветно влюблена Саня Осипова, и поговаривали, что именно из-за него она стала инструктором.

Сейчас Алла и Борис сидели на полу, обнявшись. В ее голове до сих пор гудели слезы, и так теснило грудь, что не вдохнуть. Невнятно, как пьяная, она стала говорить. Сначала бессвязно. О Вите, о неродившемся ребенке, который мерещится ей по ночам, то окровавленный, то в пеленках, ловящий собственные пальцы, то бегающий по лужам... О своей теперешней несостоятельности. О том, что она навсегда проклята, что ей нет ни прощения, ни спасения, ни жизни больше.

Наверное, часть ее хотела, чтобы ее утешили. Чтобы этот случайный свидетель ее горя и раскаяния хоть чем-то ее реабилитировал, оправдал, признал, что выбора не было. В то время как другая часть жаждала отмщения, прилюдного позора. Пусть, пусть он расскажет всем, пусть вывалит ее историю на осмеяние, она это заслужила...

Но Борис промолчал. Когда она выговорилась, так что на него глаза уже не поднимались, он просто легонько поцеловал Аллу в волосы надо лбом, помог подняться и вывел из стойла. У конюшни они разошлись в разные стороны. И историю Аллы никто в клубе никогда не узнал.

Через несколько дней Алла заметила, как Борис направляется к ней, и вся сжалась. Ей не хотелось обсуждать недавнюю свою слабость.

– Алла, там тебя спрашивают, – сообщил он. Кажется, чем-то разозленный.

Алла спешила и отвела лошадь.

В дверях клуба она остолбенела. Прямо напротив входа, на дерматиновой кушетке под объявлением о наборе в летний лагерь сидел Витя Ковров. Увидев ее, он медленно поднялся.

Только сейчас она почувствовала, как скучала по нему. Она смотрела и не могла насмотреться. В вестибюле стало так светло, так ярко, что болели глаза. Будто здесь вошло солнце. Алла вполне могла бы взглянуть в окошко, чтобы убедиться, что снаружи по-прежнему дождит, если бы не испугалась, что мираж вот-вот рассеется, Витя исчезнет, а ей останется лишь горечь.

Видимо, что-то в ее облике, в выражении ее лица дало Вите надежду, потому что он шагнул вперед. Мимо сновали родители, пришедшие забрать детей с секции, мальчик ползал под скамейкой в поисках ботинка, уборщик дед Елисей кряхтел и елозил шваброй по полу. Но Витя и Алла этого будто не замечали. Витя, наконец приблизился вплотную и принялся целовать ей руки.

– Что ты делаешь... смотрят... – шептала Алла, ошалело глядя на него сияющими глазами.

– Пусть. Пусть смотрят. Пусть знают. Мне все равно. Главное, что ты здесь.

Вскоре они тихо расписались. Хотя Алла и была против.

– Нет, не согласна, – ответила она, когда Витя снова попросил выйти за него.

– Почему?

– Ты сам знаешь. На что тебе жена, которая не родит детей?

Витя едва заметно поморщился, словно предпочел бы не произносить такое вслух.

– Не надо так, Аллочка. Понимаешь... Я без тебя не могу. Мне никого, кроме тебя, не надо! Никого!

– А потом? Потом, лет через десять? – не сдавалась она. – Ты будешь думать так же?

– Я всегда буду думать так же. А ты?

Она промолчала, чувствуя, что, если скажет еще слово, голос начнет дрожать. Витя расценил это как сомнение и зачастил:

– Я в тебя влюбился с первого взгляда. Ты только впорхнула тогда в актовый зал, и я сразу понял: вот та девушка, которая будет моей женой. Ничего ведь с тех пор не изменилось! Не изменилось, понимаешь? Я жить без тебя не могу! Если бы ты знала, как мне тяжело было. Все эти месяцы... Ты пропала, и я... Понятия не имел, где ты! Я места себе не находил, чуть с ума не сошел. Не отказывай мне, пожалуйста...

– Мне тоже было тяжело.

На свадьбу не звали никого, кроме родителей и свидетелей. Скромно посидели и разошлись. Капитолина Аркадьевна подсуетилась и выбила молодым комнату в коммуналке, страшненькую, с осыпающейся штукатуркой, зато почти в центре, за автовокзалом.

Через год Алла восстановилась в институте, правда, на заочном, продолжая параллельно с этим работать в конно-спортивном клубе. Те, кто помнил ее еще Градовой, удивлялись и умилялись перемене, произошедшей в характере девушки.

– Вот что значит замужество. Остепенилась, посерьезнела. Молодец, – с удовлетворением заключали пожилые преподавательницы.

Вопреки расхожей поговорке о свинье, которая знает все, что знают трое, об истории Аллиной беременности никто не распространялся. Институтскую подругу по распределению отослали на Дальний Восток, Ковровы молчали. С Борисом Колесниковым Алла почти не общалась, вскоре после ее истерики на конюшне он занял призовое место в чемпионате СССР и вошел в олимпийскую сборную. Ему стало явно не до болезненных тайн дальней знакомой.

Со стороны могло показаться, что брак Аллы и Вити идеален. Коллеги, соседи – все не переставая твердили об этом и ставили Ковровых в пример своим супругам во время ссор или детям, чтобы те знали, к чему стремиться в будущем. И правда, было чем любоваться. Виктор не пил, не курил, не был замечен в игривых разговорах с женщинами и по воскресеньям носил с рынка тяжелые сумки и банки с керосином, пока Алла шла рядом налегке. Он заезжал за ней на работу на своем велосипеде, и Алла, пересев с конного седла на велосипедное, ехала за ним следом по узкой тропинке через рожицу, тренькая звончком. Зимой посещали областной драмтеатр, и в антракте прогуливались под ручку мимо стеклянных витрин с макетами старых декораций и фотографиями труппы. К Первому мая заранее срезали ветки тополя, чтобы успели распуститься яркие листочки, и вместе мастерили из бумаги белые и розовые бумажные цветы. Алла обожала ходить с таким букетом на демонстрацию.

Летом, когда жена отправлялась в конные походы, Витя тут же

собирался на рыбалку с коллегами. Сам он верхом не ездил.

На вопрос, любит ли она своего мужа, Алла ответила бы без промедления. Но никому бы не призналась, что к любви, иногда охватывавшей ее так внезапно, нежно и остро, примешивается и чувство не то сожаления, не то стыда. Она думала, что ущербна. И что Витя, будучи ее супругом, конечно же оказывает ей этим большую милость.

Во многом такому ощущению способствовала и Капитолина Аркадьевна. Нет, впрямую та ничего не говорила. Но вполне могла на семейный обед по какому-нибудь случаю позвать и свою коллегу с внуком, чтобы весь вечер кудахтать над ребенком, предвосхищая любое его желание, и вздыхать с затаенной, но такой очевидной для всех грустью. Правда, когда Рина вышла замуж и одного за другим родила двух мальчиков, все внимание Капитолины Аркадьевны переключилось на них.

Муж Рины Виталик был старше нее, плотный, одутловатый и с неременной ухмылочкой на мокрых губах, такой, будто говорил: «Знаю я, все знаю, все грязные секретки в радиусе километра». Аллу от него прямо-таки воротило, хотя она и держала себя в руках: все-таки Витин родственник, а она давно обязала себя быть безупречной женой, чего бы это ни стоило. Но и ее терпению пришел конец, когда однажды Виталик распустил руки.

Дело было в пансионате, куда обе семьи выбрались на выходные. Рины с детьми и Вити рядом не было, и тогда Виталик предпринял активную попытку залезть к Алле под юбку. Быстрее, чем полностью сообразила, в чем дело, она уже отвесила ему оплеуху и вскочила.

– Ты что? Дура? Больно же! – Виталик схватился за щеку. Он выглядел искренне ошарашенным.

Они оба вытаращились друг на друга и активно соображали, как поступить дальше. Виталик осторожно пощупал щеку пальцами:

– Что я теперь Ринке скажу?

– Что ты меня лапал, вот что! – негодовала Алла. Происходящее не укладывалось у нее в голове. – Виталик, у тебя же дети. Я же твоя родственница!

– Ой, вот только не надо из себя недотрогу строить! – Мужчина, презрительно хмыкнув и полностью, кажется, утратив к ней физический интерес, подошел к зеркальцу, косо висящему возле двери на серой веревочке. Он с серьезным и немного обиженным видом рассматривал бурый отпечаток ладони на своем лице – у Аллы оказалась тяжелая рука.

– Все знают, что у тебя Витька только прикрытие, а сама мужиков меняешь как перчатки! – выдавил он, не глядя в ее сторону.

Алла задыхнулась от несправедливости и того, с какой незыблемой простодушной уверенностью Виталик это произнес.

– Какая же ты сволочь, – покачала она головой.

– Что, скажешь, не так? Скажешь, не ты замуж по залету выскочила? Нагуляла где-то, Витьку-лопуха на себе женила, а потом – опля – и от ребенка избавилась. Ай молодца, Алка, так держать. Только я-то тебе чем не угодил, а? Чем не хорош?

– Да что ты несешь? Замолчи! Тебя ведь там и в помине не было! Откуда такая злоба? Что я тебе сделала?..

Виталик хитро сощурился:

– Правда глаза режет?

Алла выбежала за дверь.

Витя, возвращаясь с Риной и детьми, нашел ее на скамейке в дальней аллее. Пахло грибами и скошенной травой, и эти идиллические ароматы никак не вязались с ее зареванной физиономией.

– А почему тетя Аля плачет? – спросил один из мальчиков и протянул ей букетик красного клевера.

Но Рина позвала обоих сыновей и увела прочь.

Витя и сам был не прочь узнать, почему плачет жена. Она долго мотала головой и отказывалась говорить и даже сбрасывала его руку со своих плеч, противясь принять утешение.

– Ты знаешь, какую мерзость распускает про меня твоя сестра? – наконец решилась она. – Что говорит своему мужу обо мне? Знаешь или нет?

– Аллочка, ты о чем? Какая мерзость? – Витя растерялся.

– Знаешь или нет? Говори! Витя, если ты сейчас будешь юлить, я не представляю что сделаю...

– Нет. Я не знаю. Я даже приблизительно не понимаю, о чем речь! – воскликнул Витя.

Алла глубоко вздохнула. К ней будто вернулось затуманенное гневом зрение, только еще острее прежнего. Она увидела и кирпичную крошку, которой засыпана дорожка, и сочный рослый одуванчик, пробившийся сквозь нее, и содравшуюся краску на поручне скамейки. Она скovyрнула синюю чешуйку ногтем. От порыва ветра с цветущей яблони-дички полетел белый снег.

– Витюш, поедem домой, пожалуйста...

Ни до, ни после случая с мужем Риной до Аллы не доходили подобные сплетни. Скорее всего, она оказалась права в своей догадке и всерьез

злословила на ее счет только Рина, да и то лишь с мужем наедине. По крайней мере Капитолине Аркадьевне бы такое явно пришлось не по душе.

Время шло, и вскоре Алла, а точнее, ее внешность все-таки стала предметом непрекращающейся зависти и толков. Дело в том, что Алла Коврова не старела.

В каждом населенном пункте, районе да и просто в достаточно крупном человеческом сообществе непременно встречается подобная женщина. «Приятная во всех отношениях», если пользоваться словами классика. Алла стала именно такой. Достойная спутница своего мужа, не унижающая, не упрекающая его ни в чем и не вызывающая упреков сама, всегда гостеприимная, неброско покрашенная, приветливая. С прямой спиной и причесанными волосами – иногда казалось, что она и ночью так выглядит. Каблуки Алла снимала только на работе, переодеваясь в спортивную форму и сапоги.

Внешний вид стал ее религией, а спорт – образом жизни. Кроме верховой езды, которой она занималась в силу рода деятельности, Алла начала бегать по утрам, наматывая круги по стадиону. Эти минуты, когда можно ни о чем не думать, отдавшись ритму, пульсу, – были для нее так же дороги, как долгожданные многодневные походы, выдававшиеся всего несколько раз за быстротечное сибирское лето. Бегала она и в стужу, и в жару. А вот Витя плавание бросил и только изредка наведывался в бассейн размяться.

– Неужели ты настолько боишься располнеть? – сокрушалась Капитолина Аркадьевна, когда навещала их с Витей и встречала Аллу еще на подступах к дому, взмокшую, с красным лицом и затуманенными глазами. Заверениям невестки, что ей просто нравится бегать, она явно не верила. Их отношения уже никогда не вернулись к тому дружелюбию, каким могли похвастаться сразу после знакомства. И Алла не могла утверждать с крепкой уверенностью, могли ли и прежде – в действительности, а не в ее наивных представлениях.

Алла следила за питанием. Даже Витя, любивший соблазнять жену сладостями, до которых она была так охоча, сжалился над нею, и теперь рогалики, шоколадные эклеры и плюшки с ягодным повидлом возникали на расписной жостовской тарелке посреди стола только раз в неделю. Чего он не знал, так это всевозможных процедур, к которым прибегала жена ради сохранения молодости и красоты по утрам, когда он уходил на работу, а она только собиралась. Алла накладывала на лицо маски из водорослей и глины, пила желатин, заваривала чай из ромашки, терла кожу кофейным скрабом и оборачивала ноги целлофаном. Ей казалось, что все, что она

может сделать для Вити, – стать образцовой женой и женщиной. Мед, ламинария, морская соль, отвар шиповника – чего только она не перепробовала. И результат не заставил себя ждать. Когда соседки и знакомые спрашивали ее, в чем секрет, она лучилась радостью и сообщала об отличной наследственности и долгих прогулках на свежем воздухе.

– У нее просто детей нет, вот и все секреты. Как родит – вот тут и посмотрим, – шушукались они, стоило ей отвернуться. – И Витька золото, а не мужик. Мой бы был такой, а обормоты вели б себя прилично, глядишь, и я бы раскрасавицей стала!

Виктор женой гордился. Ему было приятно, когда на новогоднем вечере в конструкторском бюро, куда он устроился после института, его Алла оказывалась в центре внимания. Общительная, изящная... Но новогодний вечер случался нечасто. Гораздо больше времени Ковровы проводили врозь. Алла до позднего вечера пропадала на конюшнях, преподавая верховую езду, убирая в стойлах, заменяя других тренеров. Витя, благодаря безупречному личному делу и нескольким благодарностям от начальства, попал на секретный проект, рассказывать о котором запрещалось.

– Как дела на работе? – этот вполне мирный вопрос жены всегда имел последствием его смущенный вздох:

– Ты же знаешь... Мне нельзя.

А посвящать ее в тонкости жизни внутри коллектива, как то обожают женщины, он просто не умел.

– Я не запоминаю, кто что сказал и что ответил, ты же знаешь... А у тебя как день прошел?

– Ты же знаешь, – парировала Алла. – «Смешались в кучу кони, люди...»

Она могла бы с восторгом рассказать, что кобыла Сирена родила жеребенка Арса и что Алла ассистировала ветеринару на родах, которые проходили с осложнением. И что вороной Икар едва не сломал ногу на прогулке. И что инструктор Ира Лыскова завела роман со студентом. И что в младшую группу привели мальчика с ДЦП. И что к деду Елисею привезли на каникулы внучку и они теперь неразлучны, а старик весь светится от радости, как стоваттная лампочка. И что позавчера над лесом стояла двойная радуга... Но почему-то закрывала рот и шла разогревать ужин.

Через несколько лет Витя скопил на «Жигули», а Алла завела пушистого алабая по кличке Ларс. Немилости соседей по коммуналке избежать удалось лишь потому, что Алла брала его с собой на работу.

Вскоре Ларс вымахал в огромного зверя, и прозвище «дама с собачкой», которым наградил Аллу младший Колесников, приобрело еще более ироничный оттенок.

Сам Борис по-прежнему участвовал во всесоюзных и международных соревнованиях и частенько привозил оттуда медали. Он женился на Сане Осиповой, и теперь у них подрастал сын Игорек, тот еще разбойник. Алла частенько присматривала за ним, пока Саня вела занятие.

Оглядываясь назад, на прожитую жизнь, Алла вспоминала разрозненные истории, случавшиеся с нею, с конно-спортивным клубом, с Витей. Кусочки, лоскутки. Как они отстаивали Колесникова-старшего на посту директора, когда ему грозило увольнение, и как провожали на пенсию. Как участвовали в параде на 9 Мая. Как в лесу заблудился десятилетний мальчик и вся местная школа искала его двое суток. События вспоминались в произвольном порядке, ни к чему не присоединенные. Алла не имела возможности нанизать бусины своей жизни на нитку жизни детей, как это случается с большинством взрослых. Она не могла оперировать временными метками «когда ребенку было три года», «когда он пошел в школу», «за месяц до выпускного». Мерилом ее жизни стала только ее жизнь. И жизнь ее с Витей пары. У этой пары было яркое и довольно драматическое начало, много лет спокойного и вполне мирного существования, с ссорами раз в месяц и отпуском раз в год, мелкими болячками, хозяйственными хлопотами вроде ремонта на кухне, в ванной, в комнате. О том, каким будет конец, она не догадывалась. Через десять лет после свадьбы Витю повысили на работе, через двенадцать выделили двушку в панельной новостройке. Через двадцать Капитолина Аркадьевна вышла на пенсию и принялась донимать всех родных заверениями, что скоро непременно умрет и у нее развивается какое-то страшное заболевание, которое просто пока не диагностировали... Алла тем временем бегала городские марафоны, преподавала верховую езду, возглавляла турпоходы и экскурсии. Научилась играть на гитаре и вышивать крестиком, но последнее ей не понравилось – слишком нудно, хоть и в итоге красиво. В свободное время она давала уроки вузовской преподавательнице английского, с юности грезившей лошадьми, а та взамен учила ее языку. Овладев английским, она стала поглядывать в сторону итальянского – ей нравилась его южная протяжность и озорство из фильмов с Адриано Челентано. Будучи признанным гуру здорового образа жизни в своем районе, Алла вполне могла бы вести тренинги, если бы в то время кому-то пришла в голову подобная светлая мысль. Но в ту пору все поголовно увлекались оккультными науками, гаданиями, агни-йогой и

Кашпировским.

Время не просто шло, оно именно текло, проскальзывало, просачивалось. На конюшне одни лошади сменялись другими, в клуб приходили новые воспитанники и вскоре уходили по зову своей жизни. Алла не всегда знала, как у них эта жизнь складывалась, редко кто забегал их проведать. Давно уже сменился директор, а за ним и все инструкторы, так что она незаметно для себя оказалась старожилом.

Конечно, со временем Алла поняла, что Витя совсем не тот бравый и крепкий красавец-комсомолец, в которого она влюбилась. На осознание этого ушло не так уж много лет. И, само собой, он был и бравым, и красивым, и комсомольцем – но не только. Еще он оказался довольно безвольным, часто поддакивающим своей матери, не принимающим собственных решений. Те красивые жесты, которые так умиляли всех вокруг, являлись лишь формулой, вбитой в голову той же самой Капитолиной Аркадьевной еще в его юности. «Женщину надо любить», «женщине надо помогать», «женщине надо носить цветы», твердила она сыну, подразумевая под женщиной прежде всего себя. Алле хватило ума не противостоять свекрови, но каждый раз при мысли о том, что им придется когда-нибудь делить одну жилплощадь на всех, ее передергивало. А цветы Витя притаскивал домой исправно, каждый месяц девятнадцатого числа – в день свадьбы. Иногда Алла с улыбкой прикидывала, что за потраченные за эти годы деньги на букеты вполне можно было бы купить еще одну машину... Но все-таки Витино внимание отзывалось нежностью в ее душе.

Ее чувства к мужу приобрели оттенок дружбы. Он храпел по ночам, она чутко спала, даже если отправлялась на пробежку вечером или проводила на воздухе весь день. Так что ночевали они врозь, Алла на кровати в спальне, Витя на раскладном диване в проходной комнате. Что не мешало им, как и прежде, ходить в областной драмтеатр зимой и ездить за лесной земляникой летом. Алабай Ларс обожал вылазки на природу и по ночам глухо рычал, глядя в темноту позади палатки. Днище в «Жигулях» прогнило, но Витя его починил. В последнее время он все чаще пропадал в гараже и даже преуспел в автоделе. Там, вместе с другими мужиками, он засиживался допоздна. Алкоголем от него пахло редко, так что Аллу это вполне устраивало. «Не баба, а золото» – так отзывался о ней Витин товарищ Михалыч из третьего подъезда, всегда подшофе и в некогда синей майке «Спартакиада-79». Самого Михалыча неоднократно и многословно, на весь двор чехвостила жена Галка и однажды даже отхлестала полотенцем.

Так и жили. Алла давно выглядела моложе мужа, Витя обзавелся

пузиком и лысиной. Конструкторское бюро перестало функционировать в начале девяностых, и он устроился теперь в магазин радиоэлектроники, подрабатывая заодно и в починке. Пока в один день все не полетело в тартарары.

Вообще-то все полетело туда намного раньше, только вот Алла об этом не подозревала. Извечный вопрос: когда случается несчастье? Тогда ли, когда оно действительно происходит во времени и пространстве, когда неправильно делится клетка, запуская болезнь в глубинах человеческого организма, или когда автомобиль родителей вылетает на встречную полосу под огромную фуру? Но ведь в тот момент человек, оказавшийся сиротой или неизлечимо больным, еще не знает о своей участи. А если сирота живет, например, в другой части света, в джунглях, на полюсе и связаться с ним невозможно, он еще много месяцев способен жить в счастливом неведении, считая свою семью полной, пока на могиле родителей вянут последние цветы...

У Вити стало плохо с сердцем. Прямо на работе он сперва замолчал на полуслове, перестав доказывать начальнику свою правоту, потом присел за прилавком, посерел лицом и губами и схватился за грудь.

– Как же так, он ведь плаванием занимался! Никогда не жаловался на сердце, я всю жизнь рядом! Мы сорок лет вместе прожили, – не унималась Алла, когда в горбольнице кардиолог известил ее о мелкоочаговом инфаркте миокарда. Народное название «микроинфаркт» ее не обмануло. Врач пожал плечами:

– Что я могу сказать? Случается. Даже с тренированным сердцем. Возраст берет свое. Но вы-то молодая, вам это только предстоит.

Алла не знала, то ли радоваться комплименту, то ли возмущаться циничным пророчеством. Она забрала мужа домой на третий день и со всем пылом женщины, осознающей свой брачный долг, принялась выхаживать Витю. Даже взяла отпуск в спортшколе, где после перестроечного упадка все наладилось с появлением детей нуворишей.

Вернувшись однажды с пробежки, Алла присела передохнуть на скамейке у подъезда. Окна их с Витей квартиры, что располагалась на первом этаже, были открыты. Ларс давно умер от старости, и больше животных в доме она не хотела (слишком уж больно расставаться), пока прошлой весной не подобрала на мусорке исхудалую трехцветную кошку с обрубленным хвостом и гноящимися глазами. Теперь эта мохнатая бестия разлеглась на подоконнике, свесив на улицу заднюю ногу, подергивая кончиком хвоста и поглядывая на хозяйку свысока.

Подставлять потную спину прохладному ветерку было не лучшей

идеей, но Алла слышала высокий и напористый голос Капитолины Аркадьевны, доносящийся из кухонного окна: Рина завезла мать погостить. Так что домой не особенно хотелось. Еще минутку, решила Алла.

– И сколько ты еще будешь тянуть? – донесся до нее вопрос Капитолины Аркадьевны. Несмотря на преклонный возраст, женщина превосходно себя чувствовала, хотя и тщательно это скрывала. – Сколько можно ее мурыжить?

– Мам. Ты же понимаешь, как все непросто... – промямлил Витя.

– Витюхин, у тебя всегда все непросто! – хохотнула Рина.

Алла услышала, как звякнуло стекло – наверняка Рина привезла с собой бутылку полусладкого молдавского. Прикончит ее в одиночку, как всегда.

Витя в ответ буркнул:

– Зато у тебя все просто!

– А чего усложнять? Включи мозг хоть раз. Или тебе напомнить?

Тут Капитолина Аркадьевна перехватила инициативу:

– А ты не думал, что чуть не умер? Это ведь знак переменить свою жизнь.

Витя вздохнул:

– Не преувеличивай. Это знак, что у меня проблемы со здоровьем.

– Вот именно. Такие сигналы должны быть расценены человеком как указание задуматься и решиться... Тем более что первый, второй и бог знает какой шаг ты уже сделал. Тут и решать ничего не надо, и так все ясно как день. Надо только ей сказать, да и дело с концом. Не хочу никого принижать, но ты и так довольно натерпелся. Всю жизнь посвятил этой женщине. По собственной воле отказался от детей, а для мужчины это сродни подвигу. Все эти годы я молчала и думала только о том, какая доля выпала моему единственному сыночку...

– Мам. Но ведь я не специально...

– Вот и я говорю. Ты знал, на что шел, и сорок лет это стоически выдержал. И ведь ради чего? Великой любви? Как мы все помним, вопрос отцовства тогда стоял довольно остро. Так что великая любовь... прямо скажем, сомнительна.

Витя хотел что-то сказать, но потом махнул рукой и открыл кран, чтобы наполнить чайник.

Алла опомнилась уже на бегу, в парке. Кровь бушевала в черепе и заливала свинцом грудь. Перед глазами стоял Витя. Молчащий, махнувший рукой. Он никогда не мог заступиться за нее перед матерью, ни тогда, ни сейчас. А ведь прошла целая жизнь. От горькой обиды Алла побежала

быстрее.

Только возвращаясь домой под вечер, не чуя под собой земли от усталости, она осознала, что после первой пробежки сделала почти марафон, сама того не планируя. А еще – что так и не уяснила, к чему подталкивали Витю. Она готовилась вернуться и серьезно поговорить с мужем: о том домысле, который, оказывается, был прекрасно знаком Капитолине Аркадьевне. И о Витином не-заступничестве. В конце концов, Алла заслужила хотя бы уважение. Ведь ее едва ли можно было хоть в чем-то упрекнуть за годы долгого брака. Про себя она уже выстраивала разговор, собиралась припомнить и настойчивые ухаживания мужчин, оставшиеся без ее благосклонности, и ту давнюю историю, трагическую глупость, юношескую несмышленность и трусость, оставившую их без детей. Половина вины все-таки ведь лежит на Вите. Черт, пусть же он наконец признает это! Пусть они поговорят откровенно, хоть этого разговора и пришлось ждать без малого четыре десятка лет...

Квартира встретила прохладой и сумерками.

– Вить, я дома! – Голос Аллы отозвался звонко, и она тут же ощутила, что в квартире нет людей. Кошка вышла в коридор и потерлась гнутой спиной о косяк.

Сначала Алла испугалась, что сестра и мать довели Витю до еще одного приступа. Но аптечка оставалась на месте, нетронутая, неразоренная. Тогда Алла прошла по комнатам, заглянула в ванную и в изнеможении догадки вдруг присела на край чугунной чаши. В стаканчике из матового стекла стояла только ее зубная щетка. С полочки исчез бритвенный набор, старый помазок с рыжей щетиной, банка пены, мочалка из лыка. В прихожей не было мужниных тапочек. Уже сообразив, к чему готовиться, Алла все же вернулась в комнату и распахнула шкаф. Так и есть – Витина половина полок и плечиков пустовала. Чемодана в углу за шторой тоже не было. Надо же, как в кино. Насмотрелся.

Алла засмеялась. Она никак не могла остановиться, до того вопиющей и забавной показалась эта ситуация. Неужели свекровь и сестра уговорили ее мужа уйти? Вот несурaziца. И ведь даже записки не оставил, не говоря уж о том, чтобы в глаза озвучить решение. И это после стольких лет. Вот умора. Ну Витька, ну выдал на старости лет!..

От смеха у нее кололо в боку.

Через несколько дней Алла все же выяснила подробности. Да никто и не скрывал особенно. Новая женщина Вити, Оля, давно уже общалась с его знакомыми и родственниками, так что Алла чудом пребывала в неведении. Остается только вообразить, с каким самозабвением эта история

обсуждалась и мусолилась всем районом.

Ольге исполнилось тридцать два. И полгода назад у нее родился сынишка. От Вити.

Узнав только это, главное, Алла запретила себе допытываться до частностей. В те дни она действовала настолько рационально, будто ее инстинкт самосохранения в содружестве с психикой выработали красный протокол «угроза жизни».

Она сменила замки входной двери и номер телефона. Сложила в пакеты и вынесла к мусорным бакам все Витины вещи, которые не понадобились ему в течение двух недель. В дорогом новомодном салоне на улице Фурье она приказала парикмахеру отстричь ей косу и соорудить что-нибудь легкое и стильное. Результатом вышла асимметричная растрепанная стрижка, омолодившая ее лет на десять.

– Стоило ли всю жизнь мучиться с длинными волосами? Какая же глупость! – воскликнула она, поворачиваясь то так, то эдак перед зеркалом и поправляя прическу. Кончики приятно пружинили.

Обручальное кольцо Алла отнесла в ломбард, а на полученные деньги сделала маникюр и педикюр.

Все ее слабости безжалостно отслеживались и отменялись: вместо слез сожаления субботним вечером – отжимания от пола, вместо пролистывания семейного альбома – пятьдесят приседаний. И какао без сахара, ведь шоколад подстегивает серотонин, гормон радости... И бананы, в них много калия. А в пятницу бокал красного сухого и можно идти в кино.

Со временем стало легче. Только когда острота переживаний пошла на спад, Алла смогла признаться себе в том, что Витин уход был ударом, который она едва пережила. Но, пережив, поняла, что страшнее с нею уже ничего не случится. Надо было лишь признать тот факт, что она всегда была одна и могла рассчитывать только на саму себя. Ведь когда бежишь марафон, наличие мужа не может поддержать спазмированные мышцы и снизить сердцебиение. А жизнь – она марафон и есть.

И еще у нее осталась ее любимая работа, ее отрада и отдохновение. Ее лошади, все так же всхрапывающие на морозе и с хрумканьем берущие из ладоней яблоки. Ее воспитанники всех возрастов, от пенсионеров до младших школьников, к которым Алла уже давно относилась без опаски. Ее многодневные походы, когда на рассвете она вылезала из палатки и в благословенном одиночестве брела к ручью. Между деревьям слоился туман, на ветках оседала водяная пыль, и Алле доставляло удовольствие замечать, как капелька, сорвавшись с заостренного краешка листка, летела

вниз, разбиваясь о траву. Она трогала пальцем ползущую гармошкой пушистую гусеницу, и та сворачивалась колечком. А тем временем за лесом всходило солнце, рассеивая холод ночи, и всюду чирикали птицы. Это маленькое волшебство существовало в природе всегда, стоит лишь приглядеться, и в такие минуты Алла исполнялась простой и всеобъемлющей благодарностью за то, что когда-то появилась на свет. Перед лицом Творения ее жизнь была лишь эпизодом, вспышкой, – и не ей судить, содержался ли в этом хоть какой-то смысл.

– ...Чему улыбаешься?

Борис Колесников сел рядом с нею на поваленное дерево. Алла поигрывала перочинным ножиком, то и дело втыкая его в рыхлую подгнившую древесину.

– Грибами пахнет. Обошла все кусты, поковырялась в каждой кочке моха. Нет грибов. А запах есть, – улыбнулась она еще шире, мечтательно.

С тех пор, как от второго инсульта умерла его жена, он все время проводил неподалеку от Аллы. После завершения спортивной карьеры Борис вернулся в родной отцовский клуб, где тренировал молодежь и заодно приглядывал за внуками. Его медали и кубки красовались в стеклянной витрине посреди вестибюля. Сам он не упускал ни одного конного похода, хотя Алла не раз уже замечала, что его больным суставам не на пользу палаточная сырость. Вот и сейчас, примостившись рядом, он вытянул правую ногу и машинально потер колено.

– Болит? – кивнула она. – Помнишь, как в молодости мы лечили все травмы розенталем и йодной сеткой? Ни черта не помогало ведь. Теперь хоть препараты нормальные...

– Ты правда хочешь обсудить состояние моего мениска?

Его глаза лучились. И Алла с удивлением обнаружила, что только этот мужчина, с зеркально-лысым черепом и мягкой, чуточку рассеянной улыбкой не нарушил прелести раннего лесного утра, а усилил ее.

Открытие это ее взволновало, и весь день она то и дело искала глазами его прямую кавалерийскую спину. Просто чтобы убедиться, что он по-прежнему неподалеку.

По возвращении в город она испекла шоколадный торт, чего не делала уже много лет, и пригласила Бориса на чай.

С ним все сложилось легко, будто две детали, выточенные друг под друга, наконец-то отыскались среди вороха других, совершенно не нужных запчастей. Не было ложной скромности или неловкости, и даже разговоров «в нашем-то возрасте...» они не затевали. Просто однажды Борис

признался ей, что уже давно влюбился в нее.

– С тех пор, как ты рыдала в том стойле.

– Нет, Борис, не надо, – замотала головой Алла. – Тогда ты просто меня пожалел.

– Может быть, – пожал плечами Борис. – А потом начал восхищаться. Тебе завидовали все наши дамы. А мужики в курилке поминали тебя через раз, ты уж мне поверь. И я тоже, хоть и помалкивал.

– У тебя была Саня.

– А у тебя Витя. И что? Я не умаляю того, что прожил с Саней много счастливых лет.

Алла помнила, как самоотверженно он ухаживал за своей парализованной после первого инсульта женой. Своей любовью Саня смогла вызвать у него ответное чувство.

– И потом. Благодаря ей у меня есть Игорек. И внуки.

– Да. У тебя есть Игорек, – задумчиво повторила она. Сообразив, что не стоило этого говорить, Борис поспешно прибавил:

– А у тебя есть я. И всегда буду.

И это трогательное замечание и особенно досада, отразившаяся на его широком лице, заставили Аллу растаять.

Они сыграли свадьбу. Не громкую, но красивую.

– На любимых женщинах надо жениться, – убежденно заявил Борис. Он встал на одно колено, не смотря на Аллочку, которая со смехом твердила, что потом ей же самой придется растирать его суставы диклофенаком. Борис прекрасно видел, что смеется она, чтобы не расплакаться, и крепко сжимал ее ладонь.

Свой шестьдесят второй день рождения Алла встретила в платье цвета слоновой кости. А на медовый месяц молодожены улетели в Болгарию.

– Так что да, я любимая женщина, – завершая свой долгий рассказ, согласилась Алла. – Но можете ли вы, Марина, с уверенностью сказать, что моя жизнь была беззаботна? Вот вопрос. Слава богу, я хоть после шестидесяти узнала, что такое жить в полную силу. Наслаждаться. Знаете, обычно довольных жизнью у нас подозревают в тайных пороках. Или в клиническом кретинизме, шизофрении, мании – в чем-нибудь, в общем, клиническом. Борис научил меня жить, не оглядываясь ни на кого.

Женщина достала носовой платок, в который завернула нарезанные черенки. Местами он успел пропитаться млечным соком.

– И этому меня тоже научил он. Привозить черенки из каждой поездки. Из свадебного путешествия, помню, притащили двенадцать

сортов роз. Болгария, еще бы, там все в розах. Плетистые, парковые... Не каждая прижилась, конечно, тем более-то в наших северных селеньях. Но он показал, что это может быть страшно увлекательно! Сделал дома досветку, теплички. Фанат, одно слово!

Когда Алла упоминала о Борисе, ее лицо румянилось, а глаза начинали влажно поблескивать. Марина давненько не видела кого-то, столь же сильно влюбленного.

– Так что теперь дело дошло и до тропических. Плюмерии... Рискну, что я теряю? – подытожила Алла и надолго замолчала.

Марине сложно было выдать хоть слово. Алла не особенно подробно описывала свои переживания, скорее лишь обозначала. Но по степени серьезности произошедших событий ее чувства легко угадывались.

– Вы... – Марина сделала глоток воды. – Вы виделись еще с Виктором? С матерью его?

– Да, с Витей, пару раз. Надо же было развестись. А Капитолина Аркадьевна умерла. Ко мне перед этим приходила Рина, прождала меня у подъезда несколько часов. Сказала, что мать при смерти, совсем плоха и хочет меня видеть. Но я ее отправила восвояси. Какой смысл? Как я понимаю, у Капитолины Аркадьевны не было ко мне ни единого светлого чувства. Зачем тогда лицемерить?..

– Может быть, она хотела попросить прощения, – предположила Марина.

– Может быть. Но даже если и так. Ни к чему это все.

– Вы ее не простили? Даже после того, как встретили Бориса?

– При чем здесь Борис? Любовь для взрослого, действительно взрослого человека не затмевает все. Не закрывает солнце. Не мешает мыслить адекватно. Я не скачу по полянкам и не напеваю идиллические песенки. С Борисом у нас одна история, а с Витей – совершенно другая.

Марина крепко пожала руку Аллы.

– Вы такая молодец.

Алла тепло посмотрела на Марину.

– Вы, Марина, молодец тоже. Я это вижу в вас. Не грустите, в чем бы ни было дело. Не опускайте руки. Мы еще поборемся, правда?

Они рассчитались и вышли. Марина макушкой задела толстые плети спутанных проводов, провисшие от столба к столбу. В перспективе улицы они, изредка перехваченные еще одним кабелем, словно волосы тесьмой, смотрелись потухшей гирляндой, забытой после праздника.

На уличном развале Алла примерила и купила себе очередной плетный браслет. Марине понравился гладкий серебряный, но, покрутив

его в руках, она все же положила украшение на бордовую бархотку и улыбнулась продавцу чуть виновато.

Алла призналась, что хочет вернуться в номер:

– Что-то голова кругом. Наверное, это из-за воспоминаний. Если я не ошибаюсь... вы первая, кому я поведала всю историю от начала и до конца. А второго раза и не будет.

– Как знать... – улыбнулась Марина. – Может быть, дочкам Игоря понадобится ваш совет.

– Совет я дам. Если попросят. А все остальное лучше оставить в прошлом. Вместо этого буду рассказывать им про Борю. Чтобы не забывали...

У Марины упало сердце:

– Алла?..

Женщина пожевала губы, помедлила и кивнула:

– Да, он умер. В январе. Аневризма. Игорек сказал, ему уже давно диагностировали. Меня очень берег, вот и не сообщал. Но я благодарна Боре. За эти четыре года, за все его тепло, за всю нежность. И всегда буду благодарна. Если бы не он, я бы так ничего и не узнала. Не узнала бы, какое счастье быть понятой, услышанной, оцененной. Просто быть. Рядом, вместе. Как приятно возвращаться домой, вдвоем, уставшими после трех занятий, и спорить, кто первый идет в горячую ванну: я говорила, что это нужнее ему, его суставам, а он – что моим мышцам. Какое счастье, что у нас были хотя бы эти четыре года...

– Как же вы? Теперь?

– Живу. – Алла вскинула голову и расправила плечи, словно стряхивая с себя скорбь. – У меня тысяча и одно занятие. И Игорек очень помогает. Семья у него чудесная. Когда мы впервые пообедали вместе, уже после того, как сошлись с Борисом, я очень переживала. Что скажет Игорь, как отреагирует. А увидела взрослого мужчину, уверенного, чуточку торопливого. В галстук. «Здравствуйте, тетя Аля! А вы помните, как однажды я упал в навоз, а вы меня отмывали?..»

– Теперь я понимаю, кому вы купили столько подарков!

– А как же? Оксане, Маруське, Николаше, Игорьку, – перечисляла Алла. Из ее глаз лился тихий свет.

Марина проводила Аллу до крыльца ее отеля и с чувством расцеловала в обе щеки.

– Берегите себя, Мариночка, – серьезно попросила Алла.

Марина чуть усмехнулась и поторопилась попрощаться:

– Доброй ночи.

В такие минуты, как сейчас, она раздумывала, откуда берутся несчастья. Кто решает, кому из людей жить мирно и довольно, а кому – круглые сутки уворачиваться и расхлебывать? Чья рука зачерпывает беды горстями и сыплет на землю? Все тяготы земные представлялись Марине россыпью наподобие гранулированных удобрений в большущем мешке. Очень сложно сыпать их по грядке равномерно, дозированно: где-то упадет большая часть, а где-то – ни единой крошки. Алле досталось в восемнадцать и шестьдесят, на ее собственную жизнь беды просыпались еще с юности, да так и не иссякли. Почему так? Кто за это в ответе? Тишина.

Вернувшись к проезжей части, Марина остановилась в нерешительности. Шагнула в сторону моря, потом передумала и резко повернулась, чтобы направиться к рынку. На нее налетел кто-то из прохожих, толкнул, она отступила и почти уткнулась носом в мужскую грудь. Нервно подняла голову. Он. Бронзовый викинг.

– Ой! – непроизвольно вырвалось у нее.

– Ой, – согласился он.

Часть четвертая

– Так, значит, вы говорите по-русски... – все еще не могла поверить Марина.

– Это, наверное, оттого, что я родился в Петербурге. Или просто совпадение? – шутливо отозвался он.

Хоть в чем-то не ошиблась, подумала Марина: не скандинав, но почти.

Господи, о чем же с ним говорить? Да и надо ли? Зачем затевать то, что обречено на провал...

– Да, кстати, – спохватился он, запуская руку в карман широких полотняных штанов. – Вы забыли. Имеет смысл владеть только той вещью, жизнь без которой оказывается чуть более бесцветной... Я, между прочим, видел, как он вам понравился.

Мужчина протянул ей браслет. Тот самый, что она примерила недавно и о котором вспоминала с легким неудовольствием сожаления. После его слов она вдруг сообразила, почему ничего не покупала на пляже. Все тамошние вещи были обыкновенными. Невыразительными, проходными, безликими. Все эти платки и парео с бабочками, тонкие туники из белого хлопка, ракушечные бусы, солнцезащитные очки, отливающие радугой, будто крылья навозных жуков. Они были ничьи – и не ее тоже. Этот же браслет создан, выкован, отполирован только для ее узкого запястья с выпирающей косточкой. Лунно мерцающий металл на мягкой коричневатости кожи.

– Но...

– Красиво, – одобрительно кивнул мужчина, не дав Марине возразить. У него оказался очень выразительный взгляд, который тут же приказал ей заткнуться и принять дар.

Марина облизала пересохшие губы. Была не была...

– Спасибо.

– Чудесно, пожалуйста. Я Павел. Павел, а не Паша, с тайского мое имя переводится как «могила», что их всех безумно веселит...

– Марина, – пролепетала она, пожимая протянутую ладонь. Ободранные пальцы снова заныли. – Не знаю, как на тайский перевести.

Викинг тут же переложил ее руку себе на согнутый локоть. Он вел себя так, будто они тысячу лет знакомы и три сотни лет дружат. Или Марина сама дала повод так относиться к себе, раз приняла подарок? Она убрала руку с его локтя и немного напряженно спросила:

– Куда мы?

– Гулять по пляжу, – отозвался он невозмутимо. – Бродить по колено в прибое. Общаться, говорить до изнеможения. Может быть, целоваться, если вам того захочется. Вас нельзя оставлять одну сегодня ночью. Я отчетливо это вижу, хотя и не знаю, почему. Нельзя. Пока вы общались с подругой – еще куда ни шло, но не теперь...

– Вы... следили за мной?

– Я наблюдал. Мы ведь с вами уже неделю наблюдаем друг за другом, так что можете не изображать негодование...

Марина хмыкнула.

– А как же ваша жена? Та, на которой вы женились как раз неделю назад?

На лице у Павла отразилось легкое недоумение, и с ответом он замешкался.

– Перебираете в уме всех своих жен? – не удержалась Марина.

Мужчина рассмеялся:

– Вы про Анютку, что ли? Она не будет против, уверен. Так что, пойдём?

Марина раздумывала всего мгновение.

Здравый смысл говорил, что она напрасно затевает подобную историю. В душе все еще саднило после рассказа Аллы, и сейчас Марина находилась не в лучшем для флирта настроении. И все-таки они шли дальше и дальше.

Павел, не вдаваясь в подробности, пояснил, что живет здесь шестой год, держит прокат скутеров и спортзал. Не особо прибыльно, но на жизнь хватает с лихвой. Да и много ли ему надо?..

В отличие от душных улочек, нагретых за день и каждым сантиметром асфальта, бетона и камня отдававших тепло недвижимому воздуху, у моря дышалось свободнее. Вспомнилось, как она едва не отправилась гулять в длинном жемчужном платье: должно быть, с длинным подолом сейчас было бы неудобно... От мысли, что они, возможно, еще набредут на потерянные ею на закате вещи, Марина перешла к невеселым раздумьям о собственной несостоявшейся гибели. Зачем она выплыла сегодня? Зачем отсрочила неминуемое? Зачем этот беловолосый мужчина идет рядом с ней? Лица не видно в темноте, дыхание заглушает шум моря, и он почти бесплотная тень. Как и она сама, как и все обитатели этого пляжа, прошлые и грядущие, те, чьи следы еще не развеял ветер и не смыл прилив. А нескончаемый прибой все накатывает на мокрый берег годами, веками, тысячелетиями. Та же самая вода, что омывала Лавразию и Гондвану, а до них и Пангею. С тех пор все переменилось, раскололись

континенты, отшвартовались и отплыли прочь острова, вышли на сушу рыбы и трилобиты, а вода продолжает носиться, биться о скалы и впитываться с шипением в песок, как в губку.

– Знаете, что если историю нашей планеты представить в виде суток, то окажется, что жизнь зародилась около четырех часов утра, динозавры вымерли в 23:41, а человечество появилось за полторы минуты до полуночи?

– Возможно, мы просто лишние, – едва шевеля губами, ответила Марина.

Павел молчал так долго, что ей показалось, будто он ее не расслышал.

– Возможно, не нам об этом судить.

Начинался прилив, и волнами на широкую полосу плотного песка выбрасывало неисчислимые полчища крабов. Большая часть из них тут же стремилась обратно, но единицы задерживались на суше.

Остановившись, Марина и Павел заворожено наблюдали. Крабы. Их мгновенные, молниеносные передвижения, чуть только медленнее, чем у пауков. Как быстро один из них выкапывает ямку, чтобы скрыться. Как ровно, веером, ложится выброшенный им оттуда песок. А вот еще два, покрупнее, устроили на песке поединок, бросаясь друг на друга. Появление людей спугнуло их, и битва осталась незавершенной. Двинувшись дальше, Марина заметила еще одного, совсем небольшого и странно медлительного. Она легонько тронула его сланцем. Краб недовольно застрекотал челюстями и угрожающе поднятыми клешнями, маленькое и отважное существо, которое по древнему закону жизни вынуждено сражаться, раз уж не могло убежать.

– Наверное, больной, иначе бы умчался, – предположил Павел. – Но готов сражаться или умереть.

– Стоит ли сражаться, когда заранее известен итог? – отозвалась Марина. Она уже занесла ногу, чтобы раздавить краба, но вовремя одумалась.

Ее скандинав промолчал. Сделал еще несколько шагов, бросил на песок сандалии и сел на них. Марина опустилась рядом.

К ним приблизилось темное пятно, в паре метров приобретая очертания человека. Разносчик потряс развернутым небесным фонариком и предложил купить его. Красное бумажное сердце – других тут не водится.

– No, thank you! – привычно отказалась Марина. Павел возмутился:

– С чего это «ноу», когда «йес»? Yes, please!

– О'кей, о'кей, – обрадовался таец.

И Марина ощутила, как неожиданно екнуло у нее сердце.

Они расправляли шелестящую красную бумагу с четырех верхних углов, пока таец поджигал горючий элемент. Постепенно теплый воздух наполнил бумажное сердце, пальцы разжались, и фонарик, покачиваясь, как корабль на волнах, взмыл вверх.

– Beautiful, – удовлетворенно заметил торговец и побрел прочь.

Фонарик поднимался, огненная красная точка в беззвездном небе. Но Марина никак не могла придумать, что ей загадать. Она видела, что еще минута, и фонарик скроется из виду. Но желания не шли ей на ум. Ее единственное было неисполнимо.

Павел шепнул ей:

– Все будет хорошо.

Это все было так неправдоподобно красиво, будто не с нею: теплый вечер, фонарик, бриз, берег тропического моря. Неумолчный хор ночных цикад из банановых кустов. Так что Марина потеряла голову. Обида захлестнула ее.

– Я ненавижу, когда говорят, что все будет хорошо! Ничего не будет хорошо! Ничего не будет!

Ее крик пронесся над пляжем, отчаянный и неуместный, как имя черта в раю.

– Ничего не будет, – серьезно ответил Павел. – Но это «ничего» наступит позже. Оно не сейчас.

Но его ровный голос уже не мог сдержать бурю, зародившуюся у нее внутри.

– Да. Да, сейчас я стою на пляже с малознакомым мне человеком. Он нравится мне. И я бы могла познакомиться с ним поближе, если бы в этом имелся хоть какой-то толк. Но не имеется! На все нужно время, а у меня его в обрез. Простите, мне лучше уйти. Зря мы все это...

Марина побежала.

Песок больно бил по пяткам. С непривычки она пробежала не очень далеко, пришлось сбавить шаг. Но оглядываться она не хотела. Когда совсем выдохлась, остановилась возле одного из выходов с пляжа. Села на ступеньку. Кажется, ее знобило.

Он подошел минут через десять, хотя Марина и чувствовала на себе его взгляд намного раньше. Видно, дал ей время успокоиться. Она закрыла глаза в изнеможении. Что же он никак не уймется...

Мужчина стоял в одном шаге от нее и не нарушал молчания.

Она путано извинилась.

– Никогда так не веду себя. Не знаю, что на меня нашло.

– Знаете.

Павел вздохнул, поддернул штанины и примостился на ступеньку ниже, чтобы стать вровень с нею:

– Если вы хотели настроиться на мысли о смерти, вы неправильно выбрали направление. Не тот рейс. Вам стоило отправляться в Европу. Париж мог подойти или Женева. Там как раз глубокая осень. Стулья летних кафе заносят внутрь. Снимают полосатые маркизы – некого больше заслонять от солнца. Да и солнца больше нет. Дворники метут палую листву, и бывшие еще весной любовники теперь, встретившись случайно в парке, отворачиваются и делают вид, что незнакомы. И заплаканные дождем бульвары. И пахнет холодом. И всюду увядание и погибшие надежды, и сожаление, и беспомысленность. Цветы выкапывают с клумб, а терракотовые горшки заносят в дом. Вам нужно было в осень – зачем вы приехали в лето?

– Я не знаю, – прошептала Марина.

Ее широко раскрытые глаза смотрели на него с мольбой. Павел вспомнил, как давным-давно другая маленькая девочка уже смотрела на него так. Призывая сделать хоть что-нибудь, чтобы унять нестерпимую боль. Тогда, помнится, это у него почти получилось.

Он еще раз вздохнул, смиряясь, и поцеловал Марину. Они не знали друг о друге ничего, кроме имен. Запахи кожи, тела, рта, вкус слюны – все было новым, еще резким, а движения губ – незнакомыми, непривычными. Они изучали и подстраивались. Его поцелуй не встретил ни сопротивления, ни возмущения. Марина отвечала, не бурно, без жадной готовности. Как будто он куда-то уходит поутру и прощается с нею, пока она еще дремлет в постели, и этот поцелуй пробуждает ее ото сна.

Павел оторвался от ее губ, но не отодвинулся. Его глаза, открывшись, оказались так близко, что Марина толком не могла на них сфокусироваться. Он улыбался. Да, у него все-таки рыжие ресницы, отметила она про себя.

– Я оставлю тебя на три минуты. А когда вернусь, ты мне расскажешь все, что с тобой приключилось. Расскажешь без утайки, как если бы ты даже лица моего не видела и не боялась встретить меня когда-нибудь еще хоть раз. Или я могу предложить тебе пойти к тебе или ко мне, и тогда мы проведем с тобой сумасшедшую ночь. Мы будем заниматься любовью, пока не рассветет, пока простыни не прилипнут к телу, пока ты не попросишь пощады и не откинешься на подушки. Голая и такая красивая... А потом утром пойдем завтракать блинчиками с ванильным мороженым и пить дрянной здешний кофе. Но тебе ведь не это от меня нужно. Решайся.

Он ушел. И до его возвращения она колебалась и никак не могла выбрать из двух предложенных ей вариантов.

Но вот о каменную ступеньку звякнула бутылка – в таких еще продают на местных обочинах слитый бензин для скутеров. Ром «Санг Сом». Павел поставил рядом тарелку с кусочками ананаса и манго и распечатал большой пакет сушеного сладкого тамаринда с острым перцем.

И тогда Марина заговорила. События она излагала нарочно бесстрастно, и о папе, и о маме, и о собственном диагнозе. Лишь иногда она прерывалась, чтобы отпить из горлышка рома или чтобы прожевать жгучий тамаринд и выплюнуть в кулак блестящую, будто лаком облитую косточку. Эти передышки помогали ей не сбиваться.

– И вот сегодня я пыталась покончить с собой. Заплыла подальше в море. Но потом... отложила это предприятие на завтра. Видишь, как удачно? Тебя встретила. – В конце Марина попробовала свести все к кокетству.

Но Павел ее игру не поддержал:

– Ты собралась умирать потому, что боишься умирать...

– Нет, я не боюсь. Мне просто надоело! Знаешь, почему я люблю свою работу? Я не просто перевожу с одного языка на другой слово в слово. Я – могу, я – решаю, от меня зависит! Понимаешь? А в своей жизни... что? Папа умер. Мама заболела, долго болела и умерла. Даже любовник вернулся к своей бывшей жене. Меня ставят перед фактом, ставят именно те, кто мне дорог!

– Так получается не только у тебя. Так у всех людей, – Павел кивнул в ту сторону, где кипела жизнь ночного королевства. – Парней ставят перед фактом, что их девушки беременны. Пациентам говорят, что у них неоперабельный рак. Судьи выносят приговоры, а полицейские выписывают штрафы.

– Да, – завелась Марина. Ее уязвило, что Павел даже не посочувствовал ей, словом не обмолвился. – Только парни тоже участвуют в зачатии, а приговоры и штрафы возникают не на пустом месте. Многие не сталкивались с половиной того, что выпало мне. И теперь – меня снова решили проинформировать: «уважаемая госпожа такая-то, у вас неизлечимое нейродегенеративное заболевание. Приведите в порядок свои дела и смиренно ждите смерти, которая наступит не сразу, а после мучений физического и морального характера. Возможность предоставления книги жалоб и предложений временно отсутствует. Всего доброго». Я хочу что-то решать в своей собственной жизни. Хотя бы когда я из нее уйду, если уж остального меня все равно уже лишили.

– Ничего еще не кончено, ничего! – Павел схватил ее за руку, его пальцы были горячими и сухими и очень плотно обхватили Марино

запястье, так что заныл сустав. – Ты ведешь себя как жертва! Ты же знакома с психологией! Жертвы жалуются и хотят, чтобы их пожалели. Сочувствие, сострадание, возможность пожаловаться... Чтобы порезанный пальчик поцеловали, и все прошло. Я могу поцеловать пальчик. Тебе будет приятно, что я поцеловал пальчик. Но рана заживет только тогда, когда свернется кровь, а потом регенерируются ткани, слой за слоем. Не раньше – но и не позже.

– Ты не понимаешь! Одно дело – ждать заживления раны, чтобы быть здоровой и жить. И другое дело – знать, что рана затянется, а на месте нее появится язва. И она будет расти, пока не сожрет заживо. Как тебе такая перспективка? А?

– Это будет не завтра, – непреклонно отрезал Павел. – И даже не через год. Я еще пока не очень разбираюсь в тонкостях твоей хореи Хантингтона, но...

– Вот именно. Как ты можешь об этом судить?

Он мог бы сейчас встать и уйти. Марина давно уже ждала этого поступка. В сущности, вся эта сцена была абсурдом. Мужчина познакомился в дивном местечке с симпатичной девушкой, и та с первых же минут знакомства принялась вываливать на него все свои проблемы, между прочим, многочисленные. Что сделал бы нормальный человек? Он сказал бы «я в туалет» и никогда бы не возвращался...

– Рассказать тебе одну притчу? Про бездну за деревней. Услышал тут неподалеку, в деревеньке морских цыган.

– Про бездну? Что-то ницшеанское...

– Возможно.

– Мне как раз, – невесело хохотнула Марина. Ром уже ударил в голову, все вокруг приобрело мягкость. – И где ты нашел здесь цыган?

– Строго говоря, это филиппинцы. Бродяги, несколько поколений назад приплывшие сюда. Но притчу рассказал мне европеец.

– Хорошо, начинай, – позволила она, подпирая рукой голову и приготавливаясь слушать.

Павел прокрутил в голове всю историю от начала до конца, чтобы не упустить важное, и начал:

– В одной очень красивой местности стояла деревенька. В ней жили обычные люди, в меру хорошие, в меру открытые, в меру добрые к соседям. Но так уж вышло, что за деревней зиял огромный и опасный обрыв. Корни деревьев не могли удержать осыпающейся земли, а дно обрыва скалилось острыми камнями. Старики ходили туда умирать. И

каждое новое утро обрыв исчезал в прежнем месте и возникал с другой стороны, но где точно – никто не знал. Сколько бед причиняло жителям деревеньки это опасное соседство! То молоденький пастушок замечается и оступится, то под ногами пылкого любовника, бредущего со свидания в безлунную полночь, развернется земля под ногами... Так что жители деревни сразу поутру бегали посмотреть, где на сегодня обосновался обрыв. Они знали, что делать этого и не стоило бы, ведь раз заглянувшему в тот обрыв непременно хотелось сделать это снова. И чем чаще кто-нибудь из деревенских ходил любоваться на бездну, тем скорее погибал в ее объятиях, так она его заманивала.

Однажды у юной пары родился сын. И был мальчик так ангельски хорош собой, так кроток, так тих и радостен, так мало просил, так много ласки отдавал счастливым отцу и матери, что те решили оградить его от проклятия деревни. Как только он научился уверенно ходить, на глаза ему надели повязку, чтобы уж никогда он не смог заглянуть в бездну.

И так мальчик рос, взрослел, превращаясь в гибкого юношу. Был он любознательным, все ему казалось интересным и необычным. Он никогда не скучал, ощупывал ли ростки молодой фасоли на огороде, наигрывал ли на дудке мелодию. Отец и мать не стали скрывать от него, зачем завязали ему глаза, и сам он слышал, что от бездны, что за деревней, одни горести и печали. Мальчишкам-насмешникам он отвечал, что ему и в повязке прекрасно живется. Сколько раз он стоял в двух шагах от обрыва! Сколько раз он, возвращаясь с ведрами или выгоняя на пастбище скотину, проходил по самому краю бездны, даже того не ведая. Или, быть может, ему удавалось спастись именно поэтому?

Однажды, срезая ивняк для новой корзины, он встретил девушку. Девушка пела грустную песню, и юноша спросил, отчего же девушка так невесела? Ведь мир огромен, прекрасен и велик. И солнце греет ее щеку, и птицы поют у нее над головой, и шевелится под ножкой лист – должно быть, под ним по своим делам ползет жук.

Девушка засмеялась:

– Как ты, слепец, можешь говорить мне о красоте мира?

– Я не слепец, – возразил юноша. – Для того, чтобы ощущать красоту, мне не нужны глаза. Я и так счастлив, что живу на свете. Я проживаю каждую минуту как единственную, и ни одна из них не похожа на предыдущую.

Но девушка не согласилась. Она подошла к юноше и развязала повязку. И тогда он увидел все краски мира. И ее. И влюбился.

Они поженились и стали жить счастливо. Юноше и без повязки было

по-прежнему хорошо, он был всем доволен, построил дом, разбил за ним сад, выкопал колодец. Мимо калитки сновали люди, только и разговоров у них было что про бездну. Но теперь, зрячий, он по-прежнему держался поодаль. Видел, куда поутру спешат все, и шел за хворостом в противоположном направлении.

А с деревней творилось неладное. Все меньше оставалось людей, все больше их прыгало или падало в бездну, не в силах противостоять ее притяжению. Те, кто еще оставался в своих домах, угрюмые и брюзгливые, лишь коротали свой век, зная, что и их кончина ждет в глубине прожорливого обрыва.

Но вот жена, баюкая младенца, стала убеждать нашего героя, что непременно нужно пойти поглядеть на обрыв за деревней – одним глазком, просто чтобы знать, каков он, глубок ли и в какой стороне находится.

– Зачем тебе? Любой сосед наш ответит тебе на все вопросы. Зачем заглядывать туда, откуда не пришло ни счастье, ни веселье, ни добро, а один лишь мрак и гибель? Не лучше ли держаться подалее от бездны и горя не ведать?

Но жена не послушалась, и как-то раз на закате сбегала и заглянула в бездну. С тех пор не было ей покоя. Под любым предлогом она уходила за околицу и искала, в какой стороне обрыв сегодня. Видел муж, что жене беспокойно, но ничего не мог сделать – ни уговоры, ни мольбы, ни запреты его не помогали. И однажды любимая просто не вернулась. Говорят, слышали ее протяжный крик на краю деревни – с той стороны, где обрыв.

Долго горевал он, но настала пора жить дальше и воспитывать сына. И одним утром заметил он, что никого из соседей не осталось. Все погибли. Так зажили они только вдвоем. Отец плел корзины, сажал овощи, собирал урожай. Когда сын подрос, он спросил, где его мать.

– Был у нас за деревней овражек. Крохотный. Мама однажды оступилась и упала. И с тех пор я его щебенкой засыпал, земелькой заровнял – чтобы он уж никому навредить не смог.

Так и рос мальчик, ничего не зная о бездне. А когда вырос, обошел он всю округу и, как ни замирало отцовское сердце от страха, ни одного опасного обрыва на своем пути не встретил. Нашел сын соседние деревни, и других людей, и девушку себе по душе. И однажды велел отцу собираться в путь. Без лишних слов отец связал пожитки в узелок, надел на глаза старую свою повязку, чтобы не приманить страшный обрыв своим ищущим взглядом, и за руку с сыном покинул деревню. И прожили они долгую жизнь далеко-далеко от проклятых мест, и старик-отец ни одной живой душе не обмолвился о минувшем. Чтобы не дразнить ни людей, ни бездну.

Бамбуковый ресторан, куда привел ее Павел, стоял чуть поодаль, на соседней улице. По тротуару не слонялись толпы праздных туристов, однако все столики были заняты, друг от друга их отделяли полупрозрачные ширмы из скрепленных бамбуковых стеблей. С потолка свешивались и раскачивались от разгоняемого вентиляторами воздуха светильники в виде пустых кокосовых скорлупок с ввинченными внутрь лампочками. За пышными зарослями журчал неприметный фонтанчик. От лохматых цветков гименокалписа, напоминающих распущенные мотки белых ниток, изливался приторный аромат.

При появлении Павла и Марины официанты оживились. Один из них, индус, помахал Павлу рукой, а улыбчивая беременная поспешила встретить их и провести к самому дальнему столику, попутно оживленно что-то сообщая Павлу.

Непокрытый деревянный стол был завален тетрадами и бланками счетов. На краю лежал калькулятор. Беременная официантка мигом унесла все в подсобку и вернулась со скатертью и свечой в резном фонарике.

– Тебя здесь знают.

– Да. Это Барби.

– Странное имя для тайки...

– Ничуть. Настоящим именем, наам монгкхон, их в обиходе не называют, чтобы обмануть злых духов. Имя – это серьезно, его долго выбирают, советуются с монахами, астрологами... А прозвища, чы лен, дают постоянно, в детстве одни, позже другие. Это может быть связано с характером, или внешностью, или событием. Так что Барби ничуть не страннее, чем, например, Пепси. Я знаю одного Пепси, он рыбак.

Когда они сели за столик, Марина заметила:

– Обычно ты всегда садишься лицом к залу.

– Обычно ты тоже, – улыбнулся Павел. – Потому что нам обоим нравится наблюдать. Но сегодня все мое внимание сосредоточено на тебе. Что будешь заказывать?

– Ты завсегдадай. Закажи мне что-нибудь на свой вкус.

Пока Павел болтал с беременной Барби, Марина глядела на соседние столики. Слева, через проход, вели беседу кустодиевские дамы и их худые мужья, давно уже в душе философы-стоики. Прямо, за бамбуковой перегородкой, три сильно обгоревшие американки корчили друг другу гримасы и громко хохотали. Тихо дрожало «Болеро» Ровеля в гитарном переложении, тягучее и нескончаемое.

– Жаль, никто из импрессионистов не бывал в Восточной Азии, – проговорила Марина, когда официантка отошла. – Лотреку или Сера

наверняка понравилось бы. И краски, и лица. «Субботний вечер в кафе «Красный лук», «Разносчик цветов»...

Павел тут же подозвал торговца, носящего между столиками охапку красных роз, и купил одну для Марины:

– Это тебе. Со стороны все совсем не так, правда? Только искусствоведы задумывались над тем, какие драмы таятся за лицами на портретах импрессионистов. А про лица на пляже Таиланда никто особо и не размышляет. Со стороны наша встреча – всего лишь начало курортного романа у моря. Со стороны ты беззаботная русская туристка, а твоя подруга – богатая пенсионерка. Я сидел поодаль и не слышал ее рассказа, но по вашим лицам догадаться, что история грустная, было несложно.

– Да, невеселая. Мне кажется, на свете нет историй с хорошим концом.

Марина не стала переспрашивать, как выглядит их встреча в его глазах, если не началом курортного романа.

– Но есть с хорошим продолжением, – пожал плечами Павел. – Слышала, как к смерти относятся в Бутане?

– Я даже не очень помню, где это.

– Сразу за Индией. Мудрые призывают людей думать о смерти пять раз в день... И знаешь что интересно? Там встретишь больше счастливых людей, чем, например, богатых. Может быть, мы просто не умеем жить?

– И под «мы» ты, конечно, подразумеваешь только меня, – фыркнула Марина. – Вот только не надо. Знаешь, я несколько раз училась жить заново! Это ведь не так просто, как некоторые считают. И, согласна, это в нас не врожденное – умение жить. При любых обстоятельствах, я имею в виду. Когда все хорошо, любой дурак сможет. Я училась жить, когда умер папа и все, к чему я привыкла, все, что окружало меня с рождения, рассыпалось прахом. Когда утром я едва могла встать с кровати, потому что в соседней комнате рыдала в подушку мама и думала, что я не слышу, и мне приходилось делать вид, что я не замечаю ее заплаканных глаз, папиных ботинок в прихожей, его куртки на крючке, его хоккейных коньков и коллекции деревянных солдатиков. Потом я училась жить, когда Васька ушел в армию. Любить всегда больно, а в первый раз особенно. Много лет прошло, но я очень хорошо помню. У меня будто сердце вынули. В те дни мне казалось, что разлука – едва ли не большая рана, чем папина смерть. Потому что родителей мы любим равной любовью, не понижая и не поднимая градусы. А любовь к мужчине – она другая. Острая, горячая. Вареная картошка, которую надо непременно удерживать в руках, а ладони уже и так обожжены до волдырей... Потом я училась жить с маминой болезнью. Видя, как она угасает, как вместо нее появляется кто-то чужой,

злое чудовище, как в сказке, принявшее облик моей мамы и уже искажающее ее изнутри. И каждый раз я заставляла себя встать с постели, улыбнуться соседке, посчитать сдачу в магазине, досидеть до конца лекций, сдать экзамен, позвонить подруге и поболтать с нею ни о чем. Потому что так делают люди. Потому что в конечном итоге это и есть жизнь. Она состоит из бессмысленной череды дней, которые надо хоть как-то расцветить, чтобы со скуки не помереть. Оттого люди и заводят семьи, оттого и ищут дело всей жизни...

– Не для этого... – тихо пробормотал Павел, но порыв так захватил ее, что она оставила реплику без ответа и продолжила:

– А потом я узнала, что мне все это делать было просто не обязательно. Что я бракованная деталь этого мира, здание под снос посреди цветущего города. Мне было необязательно учиться жить и превозмогать себя, потому что жить-то мне и не придется. Пока была жива мамуля... Она сдерживала натиск. Болезнь терзала ее и потому словно не замечала меня. А теперь мерзкая морда уже повернулась, и ее глаза нашли меня. Новая жертва. Мне иногда кажется, что мама собой закрывала меня от смерти, была живым щитом. – Марина замолкла, прикрыла глаза и поникшим голосом добавила: – А сейчас я осталась перед ней беззащитна.

Павел поцеловал ее запястье. Его лицо, только что сосредоточенное и грустное, внезапно озарилось молчаливой догадкой.

– Подожди недолго. Мне необходимо тебя кое с кем познакомить...

Она следила, как этот светловолосый мужчина перебегает дорогу и скрывается в неприметной щели между домами на другой стороне.

Голова шла кругом. Никогда и ни с кем в жизни Марина не была так откровенна. Никого еще она не чувствовала столь родственно. И кто же он? Случайный знакомец. Марина с сожалением вспомнила его долгий поцелуй и его предложение пойти к нему. Стоило согласиться... Вспышками в воображении пронесли сцены их с Павлом ночи, такие яркие и вызывающие, что Марина покраснела и украдкой глянула на соседние столики, словно боясь, что ее застукают за этими мечтами.

А он уже возвращался. Рядом мелкими шагами шла согбенная столетняя старуха-бирманка с морщинистым коричневым лицом. В руке кожаный мешочек, вокруг талии обернуто цветастое узорчатое сари, а сверху надета красно-синяя полосатая футболка с десятым номером Лионеля Месси^[12]. При ее появлении в ресторане все официанты бросили свои дела и подошли поприветствовать, делая вай и при этом складывая ладони у лица и почти касаясь носа большими пальцами. Так что ни у кого не осталось никаких сомнений насчет уважения, внушаемого здесь этой

женщиной.

Марина, проникнувшись всеобщим трепетом, учтиво поприветствовала ее. Старуха присела на свободный стул и пригвоздила девушку булавкой своего взгляда. Глаза были странные, светло-желтые, прозрачные, с крохотными даже в полумраке зрачками. Глаза бенгальской тигрицы, вправленные в маленький человеческий череп.

– Ее зовут Бутракхам.

Закончив оглядывать Марину, старуха оживилась донельзя. Она перевела взгляд на Павла и радостно заговорила с ним по-тайски, посмеиваясь над чем-то, кивая, трясая головой и грозя ему пальцем. Ее голос напоминал треск иссохших веток. И тут Марина стала свидетелем первого чуда Бутракхам. Старухе удалось его смутить. Павел потупился, помолчал, глядя в столешницу перед собой, потом переспросил что-то с надеждой. Старуха безапелляционно подтвердила. Тогда Павел взглянул на ничего не понимающую Марину. Он был счастлив.

А Марина так ничего и не сообразила.

– Почему мне кажется, что вы обсуждаете меня? – проворчала она.

Павел засмеялся, очевидно испытывая облегчение:

– Потому что так и есть!

– И что именно? Скажешь?

– Нет.

Старуха улыбалась ртом, где длинные желтые зубы чередовались с темными прорехами. Лицо ее морщилось, хотя казалось, что сморщить его еще больше уже невозможно.

Павел пояснил:

– Бутракхам вроде прорицательницы.

– И ты привел ее, чтобы предсказать мое будущее? – похолодела Марина. Ей категорически не понравилась эта затея. Старуха со своим пронзительным желтым взглядом напугала ее.

– Нет, я привел ее для другого. Но если ты хочешь...

– Не хочу. Ни за что! Все и так известно! Хватит с меня.

Павел перевел старухе резкий отказ Марины. Та посерьезнела и кивнула, сведя бескровные сухие губы в трубочку. Забормотала.

– Она просит тебя дать ей что-нибудь свое. Те тамариндовые косточки, что болтаются у тебя в кармане платья, говорит она, вполне сгодятся. Это не для предсказаний твоего будущего, не волнуйся.

Марина опешила. При старухе тамаринд она не ела, а купленная Павлом пачка давно кончилась, даже с языка пропал перечный жар. Бутракхам неоткуда была узнать про косточки, разве только Павел сказал,

пока вел ее сюда. Но это просто смешно.

Тем не менее Марина опустошила карман, высыпав черные блестящие косточки на скатерть. Старуха одну за одной с величайшей осторожностью, будто золотые крупички, собрала их в свой кожаный мешочек и туда же принялась что-то шептать. Глаза ее закрылись, шепот перешел в едва слышимый заунывный звук наподобие мычания. Все ее высохшее тело завибрировало и закачалось, как куст на ветру. Маленькая, будто детская рука Бутракхам юркнула в мешочек и, набрав полную горсть, вынырнула обратно. Ладонь раскрылась, и на стол выпало несколько предметов: три монеты, резиночка для волос, серьга с зеленой бусиной, красно-белая капсула какого-то лекарства, крышечка от газировки и три косточки тамаринда. Старуха удовлетворенно кивнула и указала Марине на косточки, словно говоря «вот видишь, как оно». Только Марина не видела. Она озадаченно повернулась к Павлу, ожидая пояснений.

– Трое из тех, кто сейчас рядом, умрут прежде тебя, – пробормотала Бутракхам, а перевел он.

Три смерти. Стало быть, об этом возвестили три черные косточки? Марина старалась не подавать виду, что содрогнулась внутри от невольного мистического чувства, хотя и уговаривала себя, что все это вздор.

– Трое? Голословно. Может быть, она даже знает, кто именно?

Павел перевел старухе ее слова. Старая бирманка зыркнула на нее и тут же трижды указала пальцем. На нескладного подростка с острыми плечами, нехотя колупающего вилкой свою рыбу, пока его родители препирались вполголоса. На пожилого мужчину, приехавшего на отдых с детьми и внуками. И на радостную беременную официантку Барби.

– Нет, это неправда! – задыхнулась от негодования Марина.

– Твоя жизнь будет короче многих. Но и длиннее тоже. Взгляни на этих людей. Две минуты назад ты боялась, что умрешь, а они все останутся, мир не заметит твоего ухода, и здесь будет по-прежнему играть музыка, геккон продолжит сидеть на стене за статуэткой Будды, а бесплатный салат – заветриваться. Наша милая официантка родит своего ребенка, потом еще одного. Да? Но что, если на самом деле все окажется иначе? Ты не знаешь, кто из трех названных не доживет даже до следующего года. Но точно можно быть уверенным, что все трое проживут меньше тебя. Ты страдаешь, что тебе отмерено слишком мало – но это только потому, что другие не знают, сколько отмерено им. Плакивай их участь, не свою. И будь благодарна, что знаешь срок своего пребывания в этом теле. Правда – это привилегия. Не многие достойны узнать ее, и не многие ее действительно в конце концов узнают.

Машина тяжело взбиралась в гору. До упора опустив стекло, Марина чувствовала, как из ночных джунглей тянет холодом.

– Зачем нам в Суратгани? – снова спросила она.

– Нам не надо в сам город. Просто хочу показать тебе одно место.

– Мне кажется, из тебя вышел бы скверный экскурсовод, – вздохнула Марина. – Ты бы показывал подопечным все и сразу, в один день, без продыху. И гадалку, и...

– Я только с тобой такой. Мне надо успеть.

– Успеть что?

Павел не ответил. Желтые лучи света метались по пустынной дороге.

– Ты не скажешь мне, что вы обсуждали с Бутракхам? Касаемо меня. Ты ужасно смутился, так мило. Ну, скажешь?

– Нет.

Вот так просто. Нет, и все. Марина раздумывала, обидеться ли ей. Она не хотела признаваться, что эта отрывистость ответов, подтрунивания, прямолинейность – все в Павле притягивает ее. Искося она смотрела на него, до мельчайших подробностей впитывая его облик. Руническую татуировку на руке, крестик на засаленной нитке, серебристую щетину, пробивающуюся из загорелых щек. Она хотела, чтобы он остановил машину, сейчас, все равно где, и обнял ее.

– Ты не виновата, – вдруг повернулся к ней Павел.

Марина вздрогнула:

– Смотри на дорогу. Не хочу разбиться.

– Не ты ли сегодня сводила счеты с жизнью?

– Я. Но вот я сижу рядом с тобой.

– Что-то пошло не так, – развеселился Павел.

Марина нахмурилась:

– Так в чем я не виновата?

– Тебе лучше знать. Я вижу, ты поедом ешь себя за что-то. Чувство вины мешает тебе. Тянет на дно.

– Я не чувствую никакой вины! Перед кем? За что?

– Вот сама и ответь себе на эти вопросы. Тем более что ответы ты прекрасно знаешь. Если подойти к любому, даже совершенно незнакомому человеку, заглянуть ему в глаза и тихо сказать «Ты не виноват», в ту же минуту человек сообразит, о чем идет речь. Потому что душа всегда знает, чем именно терзается.

Марина знала, что он прав. Она спросила:

– А чем терзается твоя?

И тогда наконец Павел рассказал кое-что о себе.

Ему исполнилось двадцать три, и он вот уже полгода как работал ведущим музыкального часа на модной радиостанции. Родители-врачи эмигрировали в Канаду, а ему достались три комнаты из четырех в обшарпанной квартире доходного дома окнами на Гончарную улицу. Четвертую комнату занимала бабулька, давно глухая и почти не выходящая из дома. Ее глухота Пашу особенно устраивала, потому что ни один вечер не обходился без грандиозной пьянки, заканчивающейся под утро. Что думала престарелая соседка насчет спящих в коридоре людей и девушек, приходящих на кухню пить воду из-под крана в одних только сетчатых колготках, Паша предпочитал не знать вовсе. Молчит – и ладно. Особенно когда раз в пару месяцев он устраивал у себя очередной квартирник, на котором пели и пили его развеселые и безбашенные рок-друзья.

В обычный день после трех часовых эфиров Паша переодевался и мчался куролесить. Из «Молока» его несло в «Вулкан», оттуда в «Орландину»-«Перевал»^[13]. Обычно к середине ночи вокруг него сколачивалась уже крепкая компания, и вместе они вытворяли то, перед чем меркли приключения Пьера с Долоховым, медведем и квартальным.

В тот год Паша потерял счет девушкам, проснувшимся в его кровати. Кто-то глотал из-за него таблетки, кто-то запирался в кабинке туалета и рыдал, кто-то обрывал телефон и молча дышал в трубку. Его это, в общем-то, тоже интересовало мало.

А потом наступил злосчастный вечер второго июня. Понедельник.

– Когда я думаю о том вечере, все приобретает фантазмагорические черты. Мне кажется, будто сам фатум зашел ко мне в гости. Почему я был один? Ведь у меня вечно кто-то зависал. Пил, курил, брэнчал на гитаре, уединялся с дамами... Как я оказался один? И зачем я открыл...

Когда он распахнул дверь, в лицо ему уставилось пистолетное дуло. И Паша понял, что никогда не видел настоящего пистолета. Так что это вполне мог бы быть муляж – но не проверять же. Ноги стали неустойчивыми, как будто по ним пустили желе вместо крови.

– Заткнись и слушай, – велел мужчина в черной маске, закрывавшей всю голову целиком. Чулок? Ну ей-богу чулок. – Сейчас ты позвонишь в дверь своим соседям. Знаком с ними?

– Немного.

– Просишь открыть. Если они тебе не откроют, ты труп. Понял меня?

– А... а если их нет дома? А если мне не откроют?..

– Пошел.

Паша двигался сквозь вату. Семь шагов до бронированной соседской двери переполнились таким липким страхом, что он всерьез опасался не дойти. Он вспомнил, что недавно после ремонта сюда переехала семья, грузный приветливый Самир, его громкоголосая жена Лала и их дочка, имени которой Паша никогда не слышал. Кажется, у Самира бизнес. А еще у него большие проблемы, если судить по металлу входной двери и киллеру, явившемуся по его душу.

Паша не знал, что делать. Нажать звонок? Заартачиться? Кто этот человек? Киллер ли? Способен он выстрелить или только так, пугает? А если способен, то... в кого он будет стрелять? Какие у Паши шансы выжить? В Питере шмяляют каждый божий день, ведущая блока новостей Соня после каждой новой сводки выкуривает сигарету и такими темпами заработает эмфизему...

И когда настало время, он нажал кнопку звонка. Открыла Лала.

Паша спасся удивительно легко. Человек в маске утратил к нему всякий интерес, пока расстреливал семью в той квартире.

– Вот что я вспоминаю, когда слышу про чувство вины. Те выстрелы, которые я слушал, забившись под собственный письменный стол. И тех людей, которые умерли из-за меня.

Павел вздохнул и сбросил скорость. Они ехали по мосту, соединяющему остров с материковой частью, и по воде плыли огни.

– Ты не виноват, – проговорила Марина. – Не ты нажимал на курок. Он бы тебя убил...

– Да, он бы меня убил, скорее всего. И это меня, к несчастью, никак не оправдывает.

Одной рукой придерживая руль, второй Павел порылся в бумажнике и вытряхнул оттуда затертый полароидный снимок: он сам, молодой, если не сказать юный, в спортивном костюме «Адидас», и девочка лет семи, глазастая, с большим носом с горбинкой и очень серьезная, стоит, прижав к груди потрепанного игрушечного львенка.

– Это Аня, моя дочь. Она у меня настоящая красавица. Ты видела ее на пляже, даже приревновала!

Он тихо засмеялся. От Марины не укрылся его беглый, полный нежности взгляд, брошенный на фото.

– Ты хочешь сказать... Аня и есть та самая девочка?

Павел утвердительно кивнул:

– Она дочь Самира и Лалы. Когда началась стрельба, она спряталась. А

потом... Я усыновил ее, точнее, оформил опеку. Всеми правдами и неправдами выбивал нужные разрешения, всех знакомых на уши поднял. Родственников у нее не осталось, так что... Никто не мог уяснить, на что мне какая-то чужая девчонка, каких только домыслов не строили! А Аня... Она не говорила до десяти лет. Почти три года... Мои гулянки и пьяные дебоши, естественно, отошли в прошлое. Я хотел стать если и не образцовым отцом для Ани, то хотя бы приличным... Януш Корчак, кажется, говорил, что дети – это души, данные нам на хранение. Я старался ее хранить. Было сложно, чего уж тут греха таить. И у нее характер будь здоров, и у меня тоже. Когда становилось невмоготу и мысли одолевали всякие, ехал на большой железнодорожный перегон, вставал под мост, когда по нему гнал товарняк, и орал со всей дури. Помогало. А потом стало легче, нашли с ней общий язык, и все как-то устроилось. Теперь мы лучшие друзья. После школы Анютка поступила в институт, я отправился путешествовать. Сперва по России, потом в Азию заглянул. Очень много всего переосмыслил.

– Ты про религию? Я заметила у тебя крестик...

– Я про все. И про религию, и про людей, и про мир... Заглядывал в несколько наших монастырей, был в ашраме, в Тибете год прожил. А потом меня занесло в Таиланд. И приснился мне один сон, содержание которого пересказывать я тебе не буду, но он заставил меня здесь задержаться.

– И вот ты по-прежнему здесь, – улыбнулась Марина.

– Именно так. Выдал дочку замуж за вроде бы неплохого американского парня. Удачно или нет – время покажет. Они сейчас на Самуи, а потом домой, в Цинциннати.

– И теперь твоя миссия выполнена?

Павел улыбнулся ей многозначительно и не ответил.

С полчаса ехали молча. Оба обдумывали историю, рассказанную Павлом, и вспоминали Анну – в день ее свадьбы на берегу Андаманского моря, и в день, когда погибли ее родители.

От равномерного рокота мотора Марина незаметно для себя задремала. Проснулась она от того, что теплые губы коснулись ее губ. В животе ошеломительно быстро расцвел огонь. Она распахнула глаза. Тьма снаружи чуть расступилась, но приборная панель светилась еще ярко.

– Приехали.

– Где мы?

– Где-то в провинции Суратгани. Скоро рассвет. Пойдем.

Каменная тропинка вилась по склону холма. Иногда ветки трогали Марину за волосы и плечи, листва на них была жесткая, как и у всех

местных растений. Она молилась, чтобы под ноги им не попала змея. Наверное, Павел думал о том же, потому что в одной руке у него была палка, а в другой фонарик, луч от которого высвечивал большое овальное пятно впереди.

Наконец Павел замедлил шаг и вовсе остановился.

Стремительно светало. В тропиках ночь вообще очень быстро сменяется днем – и наоборот. Марина, затаив дыхание, смотрела, как проступают очертания дальнего склона. Перед ними раскинулось ущелье, через которое был переброшен железнодорожный мост с зубчатыми опорами, уходящий в тоннель над их головами. До ближайших клепаных опор оказалось никак не больше десяти метров.

– Теперь ждем поезд и кричим.

– Что?!

Павел оживился:

– Именно так! Кричим. Я покажу как.

– Будто я кричать не умею, – фыркнула Марина. – И все равно не буду.

– Будешь. Подумаешь о том, что хочешь умереть. Подумаешь о том, что не хочешь умирать. Вспомнишь свою маму. Этого довольно, чтобы закричать. А здесь – можно. Вон он идет, смотри.

Хотела бы Марина возразить. Но поезд большой оранжевой гусеницей уже вползал на мост с противоположного края. Шум все нарастал.

И тогда Павел закричал. Сначала это был скорее просто звук «аааа», но он становился все громче и будто ускорялся. Жестами мужчина подначивал Марину, чтобы и та закричала.

Марина растерялась. Увидеть Павла в таком глупом положении она не ожидала.

Но еще больше она не ожидала, что закричит сама.

«Подумаешь о том, что хочешь умереть. Подумаешь о том, что не хочешь умирать. Вспомнишь свою маму...» – вспомнилось только что сказанное. И внезапно Марина подхватила крик, за секунду усилив до максимума. Она закрыла глаза, ощущая, как налетел свирепый ветер ущелья, принесенный мчащимся по мосту поездом. Чувствовала, как воздух холодит небо и гортань. Кислород кончался у нее в легких, и тогда она набрала полную грудь, только чтобы кричать сильнее, громче, отчаяннее. Поезд грохотал прямо над ними, и весь мир гремел и рушился вместе с ним. Не оставалось ничего. Марина словно сама себя разбивала вдребезги собственным воплем. Как будто она падала в ущелье.

Он в который раз был прав, этот Павел. Марина думала о маме, о том, как виновата перед нею. Как мало дала ей тепла – «можно было больше!»,

как поздно спохватилась – «можно было раньше!». Как уже ничего не вернуть, и нестерпимо горько, что просто нельзя забраться к маме на ручки и сказать: «Мамочка, я тебя люблю. Очень-очень! Прости меня, ну прости, пожалуйста-препожалуйста...» Она вспомнила разом все свои ночные кошмары. В одном из них бродячая собака перекусывала ей горло, и красная соленая жидкость, булькая, вытекала из ее тела вместе с жизнью. В другом все знакомые собрались дома попрощаться с нею, которая должна умереть завтра, но при этом чувствует себя совершенно здоровой. И все же прощается – ведь люди собрались, неудобно, значит, надо умирать... В третьем прямо перед ней в бокале вина пальцем размешивали яд и протягивали ей этот бокал, а она знала, что не может отказаться.

Эти сны объединяло одно сильное чувство. Соппротивление.

Марине почудилась, что она уже умирала. Что она не выплыла, что в толще воды ее тело раздавил жгучий огонь, что на оживленной улице что-то мощное и невидимое зацепило и отбросило ее в бездну. Это было ужасающе. Такого не должно случиться больше.

Я не готова умирать.

Я не хочу.

Еще не время!

А потом поезд умчался в тоннель, и все стихло. Сзади подошел Павел и крепко обнял ее за талию.

На обратном пути умышленно болтали о всяких пустяках. Что вкуснее, мангостины или рамбутаны, и почему в здешних кафе картофельное пюре только из порошка, хотя картошка есть. Марина расспрашивала, есть ли перед его спортзалом домик для духов и какое угощение он им оставляет.

Павел видел, как девушка повеселела, и тоже улыбался.

Марина совершенно переменялась. Ей хотелось смеяться, выдумывать глупости.

– Почему, ну почему ты не встретился мне раньше? – недоумевала она.

– Все мы встречаемся друг другу в свое время. Для чего-то.

– Намекаешь, что ты встретился мне, чтобы я покричала на мосту?

– Смею мечтать, что для гораздо большего. А если бы встретился раньше... Ну и что бы мы с тобой делали, скажи на милость?

Марина игриво сощурилась.

– Вот-вот, – усмехнулся Павел.

Он высадил ее прямо у крылечка прачечной госпожи Рунг. И Марина с ужасом поняла, что сейчас, вот прямо в эту минуту, когда все вокруг чуть нереально из-за бессонной ночи и разрозненных эмоций, когда тайцы моют

из шлангов улицу перед своими лавочками, когда мышцы начинают ныть, напоминая о вчерашнем неудавшемся утоплении, а во рту сухо от выпитого накануне рома, – так вот в эту самую минуту она должна отпустить своего светловолосого викинга прочь. Что он взрослый мужчина с собственными делами, собственной жизнью и даже с дочерью, недавно вышедшей замуж. И что они никто друг другу, даже если сердце говорит обратное. Она должна сейчас как ни в чем не бывало чмокнуть его и попрощаться, довольно ласково, но при этом без стонов и причитаний. Как полагается новым знакомым. А как это сделать, она совершенно не представляет. Она не знает, как прожить грядущий день без этого внимательного серого взгляда.

– Поднимешься ко мне? – предложила она. – Покажу свою домашнюю ящерицу, которая живет в стене.

– Они тут повсюду. Но нет. Надо идти. Я только спрошу у тебя кое-что и пойду.

– Хорошо. Спрашивай.

– Ты ведь не всегда красилась в рыжий?

– Нет. До недавнего времени я была брюнеткой.

– А рыжей была твоя мама, точно... – Павел постучал себя пальцем по лбу, словно сетуя на забывчивость. Но его глаза не мигая скользили по Марине. Он вглядывался так пристально, будто хотел запомнить ее.

Марину охватила вдруг такая тоска, что стало трудно дышать.

Как же душно.

– Это... все, что ты хотел спросить? – упавшим голосом уточнила она. – Почему мне кажется, что ты прощаешься со мной навсегда?

Павел продолжал ласкать ее глазами.

– Это зависит от тебя, – признался он. – Только твое дело – решать, как дальше пойдет твоя жизнь. Поплыть по ее привычному руслу – проще и легче. Но неизведанные берега могут оказаться прекраснее, чем в самых смелых мечтах. Я не могу просить тебя. Реши сама.

– Да о чем ты? – разнервничалась она.

– Выходи за меня замуж.

Марина опешила. От неловкости она засмеялась и тут же испугалась, что обижает его этим смехом. Но Павел все так же мирно стоял возле машины и ждал ее ответа. Он не шутил.

– Но... мы вчера познакомились... А ты производишь впечатление человека, который научился принимать взвешенные решения.

– Мое решение обдуманно, и не раз, – спокойно глядя Марине в глаза, произнес Павел. – У меня было время. Весь вопрос в том, решишься ли ты.

Иногда нам всем нужен провожатый. Чтобы взял за руку и повел, когда в одиночку страшно ступить следующий шаг.

Безумие. Если он всерьез, то как ей быть? К такому повороту событий Марина была не готова. Но с другой стороны, еще вчера она думала, что сегодня не настанет... Марина попробовала объясниться:

– Понимаешь... Теперь я как будто остановилась. Зависла.

– Старая песня. Вчера эти слова были еще уместны. Неужели ты не чувствуешь, что все переменялось за минувшую ночь? – Павел подошел и взял ее руку. – Ты зависла много лет назад. Задержала дыхание. А ты попробуй пожить. Тебе это понравится. Тебе уже сейчас нравится. Имей совесть это признать!

Марина внимательно взглянула в его смеющиеся глаза. Она хотела ответить что-то наподобие «вот тебе легко говорить», но прикусила язык. Он прав. Ей нравится. Ощущение тонкого полотна платья, метущего по голым коленкам, вкус холодной кокосовой воды, апельсиновый сок душистого манго, текущий по подбородку. Хмель рома. Грохот поезда. Перечная острота сушеного тамаринда с пряностями. Но все же, все же...

– Зачем я тебе? Ты ведь все знаешь теперь. Мы не проживем до старости и не умрем в один день. Я буду разваливаться на глазах, и притом довольно скоро.

– Думаешь, я дурень и ничего не понимаю? Но ты мне нужна. Более того, мы не знаем грядущего, так что на твоём месте я бы не слишком уповал на такой исход. Однажды я решил, что стану отцом. И стал. Было трудно, но я справился. И сейчас я уверен тоже. Потому что как только я увидел тебя, то сразу понял, что ты – та самая. Единственная. Я тебя узнал, и я тебя ждал. Когда такие признания слышишь от других, возникает сомнение в адекватности говорящего, я знаю. Мужчины ведь так не говорят... Но правда в том, что все люди разные и признаются в любви по-своему. И что делать, если я так чувствую? Ты приехала – и все встало на свои места, приобрело смысл, цельность, правильность. Курортного романа с тобой мне будет недостаточно. Быть с тобой парой, семьей – вот что нужно. Мы будем жить, где захочешь, и делать, что пожелаешь. Нам хватит и денег, и сил. Обещаю.

– Давай отложим этот разговор, – мягко попросила Марина.

Но Павел вдруг проявил недюжинное упрямство:

– Нет, не отложим. Сегодня на закате я буду ждать тебя на пляже, на самом краю, у камней. Приходи, только если согласна стать моей женой. Или не приходи вовсе.

После этих слов Павел накрыл ее губы неутолимым ищущим

поцелуем. Вся страсть, которой он пока не давал выхода, влилась в этот поцелуй и разогнала сладкий яд по артериям Мариного тела.

Павел отстранился и еще раз окинул ее взглядом, сел в машину и тут же уехал. А Марина поднялась к себе и села на постель, обеими руками держа голову. Как будто это могло навести порядок в ее мятущихся мыслях.

В два пополудни она проснулась, первым делом вспомнив, что должна решить. До заката оставалось немногим более четырех часов. Марина хотела видеть Павла, непременно, безотлагательно. Любовное похмелье. Странно думать, что он совсем близко, в спортзале на соседней улице, но она не имеет права прийти к нему – потому что не приняла решения.

Она пообедала с Аллой: та вечером улетала.

– Чемоданы собраны, корзинка с фруктами упакована, – отрапортовала дама. – Пора домой. Я соскучилась по нашей зиме. Созванивалась с Игорьком – у них уже снег лег.

Марина прислушалась к себе. От одной мысли о возвращении восвояси ее продрал озноб.

Ни с одной живой душой она не обсудила предложение Павла. Последняя подруга перестала считаться таковой, когда через две недели после похорон мамы Оли встретилась с Мариной в кафе и стала жаловаться:

– Представь, нас трое, да еще его мамаша в соседней комнате. Хозяйка опять плату подняла. Чертов квартирный вопрос. Тебе хорошо – одна и в собственной квартире...

Объяснять, что не так в этом заявлении, Марина не стала. Так что теперь ей не с кем было посоветоваться. Некому было ахать и увещевать, спрашивать, не брачный ли аферист этот ее Павел и зачем ей все это нужно. Марина хотела поделиться происходящим с Аллой, но та уже отсутствовала, мысленно улетая в Россию.

Они расцеловались на прощание и обменялись адресами. Глядя вслед удивительной лучезарной женщине, Марина размышляла о том, что судьба выделила ей всего четыре года на счастье. И все-таки Алла являла собой олицетворение благодарности.

Еще час Марина просидела в кафе, раздумывая, как причудливо все устроено. Как запутано, связано одно с другим. И всего замысла целиком никак не увидеть. Если бы знать, для чего это все. Для чего она заговорила на пляже с Аллой. Для чего познакомилась с Чоном, его сестренкой и госпожой Рунг. В конце концов, для чего выплыла вчера из рипа, уцелела, не умерла...

Марина вышла из кафе и в темной неприметной лавочке по соседству купила несколько кусков резного мыла. Сама она пользовалась гелем для душа, а сувениры везти ей некому, но уж больно старался мальчонка, сидящий на высоком стуле с резаком в руках. В лавке едко пахло мыльной пылью, а перед мальчиком высилась стопка фабричных брикетов «Палмолив», которые он превращал в цветы орхидеи. Он просиял, сказал «спасибо, мадам» и сунул купюры в карман джинсов.

Конечно, она не могла знать, что мальчика зовут Тавон и что на покупку вожденного мопеда, присмотренного в обшарпанном магазинчике у подножия холма, ему не хватало именно этой суммы. Если не отберет тетя Си. Но тетка была занята в глубине лавки и ничего не заметила.

Марина вышла на яркий безудержный свет и почти сразу забыла мальчика. А он еще несколько дней помнил ее.

После полуденной апатии пляж возвращался к жизни. Но сегодня море мало интересовало девушку. Она окликнула Чона.

Ей не давал покоя давешний разговор Павла и бирманки-прорицательницы. Ведь они обсуждали ее, следовательно, она имела право знать. Может быть, беседа ничего не значила. Но ей так не казалось. И Чон ей требовался в качестве переводчика. Вместе они дошли до щели между домами, в которую вчера вечером протискивался Павел.

Старуха Бутракхам сидела под невысокой узловатой кассией^[14], вытянув ноги. Возле нее вышагивал потрепанный петух и клевал пыль. На плоском камне перед нею лежал разнородный мусор из ее кожаного мешочка. Косточка тамаринда, белая пуговка от давнишней рубашки Павла, в которой он некогда пересек границу королевства. Здесь были кольца, заколки, шурупы, резиновый мячик-попрыгун, серьга с зеленой бусиной, которую Сенка Златович потеряла во время купания, и монета в пятьдесят сатангов, оброненная Куртом Миттельбаумом в грязную уличную жижу, и ключик, которым Лея в детстве запирала розовую шкатулку с секретиками. Посторонним это, конечно, было неизвестно. Бирманка перекладывала вещицы то так, то эдак, шепча над ними что-то на своем родном языке. При появлении гостей она сощурилась.

Чон почтительно поклонился, Марина тоже.

Бутракхам заговорила первая:

– Это ты, долгожданная морская женщина.

– Я хотела узнать у вас кое-что. Можно?

– Можно, почему же нельзя. Кто не спрашивает, тот не получает ответов. Он спросил тебя, станешь ли ты его женой?

Марина была поражена. Значит, не зря она сюда явилась.

– Спросил.

– А ты знаешь ответ, но не говоришь. Нехорошо! – Старуха неизвестно отчего развеселилась и стала хлопать кончиками пальцев по колену. Петух истошно закукарекал.

– Но я не знаю! – возразила Марина.

– Шесть лет назад твой мужчина приехал сюда. И здесь ему приснился сон. Женщина с волосами, как перья черного грифа, вышла из моря и села с ним рядом. И он понял, что ему дороже этой женщины нет никого на земле. Он проснулся утром и не мог дышать, так его снедала тоска по ней. И тогда он пришел ко мне и пересказал сон. Я велела ждать...

Она сверкнула желтыми глазами:

– А ждать твой мужчина умеет. Без ропота, без сомнений. Он никуда больше не уезжал, все ждал и дождался. Пришло время, и явилась ты, женщина с волосами, как перья черного грифа. Он узнал тебя. И я тебя узнала, как только увидела. А эти волосы, что у тебя сейчас, красные, – они не твои. Они принадлежат другой. Вчера я сказала ему, что его ожидание окончено и больше его тут ничто не держит. Держишь только ты, куда бы ни пошла.

Словно ветер подхватил Марину на крылья, такая легкость возникла вдруг во всем теле. Старуха Бутракхам усмехнулась и махнула рукой, видя ее нетерпение. Марина уже собиралась броситься бежать, но тут снова обратила внимание на Чона, с любопытством поглядывающего на старуху и на нее. Она вспомнила про Лею и Мики и про разбитую голову. Может ли так быть, что она помогла Чону только затем, чтобы сегодня, сейчас, он помог ей понять старую бирманку?

Марина склонилась к парню и зашептала:

– Чон, спроси у нее совета для себя. Спроси. Этой женщине ведомо все тайное...

...или она просто старая мошенница. Но эту часть фразы Марина оставила при себе.

Она вышла из моря и встряхнула волосы. В нос ударил резкий запах аммиака и бальзама от только что выкрашенных темных прядей. Но даже это доставило Марине удовольствие. Впервые за многие годы она чувствовала себя абсолютно живой. Она видела, слышала и осязала мир вокруг себя.

Под пятками звенели и повизгивали песчинки.

Торговец гамаками шел вдоль моря, твердя одну-единственную фразу с той же периодичностью и интонацией, с какой кричит одинокая лягушка из

вечернего болота.

Над остывающим песком плыл аромат горячей кукурузы.

Неохватных размеров таец медленно брел, держа за стропы огромный бело-голубой парашют. Бриз наполнял его купол, трепал и норовил унести вместе с хозяином.

Юная девушка вскрикивала от умиления, фотографируясь с глазастым лемуrom лори, которого носили здесь каждый день.

А тем временем главное событие этого дня происходило так глубоко, было так сокрыто, что никто со стороны о нем даже не подозревал...

Марина еще из воды увидела Павла. Он присел на плотный влажный склон берега и поминутно оглядывался, нервничая в неведении. Сердце щемило от этой картины, она хотела бы бежать к нему со всех ног. Но удержалась. И шла неспешно, с улыбкой и сияющими глазами. Невозможно было даже представить, чтобы вся ее жизнь сложилась как-то иначе. Она была благодарна – за эту минуту и за викинга, в нетерпении треплющего свои светлые с проседью кудри, снова в ожидании ее.

Когда Павел увидел ее, в его глазах воцарилась безмятежность.

Марина присела рядом с ним, так близко, что ее покрытое капельками воды бедро прислонилось к его бронзовой горячей ноге, поросшей светлыми волосками, и склонила голову ему на плечо. Пальцы их рук сплелись.

Ни проронив не слова, они смотрели, как красный диск солнца уходит в ночь и, словно в слив, утягивает за собой минуту за минутой.

notes

Примечания

1

Макашницы – передвижные уличные тележки-жаровни, на которых в Юго-Восточной Азии готовят разнообразную еду и тут же продают. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

2

Тук-тук – вид тайского такси.

Танака – косметическая паста растительного происхождения, которую используют бирманцы как охлаждающее, солнцезащитное, успокаивающее и лечебное средство.

4

«7-Eleven» – сетевые супермаркеты.

5

Фарангами в Королевстве Таиланд называют иностранцев.

6

Трамадол – сильное опиоидное болеутоляющее.

Лимож – город во Франции, столица региона Лимузен.

– Анна, дорогая, мы искали тебя! – Мы идем! (*англ.*)

Шиптер – грязь, мусор (*серб.*).

10

«Chang» – марка пива, произведенного в Таиланде.

Жарками в Сибири называют цветок купальницы азиатской.

Лионель Месси – аргентинский футболист, выступающий за футбольный клуб «Барселона».

Названия клубов в Санкт-Петербурге 1990-х годов.

Кассия – род полукустарников семейства бобовых.